

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Якушкина Наталия Михайловна

Личность И.И. Козлова в общении с современниками:
диалогическая основа творчества

Специальность: 10.01.01 –
«Русская литература»

Диссертация на соискание учёной степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Киселёва Ирина Александровна

Мытищи–2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Модель идеальных человеческих отношений в дневнике И.И. Козлова и духовное становление личности поэта	18
Глава 2. Значение дружбы с В.А. Жуковским для формирования творческой индивидуальности И.И. Козлова	45
Глава 3. Творческая связь И.И. Козлова с А.С. Пушкиным и литераторами Петербурга	84
Глава 4. Искренность чувств и искусство светского общения в посланиях И.И. Козлова к женщинам-современницам.....	138
Заключение	201
Список литературы	208

Введение

И.И. Козлов – поэт, который во многом определил развитие русской литературы. Будучи слепым и прикованным к постели, он явился одним из центров культурного общения той поры, о чём свидетельствуют как поэтические послания и письма современников, так и его поэзия и дневниковые записи. Переводы И.И. Козлова поражают своей ясностью и точностью, стихотворения – чистотой и искренностью, романсы – красотой звукового строя и ритмичностью. Зачастую именно через призму мировосприятия И.И. Козлова в России того времени понимали Джорджа Байрона и Вальтера Скотта, Адама Мицкевича и Франсуа Рене де Шатобриана. Он занимал достойное место на литературном поприще того времени. Значимо, что П.А. Вяземский в одном из своих стихотворений восклицал:

Козлов и Пушкин с Боратынским!

Кого ж еще бы к вам причесть?¹

(П.А. Вяземский «1828», 1827 г.)

В.Г. Белинский писал относительно сочинений И.И. Козлова: «Самобытность замечательного таланта Козлова <...> не подлежит ни малейшему сомнению»². В.А. Жуковский отмечал одну из главных особенностей произведений поэта: «Многие из них ознаменованы печатью благородного дарования; прелесть многих заключается в том, что они с величайшей верностью выражают правду, состояние души глубоко страждущей, глубоко верующей и смиренной»³. Изучая отклики на поэзию И.И. Козлова, В.И. Сахаров говорил о том, что «даже позднему Пушкину не довелось при жизни узнать успеха, равного триумфу поэм и элегий Козлова»⁴. Это высказывание, конечно, можно оспорить, но оно, без сомнения, отражает особое внимание к Козлову современников,

¹Вяземский П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский. Л.: Советский писатель, 1986. С. 210.

²Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии 1841-1844 / В.Г. Белинский; [ред. Н.Ф. Бельчиков]. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 72.

³Жуковский В.А. О стихотворениях И.И. Козлова / В.А. Жуковский // В.А. Жуковский-критик [Статьи и письма]. М.: Советская Россия, 1985. С. 168-171.

⁴Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1979. С. 7.

общение с которыми поддерживало поэта в несчастье вынужденной изолированности от общества (потеря зрения и возможности двигаться значительно ограничили осуществление желаний И.И. Козлова). В оригинальном творчестве И.И. Козлова преимущественное место занимают послания, которые представляют собой философские, лирически окрашенные раздумья о смысле жизни, для которых характерен исповедально-молитвенный тон.

Актуальность настоящего исследования обусловлена естественным интересом к человеческому общению, которое в сфере литературы преломляется в поэтику речевого поведения, поэтический разговор представляется художником важным аспектом личностного самосознания, понимаемого как самоопределение человека по отношению к внешнему миру. В литературе 1810-30-х гг. диалогическое начало выражено особенно ясно, а в названном аспекте особенно яркое воплощение нашло в творчестве И.И. Козлова. Особенности диалогизма поэзии И.И. Козлова определены и своеобразием эпохи, и его личной ситуацией. Оказавшийся в плену своего тела в силу поражения параличом, И.И. Козлов одну из важнейших потребностей человека – потребность общения – не мог выразить с наибольшей полнотой иначе, как через ведение дневника и поэзию, словесное творчество отражало рефлексию внешних связей, его диалог с самим собой, с Богом, с современниками. Козлов особенно ярко реализовался в различных модификациях жанра послания. Изучение ситуации поэтического общения, обладающего не только эстетической, но и личностной значимостью, связано с исследованием актуальной в современной гуманитарной науке антропологической проблематикой.

Новизна работы определяется комплексным характером изучения поэтического общения И.И. Козлова; в исследовании уточнены особенности поэтического взаимодействия И.И. Козлова с В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, поэтами петербургского круга, впервые системно представлены личностные отношения И.И. Козлова с современниками, раскрыты особенности его творческого общения с Царской Семьей, митрополитом Филаретом, хозяйками

литературных салонов, братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми, деятелями культуры и искусства, вскрыта специфика творчества И.И. Козлова.

Объект исследования – оригинальные и переводные поэтические произведения И.И. Козлова, обращенные к современникам, дневниковые записи и письма поэта, а также воспоминания и поэзия его современников.

Предмет исследования – становление и развитие творческой индивидуальности И.И. Козлова через общение с современниками.

Гипотеза данного диссертационного труда заключается в том, что своеобразие поэтического наследия И.И. Козлова во многом определяется его диалогическим характером, обусловленным необходимостью глубинного, часто исповедального диалога поэта с окружающим его социумом.

Цель работы – реконструкция диалогической модели творчества И.И. Козлова, представленной в сложной взаимосвязи его мировосприятия, особенностей поэтического дара и личностного общения с современниками.

Цель работы определила основные **задачи**:

- 1) рассмотреть становление поэтической индивидуальности И.И. Козлова в историко-культурном и литературном контексте его эпохи;
- 2) изучить дневник И.И. Козлова как отражение его повседневной жизни, истории знакомств и общения, рефлекслируемых ценностных приоритетов;
- 3) показать особенности личного и творческого общения с В.А. Жуковским, обозначить степень влияния последнего на формирование поэтической индивидуальности И.И. Козлова;
- 4) исследовать характер поэтического и эпистолярного диалога И.И. Козлова с А.С. Пушкиным и петербургскими литераторами;
- 5) раскрыть значение диалога И.И. Козлова с женщинами-современницами для развития его поэтического таланта.

Степень изученности проблемы: Изучению творчества И.И. Козлова посвящён ряд статей и высказываний как в прижизненной критике

(В.Г. Белинский⁵, П.А. Вяземский⁶, А.А. Бестужев-Марлинский⁷, Н.В. Гоголь⁸, В.А. Жуковский⁹, П.А. Плетнев¹⁰, Н.А. Полевой¹¹, А.В. Дружинин¹² и др.), так и в последующем отечественном литературоведении (Н.М. Данилов¹³, Ю.И. Айхенвальд¹⁴, В.Э. Вацуру¹⁵, В.Г. Мойсевич¹⁶, Д.Н. Жаткин¹⁷, С.В. Бобылева¹⁸, Ю.А. Тихомирова¹⁹, Э.А. Веденяпина²⁰, А.П. Бышкина²¹, Ю.В. Левченко²², Ю.Д. Левин²³, Н.П. Жилина²⁴, Н.И. Михайлова²⁵,

⁵Белинский В.Г. О творчестве И.И. Козлова / В.Г. Белинский // Отечественные записки. 1841. Т. VI. С. 1 – 15.

⁶Вяземский П.А. Чернец. Киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова / П.А. Вяземский // Московский телеграф. 1825. №8. С. 312-320.

⁷Бестужев-Марлинский А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России / А.А. Бестужев-Марлинский // Полярная звезда. 1823. С. 11-29; Бестужев-Марлинский А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России / А.А. Бестужев-Марлинский // Полярная звезда. 1825. С. 488-499.

⁸Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. 8. Статьи. 1952. С. 153-155.

⁹Жуковский В.А. О стихотворениях И.И. Козлова / В.А. Жуковский // В.А. Жуковский-критик [Статьи и письма]. М.: Советская Россия, 1985. С. 168-171.

¹⁰Плетнев П.А. «Невеста Абидосская»: турецкая повесть лорда Байрона, перевел Иван Козлов / П.А. Плетнев // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. №23. С. 182-196.

¹¹Полевой Н.А. Собрание стихотворений Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. 1833, №10. С. 317-324.

¹²Дружинин А.В. Полное собрание сочинений Ивана Козлова / А.В. Дружинин // Дружинин А.В. Сочинения. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1865. Т. VII. С. 82-97.

¹³Данилов Н.М. Иван Иванович Козлов / Н.М. Данилов. Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1914. 61 с.

¹⁴Айхенвальд Ю.И. И.И. Козлов / Ю.И. Айхенвальд // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 526-531.

¹⁵Вацуру В.Э. Козлов И.И. / В.Э. Вацуру // Русские писатели (1800-1917): биографический словарь. Ч. 3: К-М. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 5-8.

¹⁶Мойсевич В.Г. И.И. Козлов – переводчик британских поэтов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.Г. Мойсевич. Омск, 2006. 28 с.

¹⁷Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников / Д.Н. Жаткин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 176-192.

¹⁸Бобылева С.В. Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Бобылева. Саратов, 2008. 23 с.

¹⁹Тихомирова Ю.А. Жанровые разновидности романтического перевода: на материале переводов И.И. Козлова из английских поэтов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Тихомирова. Томск, 2008. 22 с.

²⁰Веденяпина Э.А. Романтизм И.И. Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э.А. Веденяпина. М., 1972. 21 с.

²¹Бышкина А.П. Ратная лирика И.И. Козлова / А.П. Бышкина // Филологические этюды. Саратов, 2013. Вып. 16, кн. 1. С. 21-25.

²²Левченко Ю.В. "Song" В. Скотта (из поэмы "Rokeby") в переводах К. Павловой и И. Козлова (сопоставительный анализ) / Ю.В. Левченко // Учёные записки РОСИ / Региональный открытый социальный институт. Курск, 2005. Вып. 6. С. 82-88.

²³Левин Ю.Д. Перевод из Шиллера И.И. Козлова / Ю.Д. Левин // Фридрих Шиллер: Статьи и материалы. М., 1966. С. 315-317.

²⁴Жилина Н.П. Образ Натальи Долгоруковой как воплощение женского идеала в поэмах К.Ф. Рыльева и И.И. Козлова / Н.П. Жилина // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия: Филология. 2009. №5. Т. 1. С. 7-11.

²⁵Михайлова Н.И. Поэтический диалог И. Козлова с митрополитом Филаретом / Н.И. Михайлова // Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский. М.: Московские учебники и Картолитография, 2003. С.228-229.

В.В. Соломонова²⁶, М.Я. и В.Б. Айзенштадт²⁷ и др.). Все труды, связанные с изучением творчества поэта, можно условно разделить на работы, посвящённые оригинальным сочинениям И.И. Козлова, и исследования, объектом которых стали его переводные произведения. Комплексного исследования, собственно обращенного к осмыслению диалогической основы его поэзии, не существует.

Отдельные аспекты, затрагивающие проблемы личностного взаимодействия И.И. Козлова с современниками, рассматривались в трудах А.И. Введенского²⁸, А.С. Хомутова²⁹, К.А. Труша³⁰, К.Я. Грота³¹, И.Д. Гликмана³², В.И. Сахарова³³, В.В. Афанасьева³⁴ (монаха Лазаря), А.В. Пятаевой³⁵, С.В. Гузиной³⁶ и некоторых других.

В. Соколов в журнале «Новости литературы» (1825), размышляя над статьей, опубликованной в «Санкт-Петербургской газете» на французском языке и посвящённой посланию И.И. Козлова к В.А. Жуковскому, отмечает, что последнему «приятно иметь подражателя, который так хорошо вспоминает о своем руководителе, соединяя живость картин с прелестью выражения»³⁷. На страницах того же журнала в разделе «Критика» В. Соколов свидетельствует и о влиянии на творчество И.И. Козлова Дж. Байрона, которая обнаруживается в

²⁶Соломонова В.В. Поэма И.И. Козлова «Чернец» в оценке его современников // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2009. Ч. 2. С. 52-56.

²⁷Айзенштадт М.Б., Айзенштадт В.Б. У поэта Козлова – в поисках забытого адреса // Нева, 2005. № 8. С. 229-232.

²⁸Введенский А.И. Вступительная статья и комментарии к полному собранию сочинений И.И. Козлова / А.И. Введенский // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. СПб: Издание А.Ф. Маркса, 1892. С. 5-10.

²⁹Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. 1886. №2. С. 177-200.

³⁰Труш К.А. Очерк литературной деятельности И.И. Козлова (1779-1840) / К.А. Труш. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1899. 32 с.

³¹Грот К.Я. К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова / К.Я. Грот // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 88.

³²Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 5-51, 441-490.

³³Сахаров В.И. Поэзия светлой души: к 200-летию со дня рождения И. Козлова / В.И. Сахаров // Волга. 1979. №4. С. 176-181.

³⁴Афанасьев В.В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове / В.В. Афанасьев. М.: Детская литература, 1977. 192 с.

³⁵Пятаева А.В. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.В. Пятаева. Волгоград, 2007. 30 с.

³⁶Гузина С.В. Ценностные ориентиры художественного мира И.И. Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Гузина. М., 2013. 28 с.

³⁷Соколов В. Послание к В.А. Жуковскому, сочинение И.И. Козлова, напечатанное вместе с его же стихотворной Повестью: Чернец [перевод статьи из Санкт-Петербургской газеты на французском языке] / В. Соколов // Новости литературы. 1825. Кн. XIII. С. 40-48, 101-109.

повести «Чернец», написанной под прямым воздействием произведений английского романтика. Однако критик предупреждает читателя: «Не думайте, однако ж, найти в русском авторе рабского подражателя лорду Байрону <...>. Герой его поэмы имеет свой особенный отпечаток...»³⁸.

Н.А. Полевой на страницах «Московского телеграфа» обращает внимание читателей на изысканный слог И.И. Козлова: его «стихи звонки и гибки»³⁹. Критик видит огромную заслугу поэта и на переводческом поприще: «Он перевел все «Крымские сонеты» Мицкевича и печатает их особою книжкою. Тем приятнее будет этот новый подвиг нашего поэта, что он передает нам в поэтических формах песнопения родного нам по отечеству Мицкевича...»⁴⁰. Н.В. Гоголь, усматривая литературный ориентир творчества И.И. Козлова в А.С. Пушкине, отмечает: «Козлов относится к Пушкину так, как часть к целому. Поэт понимает все достоинство последнего. Оно лестнее жаркой душе его и кадил, и безотчетных хвал»⁴¹. А.В. Введенский в биографическом очерке, который предшествовал сочинениям поэта, обращал внимание читателей на то обстоятельство, что одним из первых оценил И.И. Козлова В.А. Жуковский, который «отличил Козлова в светской толпе и подружился с ним; дружба эта, не оставшаяся без влияния на Козлова, связывала их всю жизнь»⁴². Исследователь приводит имена и других литературных деятелей, которые были связаны с И.И. Козловым дружескими и творческими нитями: А.И. Тургенев, А.А. Перовский, Н.И. Гнедич, Е.А. Боратынский, П.А. Вяземский, Л.С. Пушкин, А.А. Дельвиг. А.В. Введенский отмечает: «Петербургское общество и иностранные знаменитости литературы и

³⁸Соколов В. Послание к В.А. Жуковскому, сочинение И.И. Козлова, напечатанное вместе с его же стихотворной Повестью: Чернец [перевод статьи из Санкт-Петербургской газеты на французском языке] / В. Соколов // Новости литературы. 1825. Кн. XIII. С. 101

³⁹Полевой Н.А. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Сочинение Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. 1828. №4. С. 553.

⁴⁰Полевой Н.А. Стихотворения Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. 1828. №24. С. 485

⁴¹Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [Подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8. Статьи. 1952. С. 154.

⁴²Введенский А.И. Вступительная статья и комментарии к полному собранию сочинений И.И. Козлова / А.И. Введенский // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. СПб: Издание А.Ф. Маркса, 1892. С. 6

искусства искали случая знакомиться с Козловым, и каждый, чем мог, старался облегчить его грустное положение...»⁴³.

Важной представляется работа А.С. Хомутова, дальнего родственника И.И. Козлова по материнской линии, который с разрешения Александры Ивановны Козловой (дочери поэта) опубликовал в № 2⁴⁴ и № 3⁴⁵ журнала «Русский архив» за 1886 г. стихи, письма записки поэта, которые хранились у его сына, Ивана Ивановича Козлова (скончался в 1883 г.). Труд получил название «Из бумаг поэта И.И. Козлова» (1886) и включил также фрагменты писем В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, Е.А. Боратынского, Н.И. Гнедича, М.Н. Загоскина, И.П. Мятлева, А.Н. Муравьёва, А.Н. Голицына, Ф. Шатобриана и других «литературных знаменитостей, писавших Козлову, ценивших его и вполне сочувствовавших, как его таланту и литературной деятельности, так и его страдальческому положению»⁴⁶. Перед публикацией фактического материала автором приводятся интересные биографические данные о поэте, многие из которых до этого времени были неизвестны для читателей. Следует отметить, что Хомутов рассказывает о Козлове с необыкновенной теплотой и сердечностью, чувствуя себя причастным к его судьбе. Возможно, это объясняется существовавшими родственными связями, но совершенно очевидно, что при изучении творчества поэта невозможно остаться равнодушным к его личности. «Но Богу угодно было в то же время пробудить в нём новые, дотоле не испробованные им силы: слепцу открылся мир поэзии; в нём развилась потребность знания языков, и он, больной, слепой и недвижимый, сделался замечательным поэтом»⁴⁷, – пишет он. А.С. Хомутов акцентирует ценность обретенного поэтического дара для личности Козлова: «Новые струны звучно раздались в его сердце, и новый мир предстал незримо перед ним»⁴⁸.

Значимое исследование творчества И.И. Козлова представил К.А. Труш в «Очерке литературной деятельности И.И. Козлова» (1899). В своем труде он

⁴³Введенский А.И. Вступительная статья и комментарии к полному собранию сочинений И.И. Козлова / А.И. Введенский // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. СПб: Издание А.Ф. Маркса, 1892. С. 9

⁴⁴Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. 1886. №2. С. 177-200.

⁴⁵Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. 1886. №3. С. 309-311.

⁴⁶Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. 1886. №2. С. 178.

⁴⁷Там же С. 179.

⁴⁸Там же. С. 179.

подробно описал, как происходило становление творческой личности поэта. К.А. Труш размышляет об особенностях восприятия И.И. Козловым внешнего мира, опираясь на воспоминания его современников. Так, например, он приводит высказывание А.Н. Муравьева: «Козлову остались доступными пение и музыка и всегда глубоко на него действовали. Тогда он переносился в прошлое, вспоминал лучшее время своей жизни и забывал о безотрадном настоящем»⁴⁹. Автор очерка поднимает вопрос о дружеских связях И.И. Козлова, выделив тех, кто входил в его близкое окружение – В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, А.А. Воейкову, А.И. Тургенева и других. Однако исследование К.А. Труша, как это и заявлено в названии, носит очерковый характер и не претендует на полноту и системность.

Весомый вклад в изучение наследия И.И. Козлова внёс К.Я. Грот. Он первым воедино собрал и опубликовал дневниковые записи И.И. Козлова (Дневник И.И. Козлова⁵⁰, 1906 г.), предоставив возможность познакомиться с мыслями и переживаниями поэта. В своей вступительной статье и комментариях⁵¹ он обозначил дружеское и творческое общение, которое связывало поэта со многими его современниками. В предисловии автор труда отмечает, что найденные им «дневники, писанные по обычаям времени и круга, в котором с детства вращался поэт, на французском языке, имеют характер то детальных, то кратких записей о времяпрепровождении, событиях дня, вообще о домашней жизни поэта, которая протекала в однообразных и тягостных условиях его болезненного состояния и вечной ночи, его окружавшей»⁵². Приведённый исследователем материал охватывает период жизни поэта с 1818 по 1840 г. (год смерти И.И. Козлова). К.Я. Грот не делает подробного анализа каждой выдержки из дневника, довольствуясь кратким обзорным комментарием к условной главе, предоставив читателям самим погрузиться в его внутренний мир. Труд К.Я. Грота

⁴⁹Труш К.А. Очерк литературной деятельности И.И. Козлова (1779-1840) / К.А. Труш. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1899. С. 10.

⁵⁰Козлов И.И. Дневник / И.И. Козлов; [публ., вступ. ст. и комментарии К.Я. Грота]. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с. Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках номера страницы в тексте.

⁵¹Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/ И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 1-33.

⁵²Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/ И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С.1.

чрезвычайно важен для исследователей поэзии И.И. Козлова, и, подобно работе А.С. Хомутова, является ценным источником изучения его творчества, но не претендует на исследование взаимодействия поэта с современниками и на осмысление диалогической основы его творчества.

В 1914 г. вышла в свет работа Н.М. Данилова «Иван Иванович Козлов. Опыт пересмотра материалов для его биографии», в которой автором подробно описан жизненный путь поэта, обозначен круг его друзей и знакомых, общение с которыми стало едва ли не единственным утешением поэта: «Отягчённый бременем своей болезни, он почти все время проводит в кругу семьи и друзей <...>. Занятия поэзией, чтение и беседы с постоянно навещающими его многочисленными друзьями»⁵³. В 1915 г. Н.М. Данилов опубликовал «Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова»⁵⁴, внося значительные поправки в существующие комментарии литературоведов к стихотворениям И.И. Козлова.

В советский период исследований, посвященных наследию И.И. Козлова, было немного. Среди них следует отметить вступительную статью и комментарии И.Д. Гликмана к полному собранию стихотворений И.И. Козлова⁵⁵ (1960), где комплексно представлен материал о жизни поэта, обозначен ближайший круг его дружеского и литературного общения.

В.И. Сахаров к 200-летию со дня рождения И.И. Козлова подготовил избранное собрание сочинений (1979), в которое вошли стихотворения поэта и поэма «Чернец». Во вступительной статье к изданию автор рассказывает о жизни и творениях И.И. Козлова, приводит воспоминания его современников. Особенное место он отводит литературному общению, которое сложилось у И.И. Козлова, когда он переехал в северную столицу: «В Петербурге он познакомился с Крыловым, Дельвигом, Боратынским, юным Александром

⁵³Данилов Н.М. Иван Иванович Козлов. Опыт пересмотра материалов для его биографии / Н.М. Данилов. Петроград: Типография императорской академии наук. 1914. С. 32.

⁵⁴Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. Петроград: Типография императорской академии наук. 1915. С. 1-34.

⁵⁵Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Ленинград: Советский писатель, 1960. С. 5-51, 441-490.

Пушкиным, будущими декабристами Никитой Муравьевым и Кюхельбекером»⁵⁶. В.И. Сахаров пишет: «Иван Козлов благодаря дружбе своей с Жуковским и братьями Тургеневыми оказался в самом центре нарождающегося литературного движения»⁵⁷. Исследователь так определяет значение поэта в литературной эпохе той поры: «Козлов же был одним из самобытных поэтических талантов пушкинского времени, и его имя навсегда останется в краткой, но богатой истории той эпохи рядом с именами Боратынского, Языкова, Вяземского, Дельвига, Веневитинова»⁵⁸.

В.В. Афанасьев в художественно-документальном исследовании о поэте «Жизнь и лира»⁵⁹ (1977) описал жизненный путь поэта и наметил векторы его взаимодействия с деятелями культуры и искусства того времени, прежде всего с В.А. Жуковским. Исследования В.В. Афанасьева опираются на биографический и культурно-исторический методы и являются основательной базой для изучения творческой индивидуальности И.И. Козлова в его общении с современниками.

Начало XXI века отмечено возросшим интересом к личности И.И. Козлова, прежде всего, как переводчику. В 2000-х гг. вышло несколько научных трудов, в которых определяется значение переводческой деятельности И.И. Козлова в системе русско-европейских литературных связей. В.Г. Мойсевич в монографии «И.И. Козлов – переводчик британских поэтов» (2006) основное внимание уделяет творческой рецепции И.И. Козловым поэзии англоязычных авторов. Он отмечает, что поэтическая и переводческая деятельность И.И. Козлова формировалась и развивалась в русле эстетических концепций В.А. Жуковского, однако выделяет существенные различия творческих систем двух поэтов, подчёркивая, что И.И. Козлов далеко вышел за пределы литературного эпигонства и достиг уровня оригинальной художественной самобытности⁶⁰.

⁵⁶Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1979. С. 9-10.

⁵⁷Там же. С. 9-10.

⁵⁸Там же. С. 9-10.

⁵⁹Афанасьев В.В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове / В.В. Афанасьев. М.: Детская литература, 1977. 192 с.

⁶⁰Мойсевич В.Г. И.И. Козлов – переводчик британских поэтов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.Г. Мойсевич. Омск, 2006. С. 22.

С.В. Бобылёва в диссертационной работе «Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей» (2007) выявляет байронические мотивы в сочинениях И.И. Козлова, отмечает преемственность произведений поэта по отношению к лирике английских романтиков⁶¹.

Концептуальный взгляд на поэтическое наследие поэта представили в своих диссертационных работах А.В. Пятаева и С.В. Гузина. А.В. Пятаева в исследовании «Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова» (2007) рассмотрела творческий диалог В.А. Жуковского и И.И. Козлова, выделив в литературном наследии обоих поэтов схожие «поэтические видения и мотивно-образные комплексы (религия и поэзия, судьба и Промысел, грехопадение и покаяние)»⁶².

С.В. Гузина в диссертации «Ценностные ориентиры художественного мира И.И. Козлова» (2013) на первый план выдвинула «такие жизнеутверждающие категории, как любовь, дружба, семья, красота, гармония»⁶³, которые обретаются в общении с родными, друзьями, природой, искусством. В её исследовании рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия И.И. Козлова с его семьей и друзьями, однако задача представить целостную картину, воссоздающую место И.И. Козлова как творческой личности в культурной ситуации той эпохи, в диссертации не ставится.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящий момент существует достаточная источниковедческая и научно-исследовательская база для изучения диалогической основы творчества И.И. Козлова и реконструкции его личностного поля общения. Есть возможность научно опереться на аргументированные суждения о природе творчества И.И. Козлова, об основных мотивах его поэзии, связанных в том числе с диалогическим началом, но целостного и многогранного научного представления о становлении личности И.И. Козлова в общении с

⁶¹Бобылёва С.В. Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Бобылёва. Саратов, 2008. 23 с.

⁶²Пятаева А.В. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.В. Пятаева. Волгоград, 2007. С. 3.

⁶³Гузина С.В. Ценностные ориентиры художественного мира И.И. Козлова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Гузина. М., 2013. С. 59.

современниками не существует, что также обуславливает новизну данного диссертационного исследования, направленного на заполнение указанной лакуны.

Теоретическую и методологическую базу диссертации составили труды учёных в области истории и теории литературы: А.И. Введенского, А.С. Хомутова, К.Я. Грота, К.А. Труша, Н.М. Данилова, Ю.И. Айхенвальда, В.Э. Вацура, В.Г. Мойсевича, В.В. Афанасьева (монаха Лазаря), И.Д. Гликмана, В.И. Сахарова, О.Г. Егорова, В.Н. Аношкиной-Касаткиной, И.А. Киселевой, И.В. Моклецовой, А.В. Моторина, Е.Н. Федосеевой, Т.К. Батуровой, А.В. Пятаевой, Д.Н. Жаткина и др. Исследование основывалось на системном единстве выработанных литературоведами подходов к рассмотрению темы. Основанием для анализа поэтического наследия И.И. Козлова послужило сочетание классических и современных теоретических концепций. Основной методологический инструментарий исследования связан с культурно-историческим и сравнительно-историческим методами, с помощью которых исследуются особенности преломления романтических образов и мотивов в творчестве И.И. Козлова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и литераторов Петербурга, воссоздается культурно-исторический контекст 1820-1830-х гг. Использование биографического метода связано с изучением взаимодействия жизни и поэзии И.И. Козлова. Аксиологический метод подразумевает исследование ценностных ориентиров его личности, которые связаны прежде всего с домом, семьей, верой, друзьями, поэзией, поисками счастья и гармонии. Герменевтический метод служит для интерпретации образов, символов, сюжетов в лирике И.И. Козлова (челнок – корабль жизни, потерпевший крушение; история дуба, треснувшего от удара грозы, – символическое изображение судьбы поэта; птичка, появившаяся в его судьбе, но не захотевшая остаться – иллюзорность счастья и др.), подразумевает истолкование его сочинений в аспекте целостного авторского мировоззрения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование творческой индивидуальности И.И. Козлова происходило в характерной для эпохи русского романтизма атмосфере

дружеского сочувствия, эстетизации и идеализации человеческих взаимоотношений; жанрообразующими факторами в творчестве И.И. Козлова выступают ситуации переписки, личного визита, отклика на значимое событие, внутренняя потребность в исповедальности, портретировании адресата.

2. Дневник поэта предстает не только как отражение повседневной жизни, но и жизни души человека трагической судьбы; анализ дневника позволяет реконструировать жизнь творческого человека первой трети XIX века, представить глубокую укоренённость личности И.И. Козлова в русской почве, его воцерковлённость и особый дар общения, реализованный в жизни и литературном творчестве.

3. Диалогический потенциал поэтического дара И.И. Козлова нашел свое выражение в различных жанрово-тематических модификациях, прежде всего в посланиях, которые трансформировались в жанры оды, сонета, песни, романса, идиллии, баллады, мадригала, притчи, колыбельной и посвящений, в основе последних, как правило, лежат переводы произведений западноевропейской поэзии (Т. Тассо, Дж. Байрон, Т. Мур, А. Шенье).

4. Творчество И.И. Козлова как явление литературы занимает срединное положение между В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным; художественным ориентиром в начальном развитии поэтического дара И.И. Козлова становится диалог с В.А. Жуковским, за романтической поэтикой которого следует Козлов, используя те же образы (челнок, пловец, странник, певец страстей, море, Провиденье), мотивы сна и видения, двоимирия (здесь – на земле, там – в небесах) и встречи с Богом, памяти и утраченного счастья, дружбы как источника вдохновения, мотив спасения от бездны житейских невзгод. Диалог И.И. Козлова с поэтами пушкинской плеяды (П.А. Вяземским, А.А. Дельвигом, В.К. Кюхельбекером, Н.И. Гнедичем, Е.А. Боратынским, П.А. Плетневым, Д.В. Веневитиновым), переписка с А.С. Пушкиным, интерес А.С. Пушкина к личности и творчеству

И.И. Козлова позволяют говорить о непосредственной причастности И.И. Козлова к поэтам пушкинского круга; их объединяет не только поэтическое и личностное общение и интерес к европейским авторам-романтикам, но также единая ценностная парадигма.

5. Принцип поэтического диалога И.И. Козлова с современниками носит индивидуализированный характер: литературные интересы (В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, А.А. Дельвиг, З.Н. Волконская, А.Г. Лаваль, А.Д. Абамелек), философские воззрения (П.Ф. Балк-Полев), религиозные представления и духовные искания (В.А. Жуковский, А.Н. Муравьев, А.Г. Голицына, Т.С. Вейдемейер), эстетические переживания (В.А. Жуковский, Г. Зонтаг, П.Н. Бартенева, М.А. Потоцкая), эмоциональная вовлеченность (С.Д. Радзивил, Е.Н. Завадовская).

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования нашли отражение в статьях, в том числе в 4 изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, в сборниках научных трудов, в выступлениях на научных конференциях: Международной научной конференции «Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской классической литературы» (5-6 марта 2013 г., г. Москва, МГОУ), Всероссийской конференции «Национальное достояние России – 2014» (НС «Интеграция», 26-28 марта 2014 г., п. Непецино, Коломенский район; работа была отмечена дипломом I степени), Всероссийском X Оптинском форуме (15-17 мая 2015 г., Москва – Калуга – Боровск), III международном методологическом семинаре «М.Ю. Лермонтов: проблемы творчества и эстетической жизни наследия» (28 апреля 2018 г., Москва, МГОУ), III региональной научно-методической конференции «Образование в XXI веке: традиции и новаторство» (30 апреля 2018 г. Москва, МГОУ). Основные теоретические положения обсуждались на заседаниях аспирантского семинара кафедры русской классической литературы МГОУ (2013–2017) под руководством доктора филологических наук, профессора В.Н. Аношкиной и на Ежегодной научно-практической конференции аспирантов и преподавателей факультета русской филологии МГОУ (2013, 2014, 2015, 2016 г. Москва, МГОУ).

Теоретическая и практическая значимость диссертации связана с недостаточной изученностью роли диалога в художественном мире И.И. Козлова, личность которого повлияла на определение духовно-религиозного вектора русской литературы и культуры первой трети XIX века. Значение исследования определяется тем, что положения диссертации позволяют в большой степени раскрыть особенности личного и творческого общения поэта с современниками. Результаты, которые были получены в ходе научного исследования, дают возможность внести дополнения в курс истории русской литературы XIX века, могут быть использованы в процессе подготовки курсовых и дипломных работ, при разработке спецкурсов и спецсеминаров для студентов, изучающих историко-литературные дисциплины, на внеурочных учебных занятиях в средней школе в классах с гуманитарным уклоном.

Структура работы обусловлена исследовательскими целями и задачами. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы – 200 пунктов.

Глава 1. Модель идеальных человеческих отношений в дневнике И.И. Козлова и духовное становление личности поэта

Жанр дневника в русской культуре XIX века играл роль исключительную. И дело не только в моде на «ведение дневника», которая пришла в Россию из европейских стран в конце XVIII века, сколько в очень удобной и свободной для каждого автора форме: в дневнике можно описать всё, о чём думаешь, мечтаешь, переживаешь. Для одних дневник служил формой передачи мыслей и чувств, для других – изложением общественных и политических взглядов. О.Г. Егоров отмечает, что в рамках «жанровой специфики лучшие дневники были созданы не классиками, а писателями второго и третьего ряда»⁶⁴. Так, например, профессор Петербургского университета, цензор А.В. Никитенко, не являясь писателем в общепринятом смысле этого слова, стал известен в литературных кругах именно как автор «Дневника».

Будучи человеком открытым, способным изливать друзьям свои душевные переживания, взыскующим светской жизни с ее эстетикой, И.И. Козлов вряд ли может быть соотнесен с интровертом. Обстоятельства, заставившие его вести дневник, связаны, вероятно, с недостатком общения и осознаваемой необходимостью не терять связи с миром, дисциплинированием ума в условиях изолированности от общества, когда постигшее несчастье изменило привычную жизнь И.И. Козлова.

Дневник И.И. Козлова является уникальным памятником первой половины XIX века, в котором нашла отражение культурная жизнь того времени. На страницах дневника поэта возникают фигуры таких известных деятелей культуры, как братья Александр и Николай Тургеневы, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, А.Н. Муравьев; поэты, музыканты, духовные лица, хозяйки литературных салонов представлены в своей живой культурной жизни; в дневнике воспроизведена и рефлексия поэта от удаленного общения с Царской

⁶⁴Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование / О.Г. Егоров. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 4.

Семьей, митрополитом Филаретом, показано его восприятие окружающего общества; немалое место отведено фактам повседневной жизни И.И. Козлова в кругу семьи, что позволяет – в целом – реконструировать семейные взаимоотношения того времени, и – в частности – значение семейного общения на личность поэта.

Дневник, как жанр романтический, носил характер исключительной искренности и исповедальности, отражал важность фиксирования ежеминутных движений души и мыслей писателей. Следует заметить, что в литературоведении он редко воспринимался как самостоятельное произведение, в основном, как один из основных источников биографических данных. Наличие дневника давало возможность получить самые достоверные сведения о жизни писателя, его мыслях и поступках. В своем дневнике человек излагает «наготу» реальной жизни, с документальной точностью передает происходящие с ним события, фиксирует факты встреч и свое непосредственное впечатление от них. Читая его, мы убеждаемся, что писателю присущи те же сомнения, слабости и терзания, что и обычному человеку; дневник роднит автора с читателем.

Одна из основных особенностей дневника – индивидуальный стиль изложения. Исследователь О.Г. Егоров выделяет в зависимости от творческой установки автора три вида индивидуального стиля – информативное, аналитическое и эстетически нагруженное слово: «В первом случае задача автора сводится к более или менее точной передаче информации о событиях минувшего дня; во втором – определенная информация подвергается в той или иной степени анализу; и в третьем – отобранная информация ориентирована на эмоционально-экспрессивную оценку»⁶⁵. Стиль дневника И.И. Козлова ближе всего к информативному. Поэт не ставил для себя цели изложить в дневнике все происходящие с ним события. Он не пытался дать анализ действиям и поступкам, проанализировать те или иные ситуации. Поэту, как представляется, важнее было зафиксировать на бумаге мысли и чувства, которые он испытывал в минуты

⁶⁵Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование / О.Г. Егоров. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 4.

душевного волнения при чтении Святого Евангелия, церковных служб, общении с семьей, беседах с друзьями. На протяжении всего ведения дневника стиль не меняется.

Важно отметить, что поэт на страницах своего дневника не рассуждает о политических и общественных проблемах, не делает критических замечаний относительно каких-либо художественных произведений. Он выносит на страницы дневника бытовую (общение с семьей и друзьями) и духовную (беседы с духовником и священными служителями, чтение Святого Евангелия, молитвы) часть своей жизни.

Своеобразие дневника И.И. Козлова выражается в том, что он не приводит в нём отрывки из стихотворений, как делал это, например, П.А. Вяземский; намеренно не выстраивает диалогов с воображаемыми героями или реально существующими людьми, что можно наблюдать у В.А. Жуковского (диалог наставника с воспитанником, воображаемый диалог с М.А. Протасовой)⁶⁶. Все описанные поэтом события происходили в ограниченном пространстве его дома, за редким исключением тех вечеров, которые он проводил у друзей или в церкви.

В одно мгновение забыть о прежнем образе жизни, лишиться радости прежнего общения с родными и близкими, расстаться с привычным родом деятельности – вот, что стало предметом поэтического осмысления И.И. Козлова, а дневник запечатлел рефлексию поэта над этим обстоятельством. Понять и принять волю Творца, не дать возможности болезни и унынию захватить сердце стало главнейшей внутренней задачей И.И. Козлова. Он понимает, что остаться с такими мыслями наедине равноценно психологической смерти. В сложившихся обстоятельствах необходимо было обрести новый смысл жизни. Поэт находит его в вере в Бога, в семье, в общении с друзьями-литераторами, которых он безмерно любит и ценит, и, конечно, в творчестве. Но первым шагом на пути спасения стало ведение личных записей.

⁶⁶Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804-1833 гг. / В.А. Жуковский. М.: Языки русской культуры. 1999. 608 с.

В дневнике И.И. Козлов фиксирует события своей духовной жизни в их внешне церковной выраженности, его душевная боль ощущается им почти физически в силу постигшего его несчастья. Весь дневник поэта пронизан душевными излияниями. Описывая текущие события дня, впечатление от встречи с кем-либо, поэт постепенно приходит к тому, что дневник становится почти главным его собеседником.

Первые дневниковые записи поэта датируются 1818 г. – годом, когда сначала паралич, а затем потеря зрения лишили его возможности жить без посторонней помощи. Это во многом определило причины, побудившие И.И. Козлова начать записывать свои мысли на бумаге. Необходимо было излить горечь от постигшего несчастья. Неизвестно, велись ли до этого времени дневниковые записи, свидетельств об этом не осталось, но создаётся впечатление, что как только его постигло несчастье, прошлая жизнь осталась за какой-то невидимой чертой, а новая – открылась дневником. После потери зрения поэт, несмотря на окружение любящей семьи, остался один на один со своей болью, и не столько физической, сколько душевной. Именно тогда он остро осознает своё одиночество в этом мире и обращается к Богу – к Собеседнику, который всегда рядом.

В дошедших до нас дневниковых записях можно выделить три периода: 1) 1818–1819 годы; 2) 1820 и 1825 год; 3) 1830–1840-е годы.

14 апреля 1818 г. И.И. Козлов описывает ночь на Святое Воскресенье и заутреню, а также разговенье: «Светлое Христово Воскресенье. Сенатский священник приезжал пропеть Христос Воскресе! – Дружинин, Яковлев. – Мильтон – читал *Paulet Virginie* – мой милый роман...» [Дневник: 4]. Из-за состояния своего здоровья И.И. Козлов, видимо, не смог присутствовать на ночной торжественной пасхальной службе, поэтому утром священник того же храма, о котором говорилось выше, приехал к нему в дом, чтобы пропеть: «Христос Воскресе!». Друзья пришли разделить радость Великого Праздника. В приятной беседе прошла их встреча, которую сопровождало чтение популярной в

то время повести французского писателя Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виржиния», которую поэт очень любил.

И.И. Козлов уделял особое внимание чтению Святого Евангелия и домашней молитве: «По прочтении Св. Евангелия, снарядившись в путь, я пришел в спальню помолиться Богу, обнял и расцеловал жену и детей <...>. Да благословит меня Господь Иисус Христос и да возвратит мне здоровье и счастье с моей женой и детьми... (25 апреля 1818 г.)» [Дневник: 4]. Особые молитвы он воздаёт почитаемым им образам Пресвятой Богородицы: икона Богородицы «Всех скорбящих Радость», Новгородская икона Божией Матери «Знамение», Тихвинская икона Божьей Матери.

О первом образе говорится в одной из дневниковых записей поэта: «Жена, сын мой и дочь принесли мне мой образ Всех Скорб. Радости. Перед ним я молился и прикладывался... (23 декабря 1837 г.)» [Дневник: 27]. Неслучайно, что именно образ Богородицы «Всех Скорбящих Радость» так дорог поэту. Святыня была обнаружена в Москве – родном городе И.И. Козлова. С тех пор, как был обретён этот Лик Небесной Защитницы, к ней со всех сторон страны стали обращаться за помощью. Особо молились те, кто столкнулся с суровыми испытаниями судьбы. На святыне Богоматерь держит в руках хлеб и свиток. Пресвятая Дева изображена в центре, её окружает огромное количество верующих людей, которые находятся в состоянии отчаяния и скорби. А сверху от имени Царицы Небесной ангелы с небес даруют православным благодать.

Поэт знал, что перед чудотворным образом Богородицы «Всех скорбящих радость» молятся об исцелении от трудноизлечимых болезней, ведь именно эта святыня помогла смертельно больной сестре Московского Патриарха Иоакима Евфимии, Г.Г. Караулову, который почти лишился зрения, и еще бесконечному количеству людей, страдавших тяжёлым недугом. Горячие молитвы приносил перед этим образом и И.И. Козлов, прося об исцелении.

Еще один образ особо почитал поэт. О Новгородской иконе Божией Матери «Знамение» он писал в дневнике: «Новгородская Богородица, которую я видел во сне и которой образ у меня имеется... (20 декабря 1839 г.)» [Дневник: 30].

Новгородскую икону Божией Матери «Знамение» И.И. Козлов не мог перепутать ни с каким другим образом, поэтому несмотря на то, что это был сон, он явно хранил воспоминание о нём: погрудное изображение Пресвятой Богородицы, молитвенно поднимающей Свои руки. На груди Её на фоне круглой сферы – благословляющий Божественный Младенец – Спас-Эммануил. В левой руке Христос держит свиток – символ учения. На полях иконы представлены святые – Георгий, Иаков Перский, отшельники Петр Афонский и Онуфрий. Поэт неоднократно воздавал молитву этому чудодейственному образу, зная, что «Новгородская Богородица» исцеляет болезни глаз, избавляет от слепоты и других тяжелых недугов.

Часто молился И.И. Козлов и перед образом Тихвинской иконы Божией Матери, о чем тоже сообщал в своём дневнике 18 июня 1818 г.: «Читал молитвы к Тихвинской Божьей Матери...» [Дневник: 6]. Икона, изображающая общение Иисуса со своей Матерью, когда Божий Сын одной рукой показывает благословляющий жест, а второй держит священный свиток, произвела огромное впечатление на поэта. Этот чудодейственный образ помогал многим больным избавиться от паралича, а также утешал при душевных расстройствах, страданиях, депрессии.

Особые молитвы И.И. Козлов воздавал Спасителю, выражая в них всю свою любовь, о которой он писал в дневнике: «Я так счастлив, что люблю Его, моего Спасителя... (22 ноября 1837 г.)» [Дневник: 26].

Со всей искренностью, горячностью чувства, эмоциональностью и трогательностью он старался донести свою молитву Богу, произнося слова не только из священных текстов, но и от себя, от своего сердца: «Молитва – мечты о своих – Евангелие от Иоанна «о Разслабленном», где Иисус Христос сказал ему: возстани и возьми одр твой и ходи, – и абие здрав бысть человек. – О, Господь мой, я умоляю Тебя пламенно, и с горячей верой осмеливаюсь надеяться, что Ты меня исцелишь и сделаешь счастливым с моей женой и детьми. Ты благословишь нас, мой Спаситель, я уповаю на тебя, Бог мой...(5 мая 1818 г.)» [Дневник: 5]. Неслучайно, что отрывок из Священного Писания, описывающий выздоровление

парализованного больного, производит на поэта особенное впечатление: он переносит ситуацию на себя. Эта притча на протяжении всей жизни укрепляла душевные силы И.И. Козлова и давала надежду на исцеление от болезни.

Помимо этой притчи в дневнике упоминается ещё несколько отрывков из Святого Евангелия: «Я был у обедни (Евангелие Св. Матфея о крещении «Се Сын Мой возлюбленный»)...(6 января 1825 г.)» [Дневник: 12]; «Дети мои читали мне Евангелие от Луки (следует текст: «Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим» и проч.)...(5 ноября 1839 г.) [Дневник: 28]; «С дочерью я читал Евангелие «Благословенна ты в женах», и «Величит душа моя Господа»... (20 декабря 1839 г.)» [Дневник: 30]; «Я проснулся в 4 часа, а в 5 ½ был уже в церкви у г-жи Влодек. Меня поставили в алтаре. Я прослушал утр. Правила, Литургию, прекрасно отслуженную – с великим и чудным Евангелием Св. Матфея о начале страданий Христа; отлично пели «Вечери Твоя тайныя». Я имел небесную радость – причаститься. Господь Иисус Христос видит душу мою... (15 апреля 1837 г.)» [Дневник: 24]; «Утром она мне читала 7-ю главу из Евангелия Иоанна... (17 января 1840 г.)» [Дневник: 32].

Невероятную боль и страдание И.И. Козлов переносил с удивительной стойкостью и смирением истинного христианина. Он прятал свои мучения от внешнего мира, пытался не показывать их при посещении друзей и даже скрывал от самых близких, и только на страницах дневника не мог сдерживаться: «Читал молитвы к Тихвинской Божьей Матери. Я был в грустном настроении. – Неслыханные страдания, – мне положили фонтанели <...>. Я почувствовал себя получше, благодаря Богу, поспокойнее (18 июня 1818 г.)»; «Читал, как всегда, Евангелие; страдал ужасно: мучили страшные спазмы, насилу мог говорить... (27 июля 1818 г.)» [Дневник: 6]. Только со Святым Евангелием в руках и в непрестанной молитве мог поэт справиться с мучавшей его физической и душевной болью: «Мои дети читали мне Евангелие. Это прекрасный, милый для меня праздник... (8 сентября 1837 г.)» [Дневник: 25]; «Мой сын и дочь читали мне Евангелие. Затем Жуковский читал мне стихи, оставался очень долго – беседовал с моей женой. Я читал свою «Молитву (25 декабря 1839 г.)» [Дневник: 30]; «Ночь

не была плоха. Дети днем читали мне Евангелие. Я предался думам и молитве... Я <...> позже лег, благословляя и благодаря Господа моего Иисуса Христа (31 декабря 1839 г.) [Дневник: 31]».

С 1819 г. И.И. Козлов по состоянию своего здоровья уже не посещал так регулярно, как раньше, богослужения в храме, но, как правило, поэт всегда бывал в церкви в Великий Четверг и приобщался Святых Христовых Тайн в алтаре. В 1819 г. И.И. Козлов вынужден был остаться дома, но благодаря священнику Исаакиевского собора отцу Тарасию смог причаститься. На Пасхальную заутреню он не смог не поехать в храм и принял участие в праздничной службе в Почтамской церкви, о чём свидетельствуют комментарии его биографа К.Я. Грота⁶⁷. И все же радость и ликование от величайшего из праздников по возвращении домой сменились грустью и меланхолическим настроением: «Болезненная меланхолия овладела душой моей. Я употребил все усилия, чтобы не плакать в величайший из праздников...» [Дневник: 8].

Ухудшение состояния физического напрямую сказалось на духовном: поэт с трудом пытается справиться с охватившим его сердце унынием. Благодаря внутренним усилиям больного, сердечного участия семьи и друзей его душевное состояние заметно улучшилось. В записях за последующие годы упоминания о страданиях и болезни крайне редки. Увлечение поэзией и переводами, общение с друзьями и людьми искусства, творческие и литературные вечера полностью захватили И.И. Козлова. Но следует учитывать, что дневник в это время вёлся нерегулярно, временные промежутки между сделанными записями могут быть в несколько лет. Вероятно, это связано с критическими периодами болезни.

Апостол Павел в своём Первом послании к Фессалоникийцам пишет: «16. Всегда радуйтесь. 17. Непрестанно молитесь. 18. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. 19. Духа не угашайте. 20. Пророчества не унижайте. 21. Все испытывайте, хорошего держитесь. 22. Удерживайтесь от всякого рода зла. 23. Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух,

⁶⁷Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/К.Я. Грот // И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 7.

и душа, и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (Фес. 5, 16-23). Несмотря на грусть и тоску И.И. Козлов старается придерживаться этого апостольского наставления и не перестаёт благодарить Бога. Очень часто в своём дневнике поэт просто восклицает: «Благодарение Богу! (25 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13]; «Благодарение Тебе, Господь мой, Иисус Христос» [Дневник: 15]; «Я остался один, предаваясь мечтам, и лег спать, благословляя и благодаря моего Господа Иисуса Христа (18 декабря 1837 г.)» [Дневник: 26].

Ни одно из дел И.И. Козлов не начинается без молитвы, в чём проявляется его сущность как христианина, открывая всю глубину веры в Бога, кротость, смирение и упование на милость Спасителя. Такое событие, как переезд на новую квартиру также не может обойтись без чтения текста Святого Евангелия: «Иша прочитал мне Евангелие о Мытаре и Фарисее <...>. Да благослови нас Бог в новом нашем жилище, всюду и всегда (18 января 1825 г.)» [Дневник: 12].

В день своего рождения поэт просит дочь открыть Евангелие: «День моего рождения <...>. Дочь моя прочла мне Евангелие... (11 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13].

И.И. Козлов старался принимать участие в церковных службах. В его дневниковых записях упоминается посещение четырёх храмов: Церкви Св. Александры в Сенате, Исаакиевского собора, Почтамской Церкви и домашней церкви графини Е.М. Завадовской (Влодек). Он беседовал с духовными лицами: священниками Церкви Св. Александры в Сенате [Дневник: 3], отцом Тарасием из Исаакиевского собора [Дневник: 7], со своим духовником отцом Петром. Об общении последнего с И.И. Козловым в дневнике сказано больше, чем о двух первых: «Мой почтенный духовник, отец Петр, пробыл долго и утешил меня своим святым участием. Мы сговорились, что я буду иметь счастье исповедоваться и причаститься к великому празднику Рождества Спасителя (19 декабря 1837 г.)» [Дневник: 26]; «Пришел мой досточтимый духовник, отец Петр, — это была для меня святая радость, — мы занялись предметами, касающимися моих духовных дел и моего письменного завещания (*littres testamentaires*), и

многими другими важными и бесконечно интересными темами. Мы рассказывали друг другу легенды <...>. Его прямо отеческая доброта – вся моя надежда. Мое говение мы назначили на Рождество... (15 ноября 1837 г.)» [Дневник: 29]; «Я провел ночь в молитве. В 8 ч. утра пришел мой духовник меня исповедовать, а затем я удостоился счастья причаститься Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Моя душа была в небесном экстазе: никогда я не испытывал более чистого и радостного ощущения. Я многократно целовал свой образ Богородицы В.С.Р. <...>. Я был так счастлив (23 декабря 1839 г.)» [Дневник: 30]. Неизвестно, служителем какого храма был отец Петр, но очевидно, что между ними были очень доверительные, тёплые отношения. Духовник часто навещал свое чадо, поддерживал его при его физической и душевной боли, помогал не отчаиваться и уповать на волю Спасителя, исповедовал и причащал.

Подробнейшим образом И.И. Козлов в дневнике передаёт те мысли, которые возникали у него во время церковных служб, бесед с духовником, чтения Святого Евангелия. Молитвой и верой в исцеление проникнуты все дневниковые записи почти с первых дней болезни и до последних лет жизни.

Дневник И.И. Козлова свидетельствует и о стараниях поэта получить не только духовное, но и физическое исцеление. В нём описано, к каким методам лечения он прибегал. Одно из них – лечебные ванны из барды, принимать которые он ездил к графине Агафоклее Александровне Полторацкой, урождённой Шишковой: «Отправился на винный завод г. Полторацкой брать ванны из барды (25 апреля 1818 г.)» [Дневник: 4]. Следует отметить, что предпринятое поэтом лечение не увенчалось успехом. 28 августа 1818 г. он сделал следующую запись в дневнике: «Я страдал невероятно от спазм и судорог» [Дневник: 6].

Справиться с недугом поэту помогали И.В. Буяльский, С.В. Франковский и С.Ф. Гаевский – известные медики того времени, которые пытались улучшить физическое и душевное здоровье И.И. Козлова.

Илья Васильевич Буяльский – хирург, доктор медицины и хирургии, один из первых, кто начал вводить общее обезболивание. В дневнике поэта найдено два упоминания о нём, относящихся к 1818 г.: «Буяльский (доктор) мне сделал

перевязку. Я почувствовал себя получше, благодаря Богу, поспокойнее... (18 июня 1818 г.)» [Дневник: 6]; «Читал, как всегда, Евангелие; страдал ужасно: мучили страшные спазмы, насилу мог говорить. Лежал; потом добрел до кресла возле окна. Буяльский сделал мне перевязку... (27 июля 1818 г.)» [Дневник: 6].

Семён Фёдорович Гаевский – лейб-медик Высочайшего двора, доктор медицины и хирургии, носитель звания «экстраординарного профессора». Его пациенты, коллеги отмечали, что при общении с больными проявлял необыкновенную скромность, нежность и заботу, поэтому неслучайно появление знаменитого лейб-медика в жизни И.И. Козлова. В дневниковых записях он упомянут чаще других докторов: «Я остался в постели, сильно страдая. Пришли Жуковский, Гаевский... (14 февраля 1834 г.)» [Дневник: 20]; «Я провел ужасную ночь, изнемогая от страданий. Был Гаевский... (23 марта 1837 г.)» [Дневник: 23]; «Я страдал невероятно. Был Окс. Затем – добрый Гаевский. Спасибо ему за живое участие... (8 сентября 1838 г.)» [Дневник: 25]. И.И. Козлов оценил доброту и «живое участие» Гаевского в его жизни: лейб-медик помогал преодолеть не только физическую боль, но и душевную. И.И. Козлов полностью доверил своё здоровье «волшебному доктору», о чём свидетельствует записи в дневнике: «Жена моя и Гаевский оставались у меня довольно долго. Я надеюсь, что с помощью Божией этот достойный друг мне поможет (7 ноября 1838 г.)» [Дневник: 27]; «Добрейший Гаевский оставался у меня долго и предписал мне режим, который я соблюдаю... (28 декабря 1839 г.)» [Дневник: 31]. Отношения доктора и пациента переросли в крепкую долгую дружбу, которая сохранилась до самой смерти поэта: «Прибыл любезный Гаевский, всегда дорогой и благодетельный друг... (7 ноября 1839 г.)» [Дневник: 29].

С.Ф. Гаевский с невероятной заботой и участием относился к И.И. Козлову. По его рекомендации в 1837 г. к поэту приехал известный харьковский доктор Владислав Андреевич Франковский. Упоминание об этом визите сохранилось в дневнике И.И. Козлова: «Франковский, отличный хирург, явился оказать мне помощь – по совету славного Гаевского (14 июля 1837 г.)» [Дневник: 25].

Таким образом, в дневнике И.И. Козлова находит отражение духовная и бытовая жизнь поэта. Духовная составляющая выражалась в чтении Евангелия и молитв, посещении храма, участии в церковных службах, исповедовании, принятии Святых Христовых Тайн, беседах с духовником и служителями Церкви; бытовая – в общении с близкими, докторами и друзьями.

С 1819 г. И.И. Козлов в своем дневнике даёт начало новой традиции – делать записи 31 декабря и 1 января. Записи носили молитвенный тон: поэт благодарил Бога за прошедший год и просил благословления на следующий. Благодарственной записью открывается журнал 1820 г. В ведении дневника этого года заметны значительные перерывы: первые записи сделаны в январе, затем только в июне и июле, в них упоминаются визиты друзей и кратко описаны впечатления от прогулок. В конце июля 1820 г. дневник прерывается и не ведётся до июля 1825 года.

Дневник 1825 г. – кладезь для исследователей жизни и творчества И.И. Козлова. Вот, что говорит о записях этого периода К.Я. Грот: «Характер дневника остаётся тот же, сообщаются в лаконической форме главные факты и события дня, перечисляются все посетители и гости поэта и его семьи; отмечаются иногда впечатления поэта, выносимые из сношений его с людьми и внешним миром. Тон записей 1825 г. более ровный и спокойный» [Дневник: 12]. Здесь поэт оставляет свои комментарии весьма часто, с перерывом лишь в несколько дней: 6 января 1825 г.: «Я был у обедни (Евангелие Св. Матфея о крещении «Се Сын Мой возлюбленный») <...>. Мой брат с женой, Дружинин у нас обедали. Я перевёл прелестную балладу Вальтер-Скотта» [Дневник: 21].

В начале 1825 г. И.И. Козлов переезжает на новую квартиру. В записи от 17 января этого года он отмечает: «Мы перебрались на новую квартиру...» [Дневник: 12]. С 1779 г. (с рождения) по 1813 г. Иван Иванович Козлов проживал в Москве, с 1813 г. – в Петербурге. Нет точных сведений, где находилась первая квартира, арендованная им до января 1825 г. Два адреса, по которым жил И.И. Козлов впоследствии, установлены. Первый стал известен из сохранившегося письма И.И. Козлова к Н.А. Полевому от 16 декабря 1828 г., в

котором он сообщает место своего проживания: «В Малой Садовой, в доме купца Армянинова, № 26, против Министра Юстиции»⁶⁸. Второй адрес раскрывает писатель Илья Васильевич Селиванов. В 1831 г. литературные интересы привели его в дом поэта. Воспоминания об этой встрече были опубликованы в двенадцатом выпуске «Русского архива» в 1903 г.: «Он жил на Фонтанке, <...> через дом от Екатерининского института...»⁶⁹. В дневнике поэта нет записей по поводу посещения им И.В. Селиванова. Исследователи жизни и творчества И.И. Козлова М.Я. и В.Б. Айзенштадт, авторы книги «Очерки Фонтанки. Из истории Петербургской культуры» (2005), в своей статье «У поэта Козлова – в поисках забытого адреса» версию И.В. Селиванова подтверждают: «Его слова «через дом от Екатерининского института» вполне соответствуют нынешнему дому № 38 по набережной Фонтанки»⁷⁰. Важно отметить, что в день последнего посещения И.В. Селивановым И.И. Козлова поэт съезжал с этой квартиры на новую: «Козловы меняли квартиру и переезжали в дом на углу Инженерной улицы и Михайловской площади. Был февраль 1831 г...»⁷¹.

Нет точных сведений, сколько квартир сменил И.И. Козлов. Согласно записям в его дневнике и воспоминаниям И.В. Селиванова можно с точностью говорить о двух переездах. Тем не менее, наиболее важным представляется то «пространство» его комнаты и кабинета, где поэт принимал гостей или оставался один на один с собой.

Записи дневника обрываются 16 июня 1825 г. Затем значительный пробел, и только в 1830 г. И.И. Козлов обратится к нему снова. К.Я. Грот предположил: «Очень возможно, что многое утрачено, но что тут мог быть большой пробел и в самом составлении журнала, на это указывает совпадение этого пропуска с теми мрачными и жестокими годами жизни Козлова, когда он терял и, наконец, окончательно потерял свое зрение. Можно себе представить удрученное,

⁶⁸Козлов И.И. Письмо к Н.А. Полевому / И.И. Козлов // Русское обозрение. 1893. Т. XXI. №6 (июнь). С. 821

⁶⁹Селиванов И.В. Мое знакомство с И.И. Козловым / И.В. Селиванов // Русский архив. 1903. Кн. 3, № 12. С. 665-668.

⁷⁰Айзенштадт М.Б., Айзенштадт В.Б. У поэта Козлова – в поисках забытого адреса / М.Б. Айзенштадт, В.Б. Айзенштадт // Нева. 2005. №8. С. 229-232.

⁷¹Айзенштадт М.Б., Айзенштадт В.Б. У поэта Козлова – в поисках забытого адреса / М.Б. Айзенштадт, В.Б. Айзенштадт // Нева. 2005. №8. С. 229-232.

безотрадное состояние его духа в эту эпоху!»⁷² Трудно не согласиться с исследователем. Дневниковые записи этого промежутка носят трагичный характер. Первые годы болезни стали самыми трудными в жизни И.И. Козлова. Он подробно описывает свои мучения не только физические, но и духовные. Недошедшие до нас записи временного промежутка с июля 1825 – по июль 1830 г. можно объяснить и намеренным желанием автора не вести дневник или уничтожением им самим или его семьёй записей того беспокойного в политическом плане времени. К.Я. Грот отмечает: «Надо думать, что журнал пропущенных годов просто не дошел до нас. Ведь надо иметь в виду, что бурные события и перемены конца 1825 г. и следующих лет не могли не отозваться тягостно на жизни и окружении слепого поэта: они вырвали из его дружеского интимного кружка нескольких близких ему людей, нанеся болезненные раны его пылкому, чувствительному сердцу...»⁷³.

В 1830-х годах состояние И.И. Козлова улучшилось. Он мог чаще выезжать и даже совершать прогулки, впечатления о которых отражались на страницах дневника: «Сел в дрожки: проехал по всем островам (мои любимые места) до дачи Ланских, – прелесть, восторг! Проехал по берегу реки, вернулся через лес, – дача Лопухина – самая красивая после дачи Лаваль, которая просто восхищение... (5 июля 1820 г.)» [Дневник: 10-11]. В те редкие моменты, когда И.И. Козлову удавалось покинуть свою комнату и оказаться вне закрытого помещения, он радовался каждой секунде. Оказавшись в лесу, на поляне он наслаждался общением с природой, которое доставляло еще большую радость оттого, что в эти минуты он был не один: «Я нанял коляску и поехал на острова с моим сыном и Воейковым; сперва на Аптекарский, потом на милый Каменный остров, – Крестовский, – вокруг поляны, затем на Елагин, который мы объехали кругом, равно как и Каменный, – гуляли в лесу, вернулись на Крестовский; лесом к даче Белосельский и большой поперечной аллеей к финской деревне и оттуда в

⁷²Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/ И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 10.

⁷³Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/ И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 15.

город... (конец июля 1820 г.))» [Дневник: 11]. Поэт упоминает острова Петербурга – Аптекарский, Каменный, Крестовский, Елагин. Описывается дача Ланских – Выборгский район, проспект Энгельса, дом 4; дача Лопухина располагалась от Большого Сампсониевского проспекта до набережной Черной речки. С юга оно имело границу по Ланской дороге, а с севера ограничивалось соседним участком; дача Лаваль – располагалась на Аптекарском острове; дача Белосельских-Белозерских – так называемая Крестовская усадьба (практически весь XIX век князья Белосельские-Белозерские владели Крестовским островом) – находилась на берегу Малой Невки; финская деревня – Всеволожский район Петербурга.

Прогулки дарили ему новые впечатления, которыми он мог поделиться с друзьями. В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» (1822) Козлов признавался другу Жуковскому, что ему даже снилось, как он в коляске ночью «по Неве катался», любуясь видом «красивых берегов», проезжая «и озаренный Божий храм», «и царский дом, и мост чрез волны»⁷⁴.

И.И. Козлов по возможности старался покидать свою комнату и совершать дружеские визиты. В.В. Афанасьев в своей книге о В.А. Жуковском отмечал: «И все же он выезжал – бывал у Жуковского в Коломне, у Оленина на Фонтанке, у Блудова на Невском. Он всюду был желанным гостем, а особенно у братьев Тургеневых, с которыми был дружен очень близко...»⁷⁵.

И.И. Козлов любил посещать дом Воейковых: «Я был у Светланы. Это было рождение милого Жуковского. Слушал чудную игру на фортепиано (М-Ие Хвостова) ... (29 января 1825 г.)» [Дневник: 13]. Неслучайно, что день рождения В.А. Жуковского отмечается у семьи Воейковых. Обусловлено это не только родственной и дружеской связью, но и другим обстоятельством. Когда в 1820 г. Воейковы из Москвы переезжают в Санкт-Петербург, В.А. Жуковский предложил

⁷⁴Козлов И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Козлов; [вступительная статья, подготовка текста и примечания И.Д. Гликмана]. Л.: Советский писатель, 1960. С. 67. Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках номера страницы в тексте.

⁷⁵Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. 2-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1987. С. 187.

им поселиться вместе. Квартира Воейкова-Жуковского на Невском проспекте вскоре стала центром литературно-художественной жизни Петербурга.

Ещё в одном доме И.И. Козлов был частым гостем: «Я был у Олениных. Там был кн. Дмитрий Голицын из Москвы, Сергей Уваров, Крылов и семья. Я декламировал «Чернеца» (11 марта 1825 г.)» [Дневник: 13]. Речь идет о доме № 101 набережной реки Фонтанка.

«Я отправился к княгине Белосельской на rendezvous с кн. Зинаидой Волконской... (16 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13], – отметил в своём дневнике поэт. Предполагается, что И.И. Козлов вместе с Зинаидой Волконской были во Дворце Белосельских-Белозерских, известном, как Сергиевский дворец, расположенном на Невском проспекте в месте его пересечения с рекой Фонтанкой.

Особенные дружеские и тёплые связи были между семьями Козловых и Лаваль. Поэт любил бывать у них на даче, называя её «просто восхищением» [Дневник: 10]. Именно это место в 1829 г. описал в своём прозаическом отрывке «Гости съезжались на дачу» А.С. Пушкин: «На балконе сидели двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке»⁷⁶. О своём же визите И.И. Козлов оставил следующий комментарий в дневнике: «Я ездил обедать на дачу Лаваль. Познакомился с князем и княгиней Одоевскими <...>. Я читал свою «Безумную» (14 ноября 1830 г.)» [Дневник: 16].

Дневник 1830-40-х гг. открывается записью, сделанной поэтом 1 июля 1830 г. Записи ведутся И.И. Козловым почти ежедневно. В них сообщается, что происходило с поэтом в июле, августе, сентябре, декабре этого года. В 1831 г. комментарии сделаны лишь в начале и в конце года. В 1832 г. возобновилось систематическое ведение дневника: описаны события, произошедшие в январе,

⁷⁶Пушкин А.С. Гости съезжались на дачу / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 8, кн. 1. Романы. Повести. Путешествия. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 37.

феврале, марте, декабре. От 1833 г. сохранилось три записи, относящиеся к январю и февралю этого года. В 1834 г. сделано семь записей: две – в январе, две – в феврале, одна – в марте и две – в июне. От 1835 г. сохранилось пять записей (одна – в феврале, две – в марте, две – в декабре). В 1836 г. И.И. Козловым сделано всего несколько записей в конце сентября.

Записи 1837 г. имеют регулярный и содержательный характер, подробно раскрывают жизнь И.И. Козлова в то время. Детально описаны события с января по июль, затем с сентября по декабрь.

Журнал 1838 г. сохранил лишь небольшие записи начала года и его конца (ноябрь, декабрь). В дневнике 1839 г. содержатся январские, ноябрьские и декабрьские записи. В них поэт сообщает, что сочинил молитву: «Около 12 час. ночи нашло на меня вдохновение и я сочинил молитву в виде сонета. Я в восхищении, что поместил в нее моего патрона Св. Евангелиста Иоанна и Марию Магдалину, двух великих святых, столь дорогих моему сердцу (3 декабря 1839 г.)» [Дневник: 29]. Поэзия становится для И.И. Козлова средством обращения к Богу и выражением упования на Него: «Прости мне, Боже, прегрешенья / И дух мой томный обнови, / Дай мне терпеть мои мученья / В надежде, вере и любви...» [ПСС: 33].

Начало стихотворения напоминает молитву на сон грядущий. Первая строка произведения почти полностью воспроизводит слова из молитвы. Сравним: «Прости, Боже, прегрешения наша» (молитвенный текст) и «Прости мне, Боже, прегрешенья» (у И.И. Козлова). Автор меняет только порядок слов, и *наша* заменяет личным местоимением *мне*.

В стихотворении помимо покаяния звучит просьба автора ко Творцу. Поэт просит Бога простить ему его согрешения, сам же понимает, что он должен смиренно переносить уготованные испытания и мучения в надежде, вере и любви. Троиединство «вера–надежда–любовь» является одним из самых ярких символов в православии, связанных с образами святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Но особо примечательны в стихотворении образы Спасителя, Марии Магдалины и евангелиста Иоанна Богослова. Мария Магдалина часто ассоциируется с образом грешницы, получившей прощение от Господа после горячего сердечного раскаяния. И.И. Козлов, вспоминая текст Евангелия, просит Бога научить его такой же пламенной молитве и отпустить ему, как и Марии Магдалине, его грехи: «Взгляни на сердца нищету, / Дай Магдалины жар священный, / Дай Иоанна чистоту...» [ПСС: 33].

Образ Иоанна Богослова в стихотворении упоминается в контексте со словом «чистота». Именно ему Иисус Христос поручает заботиться о Деве Марии. Евангелист, проповедовавший любовь к Богу и ближним, в народе стал именоваться Апостолом любви. И.И. Козлов в своей стихотворной молитве просит у Господа научиться такой же искренней и чистой любви к Нему и к людям. И.И. Козлов старался познать истинную веру в Спасителя, а для человека процесс познания Бога представляется бесконечным, но объединение опыта и разума, знания и веры, ума и сердца приближает к осмыслению этого явления.

В 1840-х годах поэт, видимо, почувствовал ухудшение. В дневниках этого периода неоднократно встречаются записи о пережитых мучениях от невероятной физической боли: «Ночью я страшно страдал» (16 февраля 1833 г.), «Я страдал чрезвычайно... (4 февраля 1834 г.)», «Я остался в постели, сильно страдая... (14 февраля 1834 г.)» [Дневник: 19-20]. Поэт оставлял в дневнике лишь краткие записи о боли и страданиях. К.Я. Грот относительно этого периода замечает: «Эти неизбежные перемены в его самочувствии, успехи роковой болезни, усиление физических страданий, влияя на его настроение, не могли не находить своего отражения и в дневнике» [Дневник: 21].

Ухудшение здоровья не сломили крепость духа поэта. Последние годы его жизни отмечены удивительным подъёмом в духовном и литературном плане. В 1836 г. за четыре года до кончины И.И. Козлов написал стихотворение «Дуб». В центре – образ дуба. Образ символичен. В сознании русского человека дуб – это мировое дерево. Оно мощное, крепкое, раскидистое. В истории роста, расцвета и «несокрушения» дуба И.И. Козлов метафорически описывает свою судьбу. Юный

дуб растёт на горе рядом с полем, его окружают благоухающие цветы и ручей, под его тенистой кроной юноши и девушки находят укрытие от солнца, а в ветвях живёт соловей. Дуб не боится гроз, бурь, ветра непогоды и «дерзостно мечтает» о том, что его не коснутся беды. Он – часть одухотворённого мира природы и живёт в гармонии с ним. Беда в виде чёрной тучи и ливневого дождя приходит внезапно, «вдруг» и в одночасье разрушает его мир. Дуб треснул, но устоял, оставшись один на голой горе. Он жив, но жизненные силы понемногу покидают его. Ручья, который питал его, уже нет. Дуб обречён вянуть. Но несмотря ни на что он продолжает жить и «стремиться к небесам».

В стихотворении И.И. Козлов совмещает два плана: пейзажный и философский. История дуба – судьба И.И. Козлова. Чёрная туча, ливневый дождь, ураган – беды и невзгоды, которые ему пришлось пережить. Гроза – болезнь. Ручей – надежда. Небеса – вера в Бога.

Композиционно произведение делится на две части «до» и «после», которые разделяет роковое «вдруг». Описание роста, расцвета, бури и грозы нужно для того, чтобы передать состояние лирического героя, за которым отчётливо просматривается биографическая история автора. Ключевая строка для понимания осмысления своей судьбы И.И. Козловым: «дуб треснул, но грозой он не был сокрушен» [ПСС: 271].

Спасаясь от полного «сокрушения», И.И. Козлов много читает, переводит, пишет, старается быть в курсе того, что печатали современные журналы. К.Я. Грот, анализируя дневниковые записи поэта последних лет жизни, отмечал: «Но характерно то, что по мере разрушения тела, дух поэта не падал, не терял своих сил и способностей, а, напротив, в нём обнаруживались повышенная, высоко поднявшая его над всем низменно-житейским – жизнь и деятельность. Его поэтическая мысль, горячее религиозное чувство, нежно-любящее сердце работали и проявляли себя с крайним напряжением и силой и видимо вызывали во всех окружающих <...> удвоенные старания облегчить ему страдания и всячески утешить и поддержать его...» [Дневник: 22].

Значительное место в дневнике 1830-40-х гг. уделено лицам, которые часто навещали поэта. Следует отметить, что это были далеко не визиты сострадания, как можно предположить в ситуации с физически больным человеком. Многие известные литературные салоны из-за трагедии, случившейся с И.И. Козловым, утратили умного собеседника, удивительного ценителя музыки и литературы того времени. Поэт лишился общества, но общество не могло позволить себе лишиться И.И. Козлова. Именно поэтому с 1818 г. и до последних дней жизни поэта в его доме всегда были гости. В общении с ним нуждались литераторы и люди искусства, актёры и государственные деятели. Каждому И.И. Козлов уделял внимание, проявлял свойственное ему дружелюбие, сердечное тепло и участие, но особенное вдохновение и трепетные чувства приносили ему визиты музыкантов. Без музыки поэт не представлял своей жизни. Воспоминание о концертах, музыкальных вечерах, балах улаждали его сердце, и в то же время он резко чувствовал недостаток музыки сейчас, когда у него не было прежней возможности присутствовать на концертах любимых исполнителей. Волшебные мелодии переносили его в неведомый мир, где не было боли, страдания, разочарований. Поэт радовался, когда его посещали композиторы, певицы, артисты, музыкальные деятели, они понимали чувства И.И. Козлова и увлекали его в притягательный мир звуков, от которого сердце переполнялось нежностью, трепетом и любовью. Их творческое общение часто проходило в доме поэта: чтобы поддержать И.И. Козлова в трудный период болезни, утешить и ободрить его, многие музыканты исполняли для него свои произведения.

Среди них следует выделить виолончелиста, композитора польского происхождения Матвея Юрьевича Виельгорского. Поэт неоднократно отмечал в своём дневнике его визиты: «Я прочел мое послание к Вальтеру Скоту Виельгорскому... (29 января 1832 г.)» [Дневник: 18]; «С граф. Матв. Виельгорским мы много говорили об его интересном племяннике и о милом Жуковском: оба в Италии – ради здоровья» [Дневник: 28]. Поэт ценил таких вдохновенных, посвятивших свою жизнь искусству людей, как Виельгорский. В них он видел родственную душу. В 1832 г. И.И. Козлов посвятил

ему стихотворное послание «Графу М. Виельгорскому»: «Когда ж в приют уединенный / Тебя к нам дружба заведет / И мне смычок твой вдохновенный / На сердце радость наведет?» [ПСС: 202].

В стихотворении поэт называет себя «полумертвецом», который оживает под «волшебный напев» виолончели Виельгорского. Его душа пробуждается, он снова начинает мечтать, радоваться, любить.

По свидетельству современников, М.Ю. Виельгорский был потрясающим музыкантом, хотя и дилетантом. В окружении поэта было не так много людей, которые могли понять его страдающую душу и без слов успокоить тревожное сердце И.И. Козлова. М.Ю. Виельгорскому это удавалось превосходно, поэтому он часто навещал своего друга, чтобы в очередной раз сыграть для него любимые мелодии. И.А. Муравьева отмечает: «Эти концерты были для Козлова событием необыкновенным, событием его духовной жизни, а не просто развлечением»⁷⁷.

И.И. Козлов был дружен и с родным братом Матвея Юрьевича Виельгорского – Михаилом Юрьевичем Виельгорским, талантливым композитором-любителем. Он также посещал дом И.И. Козлова, о чём свидетельствует дневниковая запись поэта от 5 ноября 1839 г.: «Позже пришел любезный гр. Михаил Виельгорский, я был очень рад его видеть; он мне показал нежное участие. Мы беседовали об опере, артистах: Pasta, Malebran, Pauline Garsia, которых всех он знает <...>. Я ему прочел мою балладу и мою Жалобу» [Дневник: 28].

Братья Виельгорские создавали в доме Козлова атмосферу радости, творчества и искусства. Их музыка не только утешала и ободряла поэта, но и вдохновляла на создание собственных произведений.

В дневнике поэта часто упоминается имя композитора А.С. Даргомыжского: «Даргомыжский много играл. Он приходит часто (9 марта 1832 г.)» [Дневник: 18]; «Добрый Даргомыжский. Для меня было таким удовольствием слушать арию Иосифа и особенно – Отелло Мендельсона – и также симфонию Бетховена (15

⁷⁷Муравьева И.А. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга / И.А. Муравьева. СПб: Книга, 2008. С. 448.

января 1833 г.)» [Дневник: 19]; «Я провел ужасную ночь, изнемогая от страданий... Даргомыжский играл вечером. (23 марта 1837 г.)» [Дневник: 23].

И.И. Козлов признаётся, что музыка А.С. Даргомыжского успокаивала его, вдохновляла и приносила огромное удовольствие. Особенно трогательными для него были минуты, когда композитор музицировал с его дочерью, Александрой Ивановной. Воспоминания об этом сохранились на страницах его дневника: «Даргомыжский играл много в 4 руки с моею дочерью – прелестные вещи из Бетховена, особенно 27 симфонию... (18 декабря 1837 г.)» [Дневник: 26].

Не могли оставить равнодушными эти визиты и самого А.С. Даргомыжского. Он с огромным уважением и тёплым дружеским чувством относился к И.И. Козлову. В письме Н.Б. Голицыну от 13 мая 1836 г. композитор сообщает князю, что передал его просьбу Козлову о переводе поэмы «Чернец» на французский язык⁷⁸. Композитор описал реакцию поэта на такое внимание к его произведению: «Добрый старик был растроган до глубины души: он просил меня передать Вам, что всего более польщен честью, которую Вы оказываете ему своим переводом, что чувствует всю деликатность Вашего образа действий, что полон к Вам живейшей благодарности, наконец, что был бы в восторге получить штук десять экземпляров Вашего печатного перевода, дабы поднести его добрым друзьям...»⁷⁹.

Из письма видно, с каким трепетом и радостью узнает И.И. Козлов от А.С. Даргомыжского о желании князя Н.Б. Голицына осуществить перевод «Чернеца». Он чувствует неловкость, что его произведение стало основной темой переписки двух известных творческих личностей того времени. Это ещё раз выдаёт его природную скромность и христианское смирение, особое уважение к окружающим его людям. Он бесконечно благодарен А.С. Даргомыжскому и Н.Б. Голицыну за живое участие в его судьбе.

⁷⁸Оригинал письма представлен на французском языке. Его перевод осуществлен А.Н. Римским-Корсаковым.

⁷⁹Даргомыжский А.С. Избранные письма / А.С. Даргомыжский; [вступительная статья, редакция текста и аннотированный указатель проф. М.С. Пекелиса]. М.: Музгиз, 1952. Вып. 1. С 20.

У И.И. Козлова и А.С. Даргомыжского сложилось не только тесное дружеское, но и творческое общение. Композитор положил на музыку многие стихи И.И. Козлова. Среди них «Португальская песня» (перевод произведения Дж. Байрона) – впоследствии появился романс «Привет» (Муз. А. Даргомыжского. Слова И. Козлова. Изд. М. Бернарда).

В дружеском кругу И.И. Козлова был известный австрийский пианист, композитор Леопольд Мейер. Во время своих гастролей по России он познакомился с И.И. Козловым. В память об этой встрече поэт 21 апреля 1837 г. адресует ему стихотворное послание «К Леопольду Мейеру». И.И. Козлов обращается к своему адресату «друг мой милый», тем самым подчёркивая тёплое искреннее отношение, лишённое официоза и принятых штампов. Он замечает, что Леопольд Мейер относится к нему с дружеским участием и заботой: желая поднять дух поэта, пианист приходит к нему в дом, чтобы «развеселить... дух унылый / Своей волшебною игрой» [ПСС: 289-290]. Его игра переносила И.И. Козлова в неведомый мир музыки, пробуждала воображение поэта: «Казалось мне, что слышу пенье / Небесных дев – эдемских роз, / Иль моря бурного волненье / И треск и свист шумящих гроз... [ПСС: 289].

От звуков происходит облегчение физических и душевных страданий И.И. Козлова: «То – услажденного любовью, / Уже не помня прежних мук...» [ПСС: 290].

В заключительных строфах поэт определяет роль музыканта в его судьбе. Он понимает, что творческое общение с Л. Мейером, его забота и участие помогли И.И. Козлову пережить уныние и душевную боль: «О! ты чудесною игрою / Умел меня очаровать, / Ты овладел моей душою: / Нельзя ей радость забывать. / И, вдаль стремленьем чувств летая, / Твоей игрой утешусь я» [ПСС: 290].

Друг И.И. Козлова, А.С. Даргомыжский, в письме Н.Б. Голицыну от 15 марта 1837 г. писал о Л. Мейере: «Недавно я слушал в концерте Филармонического общества Леопольда Мейера: я даже задержался с ответом, чтобы сообщить Вам о нём кое-что новое <...>. Я восхищался им до глубины

души <...>. Примите, князь, тысячу благодарностей за экземпляр «Чернеца», которого я недавно ещё читал г. Козлову, и верьте искренней преданности. А. Даргомыжский»⁸⁰. И.И. Козлов полностью разделял мнение своего друга – А.С. Даргомыжского относительно Леопольда Мейера. Он восхищался его талантом и благодарил за великолепное исполнение его любимых мелодий.

18 июня 1834 г. дом И.И. Козлова посетил драматический актёр Александр Ваттемар, гастролировавший тогда в Петербурге. Пытаясь утешить и поддержать поэта, артист показал ему несколько сцен из своего репертуара. Впечатления от визита А. Ваттемара способствовали тому, что И.И. Козлов в том же году посвятил ему стихотворение «К господину Александру». В нём поэт называет А. Ваттемара «чародеем», подчёркивая, насколько удивительно, волшебным то, что он делает на сцене. И.И. Козлов описывает его актёрское мастерство, которое постиг через слух: «Ты слух внимательно дивил: / Как два охотника кричали, / Собаки лаяли, визжали, / Как, мужем вдруг пробуждена, / Шумела сонная жена / И как младенец их единый / Заплакал на груди родимой...» [ПСС: 259-250].

Понимая, что у И.И. Козлова нет возможности видеть театрализованное представление, Александр Ваттемар все свое мастерство направил на игру голосом, шутливо демонстрируя и крик охотников, и лай собак, и ворчание мужа, и визг его жены, и плач младенца. Безусловно, такая шуточная зарисовка не могла оставить равнодушным ни семью Козлова, ни его самого. В доме поэта на некоторое время забыли, что значит грусть и апатия.

Издатели «Северной пчелы», публикуя на страницах журнала стихотворение Козлова «К господину Александру», сопроводили его заметкой: «Почтенный поэт наш Иван Иванович Козлов, лишенный удовольствия видеть знаменитого мимика, просил г. Александра, играющего вообще только на театрах, сделать для него исключение и представить у него в комнате несколько опытов своего голосоизменения, называемого ошибочно чревовещением. Г-н Александр охотно исполнил желание слепца-поэта, и в награду был почтен следующими

⁸⁰ Даргомыжский А.С. Избранные письма / А.С. Даргомыжский; [вступительная статья, редакция текста и аннотированный указатель проф. М.С. Пекелиса]. М.: Музгиз, 1952. Вып. 1. С. 19-20.

стихами». Сцена, где «Два охотника кричали...», была показана в присутствии В.А. Жуковского 31 мая 1834 г., впоследствии описана в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук: «Охотник ищет другого охотника, этот будит свою жену, плачет ребенок. Превосходно слышатся отчетливые голоса четырех человек и лай собак»⁸¹.

Дневниковые записи поэта свидетельствуют о том, что ни один час он провёл в обществе артиста. В записи от 18 июня 1834 г. он отметил: «M-г Alexandre. Мы прочли несколько писем Царя Петра I и Екатерины II к моим. Я ему дал один автограф» [Дневник: 20].

И.И. Козлов увидел в Александре Ваттемаре интересного и всесторонне развитого собеседника. Поэт, как всегда, окажется очень точен в своих наблюдениях. Александр Ваттемар изначально увлекался медициной, был медиком во французской армии. Когда открылся его талант подражать пению птиц, жужжанию насекомых, лаю собак, он начал писать пьесы и исполнять в них роли. Кроме этого, он увлекался историей, археологией, текстологией. Изучал древние рукописи и памятники. Ему принадлежит проект «Международный обмен дуплетов всех возможных редкостей» (1836), который был одобрен многими европейскими учёными. Козлов разглядел в нём задатки историка, поэтому беседа их приняла такой разносторонний характер. Это нашло отражение в том же стихотворном послании: «Забавный, умный твой рассказ / Мои лелеяли мечтанья / Бесценной дружбою твоей. – / Пребудет в памяти моей...» [ПСС: 250].

Поэт безгранично ценил тех, кто наполнял его дом волшебными звуками музыки, романсами, чтением произведений. Они привносили в его жизнь то, чего его лишила болезнь. Их выступления, посвящённые исключительно ему, трогали сердце И.И. Козлова, вдохновляли на создание собственных произведений, адресованных тем, кто стал спасительным звеном в трагической цепи его жизни.

«Благословен венец лета Твоего, Господи...» [Дневник: 31] – так открывается дневниковая запись 1 января 1840 г. – последнего года жизни

⁸¹Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Кн. 2. С. 80-81.

И.И. Козлова. В журнале можно обнаружить всего несколько записей от 1, 8, 11, 12, 16, 17, 18 и 19 января, сделанные его рукой. В это время поэт много молился, видимо, чувствуя скорое приближение своей кончины: «Я лег спать, благодаря Господа... Господь дал мне самую покойную ночь и сон праведника. Слава Тебе Богу! (6 января 1840 г.)» [Дневник: 32]; «Сегодня – праздник для моего сердца, день рождения Алинки. Она мне читала Евангелие о Пресвятой Деве: «Благословенна ты в женах» и «Величит душа моя Господа... (16 января 1840 г.)» [Дневник: 32]. Грусть его тиха, спокойна, даже радостна и полна благодарения Бога: «Вечером, по уходе Жуковского, я много размышлял, молился, оканчивая всегда свой день благословением и благодарением Бога. Слава Богу, ночь моя была довольно спокойна (12 января 1840 г.)» [Дневник: 32]. Последняя запись дневника И.И. Козлова заканчивается словами: «Я лег спать с сердцем сокрушенным, но с надеждой, что Божественный Спаситель Иисус Христос во всем будет ко мне милосердным... (19 января 1840 г.)» [Дневник: 33].

Последние две записи, сообщающие о кончине поэта, принадлежат его дочери – А.И. Козловой: «10 дней болезни: воспаление мозга. 2 раза приобщился Св. Таин, благословил своих детей <...>. Во вторник, 30 января, около 4-х час. после полудня он тихо испустил последний вздох...» [Дневник: 33].

Дневник помогает понять личность самого поэта, его мировоззрение, отношение к общественно-политической ситуации, выявить круг общения, обозначить творческие ориентиры, определяющие основу его художественной системы. Дневник И.И. Козлова интересен тем, что в нём видится человек первой трети XIX века, которого постигло несчастье: потеря зрения и паралич ног кардинально изменили его жизнь. Для него закрылась одна жизнь, открылась совершенно другая, произошла духовная трансформация, раскрылся творческий потенциал И.И. Козлова. Для дневника характерна двуплановость. Первый план – фиксация бытовых событий – показывает структуру повседневности И.И. Козлова, являющейся той основой, из которой вырастают его художественные творения, определяет обстоятельства знакомства и особенности диалога поэта с современниками. Второй план – жизнь души, которая выражается

в характере общения с семьей и близкими друзьями, беседах с духовником и священными служителями, чтении Святого Евангелия, молитвах. В немногословных эпитетах он даёт характеристики современникам, определяет качество и особенность общения с ними. Дневник является отражением системы ценностей и духовной эволюции И.И. Козлова.

Глава 2. Значение дружбы с В.А. Жуковским для формирования творческой индивидуальности И.И. Козлова

В.А. Жуковский – один из первых, кто искренне понял, что И.И. Козлову в тот трудный для него период нужен диалог с внешним миром. Их общение носило глубокий и продолжительный характер. Знакомство поэтов состоялось в 1808 г., когда В.А. Жуковский переехал в Москву для редактирования журнала «Вестник Европы». Это дружеское, почти родственное, творческое и духовное сближение во многом определило судьбу И.И. Козлова.

К.Я. Грот отмечает: «С В.А. Жуковским Козлов, как известно, был в самой нежной дружбе, которая основывалась не только на взаимной симпатии характеров и сходстве душевного склада, но и на общности вкусов и поэтического настроения, в единомыслии в главных вопросах жизни»⁸². Оба поэта могли часами проводить время за чтением своих и чужих произведений, беседой о литературе и искусстве. Сам И.И. Козлов в дневнике признавался: «Мы долгие часы оставались вдвоем с Жуковским – никогда его нерушимая дружба своею нежностью не доставляла мне такой святой радости. Он читал мне перевод из Lamennais, – я ему прочёл мой сонет...» [Дневник: 7]. Вероятно, что размышления В.А. Жуковского в статье «О дружбе» имели прямое отношение к его общению с И.И. Козловым: «Счастлив тот, кто нашел себе друга испытанного, постоянного, кто нашел его тогда, когда он более всего нужен. Не довольно того, чтобы уметь выбирать друга, должно уметь всегда быть ему другом...»⁸³.

В.А. Жуковский часто бывал в доме И.И. Козлова, что прослеживается по дневниковым записям последнего. Фамилия Жуковского упоминается на страницах дневника более 45 раз. В сохранившемся фрагменте личного журнала И.И. Козлова за 1819 г. можно увидеть, что первый комментарий посвящен другу Жуковскому, который «принес свои сочинения; обедал с нами (запись от 14

⁸²Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов/ И.И. Козлов Дневник. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 7.

⁸³Цит. по: Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. М.: Молодая Гвардия, 1987. С. 187.

января 1819 г.)» [Дневник: 6]. В записи от 4 февраля этого года снова говорится о визите Жуковского: «Пришел Жуковский: мы беседовали чрезвычайно интересно – я был взволнован...» [Дневник: 7]. В комментарии от 6 февраля: «Чудные стансы Жуковского к почившей В.К. Екатерине Павловне» [Дневник: 7]. В записи от 11 марта: «Читал с Жуковским "Гяура". Как я люблю этого милого Жуковского [Дневник: 7]. Такие записи регулярны на страницах дневника. Если у Жуковского не было возможности приехать по причине отъезда или ещё какого-либо обстоятельства, он спешил отправить Козлову книгу почтой: «Жуковский мне прислал (из Павловска) "Мазепу"» [Дневник: 8].

В.А. Жуковский был рядом с И.И. Козловым, когда он испытывал мучительные физические боли, страдал от отчаяния и меланхолии. Но вместе были прожиты не только горькие, но и радостные минуты. Счастливые мгновения испытывал поэт тихими вечерами в семейном кругу. Это не могло обойтись «без милого Жуковского». И подобные «вечера», «встречи», «визиты» отражались потом Козловым на страницах его дневника: «Мой сын и дочь читали мне Евангелие. Затем Жуковский читал мне стихи, оставался очень долго – беседовал с моей женой. Я читал свою "Молитву". Это был один из прелестнейших вечеров в моей жизни, – такой приятный и интересный! (25 декабря 1839 г.)» [Дневник: 30]. Уже по одной этой цитате можно судить, что составляло счастье поэта: чувствовать присутствие Творца и верить в Его всемогущую силу, быть рядом с семьёй и друзьями и знать, что его поэзия нужна кому-то в этом мире.

В.В. Афанасьев отмечал, что В.А. Жуковский искренне сопереживал И.И. Козлову и пытался сделать все, чтобы помочь другу: «Жуковский помогал ему, как мог и не упускал случая навестить его, побеседовать с ним, принести новых книг, переписывался с ним. Бывало даже – вместе со слугой Козловых Лукьяном – нес его на руках из дома в дрожки»⁸⁴. Зная о трудном материальном положении поэта, В.А. Жуковский старался помочь другу и в этом. Благодаря

⁸⁴ Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. М.: Молодая Гвардия, 1987. С. 187.

ему, Императрица увидела и оценила посвящённый ей перевод И.И. Козлова из «Абидосской невесты» Дж. Байрона.

31 марта 1819 г. И.И. Козлов отметил в дневнике визит Николая Тургенева, который принёс ему «прекрасные стихи молодого Пушкина к Императрице Елизавете» [Дневник: 10]. В том же году В.А. Жуковский по просьбе Александры Фёдоровны, супруги будущего императора Николая I, сочинил для неё стихотворение «Цвет Завета» (годом раньше им же ей было адресовано стихотворное послание «Государыне вел. кн. Александре Фёдоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (17-20 апреля 1818 г.)). Вслед за своими литературными наставниками к царской особе решил обратиться и И.И. Козлов. Он адресовал будущей Императрице стихи на французском языке, предваряющие переведённую им поэму Дж. Байрона «Невеста Абидосская» (1819).

Можно предположить, что перевод поэмы Байрона «Невеста Абидосская» был посвящён великой княгине Александре Фёдоровне (будущей Императрице) именно по совету В.А. Жуковского, который таким образом надеялся на то, что она возьмёт под своё покровительство И.И. Козлова. Ожидания В.А. Жуковского оправдались. Известно, что супруга Николая I по достоинству оценила труд поэта. В дневнике от 23 сентября 1819 г. сохранилась запись об этом событии: «Жуковский оставался у меня долго <...>. Он мне сообщил, что Императрица пожаловала мне перстень» [Дневник: 8]. В заметке от 24 сентября этого же года отмечено: «Милый Жуковский привёз мне от имени Царствующей Государыни Императрицы бриллиантовый перстень за мою Абидосскую невесту» [Дневник: 8]. Поэт не скрывал свою благодарность за полученный подарок и гордость за такую оценку его труда.

Работу над переводом французского варианта «Невесты Абидосской» И.И. Козлов начал еще в 1819 г., о чём свидетельствует запись в его дневнике: «Я занимаюсь моим переводом «Bride of Abydos» (13 июля 1819 г.)» [Дневник: 8]; «Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я ему читал мой перевод «Bride of Abydos». Он мне дал прекрасные стихи, которые он написал для Великой княгини по поводу цветка (20 июля 1819 г.)» [Дневник: 8]. Имя

И.И. Козлова в связи с его трудом по переводу турецкой повести Дж. Байрона упоминалось в письме В.А. Жуковского к Н.М. Лонгинову, секретарю Императрицы Елизаветы Алексеевны: «Я был разбужен посылкой Тургенева: письмо Жуковского к Лонгинову на мой счет меня чрезвычайно тронуло; я сохраню навсегда память о нем (2 сентября 1819 г.)» [Дневник: 8].

То, что И.И. Козлов не приступил к переводу турецкой повести Дж. Байрона сразу на русский язык, а предпочёл родному – французский, можно объяснить различными причинами. Во-первых, это дань моде, во-вторых, его раннее творчество основывалось на переводах зарубежных произведений. Свои первые сочинения он писал на французском языке, что вызывало некое недоумение и удивление у К.Н. Батюшкова, знакомство с которым состоялось в 1818 г. В дневнике И.И. Козлова в записи от 14 апреля 1818 г. отмечено: «Батюшков, молодой поэт, добрый и любезнейший человек» [Дневник: 4]. Поэты читали стихи друг друга: известный в это время Батюшков – собственного сочинения, а И.И. Козлов свои – переводные. Батюшкова очень опечалило, что «молодой стихотворец избегает родного языка»⁸⁵.

В это время И.И. Козлов был известен русскому читателю как один из лучших переводчиков В. Скотта, Дж. Байрона, А. Мицкевича. В.И. Сахаров отмечает, что поэту «при жизни суждена была слава главного русского байрониста»⁸⁶. Но писать на русском языке он не решался, хотя В.А. Жуковский, как отмечает исследователь В.В. Афанасьев, регулярно просил его об этом⁸⁷.

Перевод турецкой повести Дж. Байрона на русский язык был всё же осуществлён в 1826 г. К этому времени уже укреплённый в своих поэтических силах И.И. Козлов смело взялся за работу и блестящим образом исполнил труд, достойный посвящения Императрице: «Ее Императорскому величеству

⁸⁵Цит. по: Козлов И.И. Стихотворения / И.И. Козлов. М., 1979. С. 7.

⁸⁶Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили / В.И. Сахаров. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 173

⁸⁷Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. М., 1987. С. 187.

государыне Императрице Александре Феодоровне с чувством сердечного благоговения всеподданнейше посвящает Иван Козлов»⁸⁸.

Упоминание о работе И.И. Козлова над переводом поэмы «Абидосская невеста» на русский язык сохранился и в архиве В.А. Жуковского: из письма 1825 г. (точная дата не указана): «Кончай пока "Невесту"...»⁸⁹ (письмо написано с двух сторон, на первой стороне – на французском языке, в данной работе приводится перевод). В дневнике автора есть записи и о впечатлении первых слушателей: «Вечером я был у Муравьева <...>. Чудный вечер. Гнедич читал из Илиады, я – отрывки из Абидосской невесты и свою балладу... (9 января 1825 г.)» [Дневник: 8].

Стихотворение отсылает нас к одической традиции (М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.П. Сумарокова): оно написано александрийским стихом, шестистопным ямбом, что создаёт атмосферу величия и торжественности; это восхваление царской особы; в тексте присутствуют стилистические черты оды XVIII века: восклицания («О будь, хранимая Всевышнего рукой, / Блаженства русского прекрасною звездой!» [ПСС: 330]) и устаревшие слова («забвенный», «чертог», «очи», «не зрел» [ПСС: 330-331] и др.). Но некоторые художественные особенности указывают на то, что это всё же романтическое послание. Произведение отличается более интимным по отношению к оде характером и менее официальным тоном изложения. В нём поэт уделяет место своим мыслям и чувствам: «Безвестный я певец, забвенный житель мира», «И я не зрел его!.. И, жертва мрачной ночи, / Мои потухшие, увы! Не видят очи...» [ПСС: 330-331].

В послании И.И. Козлов рисует образ идеальной Императрицы, которой является Александра Фёдоровна. Для поэта она – Божья посланница («Тебя всещедрый Бог России подарил...» [ПСС: 330]), воплотившая в себе идеальные черты царской особы. Поэт радуется «нетленным, святым» её добродетелям, глядя на которые душа пылает от «чувств возвышенных», а ум и сердце

⁸⁸Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 330.

⁸⁹Стихотворение митрополита Московского Филарета и письмо по поводу этого стихотворения князя А.Н. Голицына. / Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова // Русский архив. 1886. Кн.1, №2. С. 181.

наполняется «нежных дум небесной чистотою» [ПСС: 330]. Автор уверен, что будущее страны, благосостояние народа зависит от того, какой человек находится на престоле. Если каждый подданный видит в своём Императоре отца, а в Императрице – мать, если они являются для него, как христианина, образцом в добродетелях, как гражданина – справедливыми правителями, а в общем устройстве жизни – надеждой и опорой, то такое государство и такой народ ждёт светлое и прекрасное будущее. И.И. Козлов искреннее признаётся Александре Фёдоровне в том, что она является для него и для многих других подданных образцовой Императрицей. Ценны все её добродетели, но главные из них, по мнению И.И. Козлова, – религиозность и набожность («Где образ матери так набожно хранишь...»), «И набожная дочь – счастливая ты мать» [ПСС: 331]). Покровительницей Императрицы является сама Богородица. В произведении поэт проводит параллель: Богородица и Спаситель – Александра Фёдоровна с сыном (наследником): «Порфирородный сын блистает пред тобой / На все прекрасное готовую душой...» [ПСС: 331]. Цесаревичу уготовано служение на благо русского народа, его ждёт много трудностей и испытаний. Мать чувствует это, но не в её силах что-либо изменить: этот путь уготован ему Богом. Поэт представляет Императрицу молящейся перед священными образами за сына, мужа и весь русский народ. Сердце И.И. Козлова переполняется нежным, трогательным и радостным чувством: «И, тихо мрамора касаяся устами, / Венчаешь хладный лик душистыми цветами, / Бесценная слеза дрожит в твоих очах, / А Незабвенная ликует в небесах...» [ПСС: 331].

Поэт уверен, что молитвы Александры Фёдоровны не могут быть не услышаны. Он уверяет адресата в том, что её судьба уже благословенна. В одической традиции смиренного придворного певца И.И. Козлов прославляет имя Императрицы, принижая себя: «Дерзну ли я цветок убогий и смиренный, / Подруга нежная владыки полвселенной, / Дерзну ль тебе принести? Кипит восторг живой... / А струны робкие немеют пред тобою...» [ПСС: 330].

Для него важно не то, как выглядит Александра Фёдоровна, поэтому здесь нет описания внешней красоты. Главная её заслуга – рождение и воспитание

наследника престола – идеального правителя. Судьбоносную для русского народа роль сыграла Императрица, подарив наследника российского престола – Александра II Освободителя. Поэт, как и многие его современники, видели в воспитаннике В.А. Жуковского – Цесаревиче Александре – воплощение лучших и благородных качеств, надежду на его будущее справедливое и мудрое правление.

В воображении поэта рисуется картина прогулки Императрицы с Цесаревичем по саду. Это не просто прогулка матери и сына – в этот момент происходит процесс воспитания. В тихой беседе проводят они время, радуясь уединению, дорожа этими драгоценными минутами общения друг с другом, говоря о самом важном и дорогом. И.И. Козлов достаточно подробно описывает эту сцену. Создается впечатление, что поэт был её свидетелем, но, скорее всего, он узнал об этой истории со слов В.А. Жуковского.

В стихотворении возникает излюбленный поэтом образ челнока, в котором Цесаревич вместе с матерью бесстрашно «летит» в неизведанные дали. И только об одном сокрушается автор: он не может видеть царственной красоты Императрицы, посмотреть в очи прелестного дитя, насладиться величием её супруга – русского Царя.

Александра Фёдоровна не могла не оценить русский перевод «Абидосской невесты». Поражённая искренними чувствами поэта, его трепетным к ней отношением, неподдельной верой в судьбоносную роль Императорской четы для русского народа, не раболепной, но открыто преданной готовностью И.И. Козлова служить Царской Семье, она посылает автору послания письмо и подарок, о чём поэт отмечает в дневнике: «Пришел Жуковский, принесший мне от нашей ангельски-доброй Великой Княгини Александры чудные бронзовые часы и прелестного Шиллера (в изящном переплете). Я написал ей письмо... (9 мая 1825 г.)» [Дневник: 14].

30 августа 1834 г. И.И. Козлов адресовал стихотворное послание Цесаревичу Александру «Государю наследнику Александру Николаевичу в день его тезоименитства». Будущий Император Александр II переходил в возраст взросления – ему исполнялось шестнадцать лет. Свое послание к нему поэт

написал в той же традиции, что и его матери восемь лет назад; начало стихотворений схоже, строки почти повторяются: «Надежда русского народа, / Звезда полуночный страны...» [ПСС: 251].

Но если послание к матери носило характер восхваления, то послание к Цесаревичу – характер наставления. Меняет поэт и стиль написания: шестистопный ямб сменяется четырехстопным, снижается высокая патетика, тон стихотворения лёгкий и непринуждённый.

В первой строфе И.И. Козлов сразу отмечает то, что ему важно передать Александру: он – «потомок доблестного рода» – должен быть достойным продолжателем правящей многие века династии. В своём послании поэт даёт ему нравственные ориентиры – Александр Невский, Александр I (его дядя), его отец – Николай I.

В образе Александра Невского поэт обращает внимание Цесаревича на ратные подвиги доблестного предка («Велик в боях и в мирной доле...» [ПСС: 252]), его веру и смирение («Смирялся духом пред крестом» [ПСС: 252]), подчеркивает, что он причислен к лику святых («Венчался славою земною – / Нетленной славой в небесах» [ПСС: 252]).

Александра I И.И. Козлов называет «ангелом утешенья» [ПСС: 252], посланного не только русскому народу, но и другим странам для спасения от нашествия французской армии. Поэт подчёркивает, в чём заключается его главная заслуга: «Блаженство с миром возвратил, / И угнетённых царств свободу...» [ПСС: 253].

В послании-наставлении И.И. Козлова Цесаревичу прослеживается пушкинская традиция: «Семейным сходством будь же горд: / Во всем будь пращуру подобен: / Как он неутомим и твёрд, / И памятью, как он, незлобен...»⁹⁰.

Козлов не адресовал ни одного стихотворения Николаю I, но в посланиях Александре Фёдоровне и Цесаревичу ему уделено большое внимание. Николай I в послании Александру предстаёт идеальным правителем. Поэт подчеркивает, что

⁹⁰Пушкин А.С. Стансы / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 40.

он является достойным продолжателем дел брата – Александра I («Он ожил в брате нам державном» [ПСС: 253]), обладает красотой как внешней, так и внутренней. Ему присущ «дух вождя и гражданина» [ПСС: 253]. Но кроме успехов в делах государственных, он – «священный семьянин» [ПСС: 253]. Слово «священный» в посланиях И.И. Козлова к царским особам имеет высшее сакральное значение, носит благоговейный и божественный характер. Для него Царская семья – это помазанники Божьи, несущие ответ за свой народ перед самим Богом.

На царствование Николая I выпала русско-турецкая война (1828–1829 гг.), в которой он проявил себя как мудрый правитель и милосердный человек: Император остановил войну. Остановил её потому, что обладал добродетелями истинного монарха: «Те добродетели святы, / Которых образом сам Бог!» [ПСС: 253].

В последних двух строфах И.И. Козлов возносит молитвенное прошение к Творцу, чтобы Он хранил Царя и его семью, русский народ и русскую землю, продлил земной путь Императорской четы и благословил её на верное и доброе служение: «Творец всего, услышь моленье! / Храни и царство, и Царя, / Надеждам дай благословенье! / О! с нами Бог!.. ура, ура!» [ПСС: 254].

Здесь проявляется и дань традиции, и свойственное поэту качество пропускать через своё сердце всё то, о чём он пишет, благодаря чему, читатель всегда понимает, какую роль в жизни И.И. Козлова играет тот или иной человек, то или иное событие.

В посланиях к монаршим особам И.И. Козлов рисует образ идеальной императорской семьи: Николай I – «владелец полумира», мудрый военачальник, «добрый семьянин»; Александра Фёдоровна – посланница Божья, обладающая «святыми добродетелями», главная из которых – её набожность, а также предназначение стать матерью будущего царя-освободителя; Цесаревич Александр – достойный потомок «доблестного рода», ему есть на кого ровняться, поэт предсказывает Александру светлое будущее.

Отношение И.И. Козлов к монаршей власти как некой сакральной ценности можно увидеть в послании «Высокопреосвященному Филарету» (1830): «Когда долг страшный, долг священный / Наш Царь так свято совершал, / А ты, наш пастырь вдохновенный, / С крестом в руках его встречал...» [ПСС: 182].

Существует несколько версий относительно того, что же подразумевается под «долгом страшным, долгом священным», что послужило поводом к тому, что «пастырь вдохновенный с крестом в руках» встречает царя. И.Д. Гликман предполагает, что стихотворение посвящено восстанию на Сенатской площади 1825 г., а «долгом страшным, долгом священным» [ПСС: 182] стали действия Николая I, направленные на подавление восставших участников декабристского движения. По его мнению, И.И. Козлов искренне надеется на милость государя: осуждённых простят, закончатся мрачные для России дни: «Да вновь дни светлые проглянут, / По вере пламенной даны; / И полумертвые восстанут, / Любовью царской спасены...» [ПСС: 182].

Н.И. Михайлова считает, что это произведение И.И. Козлова является «откликом на приезд Николая I в холерную Москву и на «Речь Благочестивейшему Государю Императору Николаю Павловичу пред вшествием в Большой Успенский собор в 29 день сентября 1830 года, говоренную Синодальным членом Филаретом, Митрополитом Московским»⁹¹. Данное предположение подкреплено убедительным аргументом: «В стихотворении И. Козлова есть не только мотивы и образы, но и прямые цитаты из речи митрополита Филарета»⁹². В речи Святителя: «С крестом сретает Тебя, Государь, да идет с Тобою воскресение и жизнь»⁹³. У И.И. Козлова: «А ты, наш пастырь вдохновенный, / С крестом в руках его встречал...» [ПСС: 182].

Известно поэтическое послание В.А. Жуковского «К Филарету» (1808): «Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку? / Когда прострешь ко мне

⁹¹ Михайлова Н.И. Поэтический диалог И. Козлова с митрополитом Филаретом / Н.И. Михайлова // Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский. 2003. С. 228-229.

⁹² Там же. С. 228-229.

⁹³ Филарет (Дроздов Василий Михайлович); митрополит Московский и Коломенский. Слова и речи Синодального члена Филарета Московского. М.: Типография А. Семена, 1845. С. 520.

ласкающую руку? / Когда мне встретить твой душе понятный взгляд / И сердцем отвечать на дружбы глас священный?...»⁹⁴.

Поэт обращается к духовному лицу «мой друг». Принимая то обстоятельство, что автора и адресата связывали тёплые, дружеские отношения, подобный приятельский тон всё же не может не удивить читателя. Откровение писавшего снимает официальность, превращая текст в дружеское стихотворное послание. Не зная благорасположения со стороны Филарета, В.А. Жуковский не дерзнул бы на столь смелую форму обращения. В произведении двадцатипятилетний поэт делится с Филаретом размышлениями о жизни и завершении своего земного пути: «Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час / Моей любимой мечтой становётся; / Унылость тихая в душе моей хранится; / Во всем внимаю я знакомый смерти глас ...»⁹⁵.

Послание носит характер исповеди. Таким образом, стихотворная эпистола с одной стороны представляет собой откровение, с другой – размышление-исповедь о загробной жизни – черта, характерная для эпохи романтизма.

В послании И.И. Козлова к Филарету поэт не говорит о себе. Центральные образы произведения – Филарет и царь. И.И. Козлов верит в прозорливость Московского Святителя, благословившего Николая I на служение. Поэт видит в этом промысел Всевышнего: «Ему небес благоволенья / Изрек ты именем Творца, / Пред ним да жизнь и воскресенья / Текут и радуют сердца!» [ПСС: 182].

В письме к И.И. Козлову А.Н. Голицын сообщает об ответе митрополита Московского Филарета автору стихов: «Стихи, которые вы, милостивый государь, сочинили для Московского митрополита, были ему доставлены, и вот его ответ, который я спешу вам препроводить. Вам вполне преданный князь Александр Голицын. 13 ноября» (далее идёт ответ митрополита Московского Филарета):

«Петербургскому поэту в ответ из Москвы. Ноября 1-го 1830.

"Злостраждет-ли кто в вас? Да молитву дает.

⁹⁴Жуковский В.А. К Филарету («Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.1. Стихотворения 1797-1814 гг. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 138.

⁹⁵Там же. С. 139.

Благодушествует-ли кто? Да поет" (Иак. У. 13).

В день безопасности, в час мирного досуга,

Да, – хорошо Царя петь, доблести его.

Другое больше нужно нам:

Молиться за него, молиться друг за друга!»⁹⁶

В качестве эпиграфа митрополит Филарет берёт цитату из послания Иакова: «Страдает ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поёт псалмы» (Иак, 5:13). В своем стихотворном ответе митрополит Филарет несколько скептически относится к подобному восхвалению царя – это слова, свою любовь нужно показывать в действии. Он призывает И.И. Козлова к главному долгу христианина, к одному из основных средств спасения, к первому, что приближает человека к Богу – к молитве за Царя и «друг за друга».

В.А. Жуковский один из первых увидел пробуждающийся и развивающийся талант И.И. Козлова. По свидетельству В.В. Афанасьева, он называл это спасительным откровением, которое посетило И.И. Козлова «в то время, когда все в жизни исчезло...»⁹⁷. Исследователь видит заслугу Козлова в том, что он, будучи слепым и прикованным к постели, продолжал активно изучать европейские языки, переводить тексты английских романтиков, сочинять свои собственные произведения: «Судя по тому, как он понимает поэтов, что он сам был великим поэтом, когда бы сумел угадать талант, в нем таившийся до несчастья и слишком поздно пробужденный страданием»⁹⁸.

Безусловно, сближение Жуковского и Козлова основывалось не только на взаимной симпатии, но и на общности литературных интересов и предпочтений. Через В.А. Жуковского у И.И. Козлова сформировалось дружеское и литературное общение с такими поэтами, как В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев, Н.И. Гнедич, Е.А. Боратынский. В.И. Сахаров отмечает: «И.И. Козлов благодаря

⁹⁶ Стихотворение митрополита Московского Филарета и письмо по поводу этого стихотворения князя А.Н. Голицына. / Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 181-182.

⁹⁷ Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. М., 1987. С. 222-223.

⁹⁸ Там же. С. 222-223.

дружбе своей с Жуковским и братьями Тургеневыми оказался в самом центре нарождающегося литературного движения <...>. Увлеченный успехами молодой романтической литературы, Козлов сам начал пробовать свои силы в сочинении стихов...»⁹⁹.

Разделяя концепцию своего учителя, Козлов, по словам И.Д. Гликмана, «с самого начала своего творческого пути провозгласил право поэта на глубоко личные, лирические излияния, за которыми, однако, стоит объективный мир в его сложном многообразии»¹⁰⁰. Тем не менее, поэзия Козлова весьма отличается от поэзии В.А. Жуковского. Если сравнивать их произведения, то можно отметить, что И.И. Козлов идёт вслед за В.А. Жуковским: схожи образы, мотивы, жанровая система, поэтическая практика перевода. Но у И.И. Козлова несмотря на то, что он следует за своим учителем, свой поэтический голос. Он самобытен и оригинален. В творческом наследии В.А. Жуковского весьма много стихотворений, воспевающих веру, сострадание, надежду и настоящее смирение, но его муза никогда бы не повторила музу И.И. Козлова.

Оба поэта учились друг у друга: И.И. Козлов с рекомендательных наставлений учителя оттачивал свой поэтический стиль, а В.А. Жуковский учился истинной вере, воплощение которой он увидел в друге-страдальце.

И.И. Козлов посвятил В.А. Жуковскому 4 стихотворения и 1 поэму: послание «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>. По возвращении его из путешествия» (1822), «К Италии» (1825), «К Жуковскому» (1 января 1832); «Песнь о Марко Висконти» (22 декабря 1836) предваряют слова: «Посвящена другу Жуковскому»; романтическая поэма «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1824-1827).

Также в стихотворном наследии И.И. Козлова существуют косвенные упоминания о Жуковском, обращения к нему и его кругу. Так, в стихотворении-фантазии «Не наяву и не во сне» (1832), адресованном князю П.Г. Гагарину,

⁹⁹Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. М., 1979. С. 9-10.

¹⁰⁰Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 17.

И.И. Козлов в качестве эпитафии использует строчку из поэмы Дж. Байрона «Шильонский узник» на английском языке «And song that said a thousand things» и приводит её русский перевод, осуществлённый В.А. Жуковским: «Как много было в песне той!», указывая на авторство друга. В другом послании «К А.И. Тургеневу» (1832) Козлов вспоминает о Жуковском: «И наш Жуковский будет с нами. / Друг, без него, ты знаешь сам, / Полна ли жизнь обоим нам!» [ПСС: 200].

Первый творческий опыт И.И. Козлова – стихотворение «К Светлане» (1821) – посвящен любимой племяннице друга А.А. Воейковой, которая упоминается и в стихотворении «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» (1822). Стихотворение «Ночь на реке» (1821) написано в духе баллады Жуковского «Громобой» из «Двенадцати спящих дев», посвященной А.А. Воейковой. В стихотворении «К другу В.А. Жуковскому...» упоминается послание В.А. Жуковского «К Нине» (1808). И.И. Козлов читает и перечитывает стихи друга, ведет с ним не только прямой диалог, рассказывая о себе, своих чувствах, но и творческий, который выражался в заимствовании образов, мотивов. Безусловно, поэт находился под влиянием романтической поэтики В.А. Жуковского.

Когда И.И. Козлов окончательно потерял зрение, а болезнь ног навечно приковала его к постели, В.А. Жуковского в России не было. Пережив эту разлуку, которая выпала на самое тяжёлое для него время, И.И. Козлов в феврале 1822 г., через месяц после возвращения В.А. Жуковского на родину, создал одно из самых значимых своих произведений, которое впоследствии станет программным для всего его творчества – послание «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия». Как многие стихотворения Козлова – это отклик, в котором поэт искренне радуется возвращению своего друга из долгого путешествия, которое длилось почти полтора года: с 3 октября 1820 г. по 29 января 1822 г. За это время многое изменилось в трагической судьбе Козлова: он окончательно ослеп. Послание носит исповедальный характер, оно объёмно.

Создаётся ощущение, что поэту нужно выговориться и только друг сможет его выслушать и понять.

Стихотворение относится к жанру дружеского послания. Его характеризует искренность и задушевность поэтических интонаций. Композиционно стихотворение можно разделить на несколько частей:

1. Радость встречи («Опять ты здесь! Опять судьбою / Дано мне вместе быть с тобою!» [ПСС: 59]).

2. Рассказ о себе («И сей разлуки год унылый, / Мой друг, был черным годом мне!..» [ПСС: 59]).

3. Воспоминание о счастливом прошлом («Я видел сон любви и счастья, / Я свято сердцем уповал, / Что нет под небом им ненастья...» [ПСС: 61]).

4. Болезнь («Навеки окружен я тмой!..» [ПСС: 63]).

5. Принятие своей судьбы («О радость! Ты не жребий мой!..» [ПСС: 63]).

6. Дружба с А.А. Воейковой («Светлана плакала со мною...» [ПСС: 65]).

7. Сон («Так, снов пленительный обман / В замену истины нам дан...» [ПСС: 66]).

8. Воспоминания о Москве и Петербурге («И стлался золотой туман / Над белокаменной Москвою...» [ПСС: 67]; «Я ночью по Неве катался...» [ПСС: 59]).

9. Поэзия («О друг, поэзия для всех / Источник силы, ободренья...» [ПСС: 69]).

10. Вера в Бога («Взгляни ... над нашими главами / Есть небо с вечными звездами, / А над звездами их Творец!» [ПСС: 69]).

Стихотворение содержит глубокие обобщения: И.И. Козлову важно рассказать В.А. Жуковскому не столько о событиях своей жизни, сколько поделиться чувствами, опытом жизни духовной. Это явно прослеживается на лексическом уровне. Слово «душа» встречается 14 раз, 10 раз – слово «сердце», которое в поэтическом языке поэта близко по значению слову «душа»: «Ты видишь глубину сердец» [ПСС: 64], «Страдальцу сердце оживила» [ПСС: 64], «И чем мне сердце усладить» [ПСС: 65], «И сердца милый ободритель» [ПСС: 65].

И.И. Козлов ослеп, поэтому глаголы «видеть», «смотреть», «взглянуть» чаще всего употребляются им в прошедшем времени. Свой взор он характеризует словами «потухший», «тусклый». Но поэт начинает «видеть» сердцем. И это не только дань романтической традиции, но и знак прозрения духовного: «Но сердцу внятный голос твой / Глубоко в душу проникает» [ПСС: 59]; «Я свято сердцем уповал» [ПСС: 61]; «Что сердцу снилось, всё сбылось!» [ПСС: 61], «Хотело сердце насмотреться!..» [ПСС: 63]; «Чтоб тех, кто сердцу милы, зреть, / И сердце ими любовалось» [ПСС: 63]; «Который в сердце сохранится» [ПСС: 63].

Художественный мир стихотворного послания И.И. Козлова – это мир Божий. В нём есть Творец, ангелы, благодать, небеса, святость, отрада, упование, звезды, блаженство, Провиденье. На лексическом уровне это выражается через эпитеты: «Божий свет», «Божий храм», «Божий ангел», «животворительные утехи» (о поэзии). В стихотворении И.И. Козлов представляет пространственную картину мироздания: «А над звездами их Творец» [ПСС: 69], «Хвала Тебе, Творец! Ты не забыл своё творенье!» [ПСС: 64] – благодарит Бога поэт. С эпитетом «святой» связаны благодать, добродетель, монастырь, Русь. Оппозицией небесам и Божьему миру стоят слова: «земля», «печаль», «горе», «мир»: мир «прелестный», «приветный», «новый», «разнообразный», печали и горести «земные» [ПСС: 59-61]. В стихотворении присутствует романтический идейно-образный ряд: челнок, птичка, огонек, Провиденье, сон.

И.И. Козлов вспоминает своё счастливое прошлое, когда он, будучи здоровым, смело преодолевал трудности, бесстрашно плыл по морю житейских невзгод. В образном ряде стихотворения возникает челнок: «С душой, наполненной огнем, / Я волн и бурь не утрашился, – / И в легком челноке моем / Отважно по морю пустился...» [ПСС: 61].

У одного из первых в отечественной поэзии образ челнока появился у В.А. Жуковского в стихотворении 1809 г. «Путешественник». Призываемый тайным голосом плыть на восток странник оказывается в челноке, который должен был вынести его к «храму чудесному». Однако челнок с обреченным на гибель героем теряется в «безвестном океане». Путешествие оказывается

жизненным испытанием, которое герой не смог преодолеть. В другом его стихотворении «Пловец» (1812) героя, на сей раз «вихрем бедствий гонимого»¹⁰¹ из родной стороны, так же, как и в прошлом произведении, челнок во время бури заносит «в океан неисходимый»¹⁰². Но финал в этой истории иной. Лирический герой спасается при помощи божественного Провидения, которое было его «тайным кормщиком»¹⁰³.

Спустя три года в стихотворении «Младенец. (В альбом графини О.П.)» (1815) В.А. Жуковский вновь обращается к сюжету о челноке, бурей застигнутого в водах неизвестного океана. Здесь поэт рисует картину совершенного доверия и веры в помощь Провидения. Абсолютная беспомощность человека подчеркивается и тем, что в образе лирического героя выступает младенец, а управляет челном Провиденье.

Следует заметить, что в романтической традиции первой трети XIX века образ челнока становится весьма популярным. Вслед за В.А. Жуковским образ начинает разрабатывать К.Н. Батюшков «К Петину» (1810), «Любовь в челноке» (1810), «Мои пенаты: Послание Жуковскому и Вяземскому» (1811). Затем его можно встретить у И.И. Дмитриева «Челнок без весла» (1826), П.Г. Ободовского «Отважный пловец на чужбине» (1827), А.В. Кольцова «Рыцарь» (1824-1827), А.И. Полежаева «Песнь погибающего пловца» (1828), М.Ю. Лермонтова «Челнок» (1832), «Желанье» (1832).

Оппозиция «море – суша», «берег – стихия» присущ романтикам: часто в поэзии романтизма мотив путешествия по морским волнам в челноке, лодке, под парусом символизирует неравную битву героя с судьбой.

Возможно, что романтический образ челнока был унаследован И.И. Козловым от В.А. Жуковского. Эта выразительная метафора встречается уже в первом его стихотворении «К Светлане» (1821). В нём поэт отождествляет свою жизнь с «беспарусным челноком» [ПСС: 55], который был «разбит свирепую

¹⁰¹Жуковский В.А. Пловец («Вихрем бедствия гонимый...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.1. Стихотворения 1797-1814 гг. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 222.

¹⁰²Там же. С. 222.

¹⁰³Там же. С. 222.

волною» [ПСС: 55]. Но не это является причиной его страданий. Он глубоко переживает за судьбу своих детей: «Как вспомню, что моих детей / Судьба жестокая пустила / По грозной прихоти морей / Без кормчего и без ветрила, – / Как за корабль бесценный мой / Невольно чувства замирают! [ПСС: 56]. Здесь можно обнаружить явное созвучие с «Пловцом» (1812 г.) Жуковского: «Вихрем бедствия гонимый, / Без кормила и весла, / В океан неисходимый / Буря челн мой занесла ...»¹⁰⁴.

В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» Козлов вновь использует романтический образ челнока. Но теперь он готов, как и «странник» Жуковского («Путешественник», 1809 г.), несмотря на бурю жизненных невзгод, пуститься в своём челноке по неизведанным водам океана, чтобы обрести «небесную нетленность»: «Меня манил надежды луч, / И, как гроза ни бунтовала, / Мне из-за гневных, черных туч / Звезда приветная сияла, – / Что сердцу снилось, всё сбылось!..» [ПСС: 61].

И.Д. Гликман предполагает, что обращение к образу челнока произошло под прямым влиянием В.А. Жуковского¹⁰⁵. С этим трудно не согласиться: тематика и система образов В.А. Жуковского была близка поэту. Несмотря на это, чувствуется разница в поэтической трактовке образа друзьями-стихотворцами. У И.И. Козлова, по мнению И.Д. Гликмана, «мистический пафос, религиозная символика уступают место конкретно-поэтической образности. Аллегория становится прозрачной и светлой, небесные ангелы заменяются верой в успех и удачу, которая воплощается в поэтическом образе сияющей, приветной звезды»¹⁰⁶. В 1835 г. он напишет стихотворение «Пловец», в котором лирический герой будет изображён не в критический момент крушения челнока, как у В.А. Жуковского, а смотрящим на синее море пловцом, пережившим

¹⁰⁴Жуковский В.А. Пловец («Вихрем бедствия гонимый...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.1. Стихотворения 1797-1814 гг. М., 1999. С. 221-222.

¹⁰⁵Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 20.

¹⁰⁶Там же. С. 20.

описываемое бедствие много лет назад, но помнившим о нём с той же болью и страданием.

В произведении дан философско-психологический взгляд человека, оказавшегося в состоянии «живого мертвеца»: когда-то его «челн, влекомый яркою звездой», разбила буря «неизбежных бед», но ему удалось спастись. Вместе с челноком на «дне морском» оказались все его мечты, надежды, чаяния светлого будущего. Если произведение В.А. Жуковского заканчивается стремлением «жить» и «дышать», то заключительная строфа стихотворения И.И. Козлова наполнена грустью об «истлевших мечтаниях»: «И сколько светлых упований, / Оторванных налетом гроз, / И сердца радостных мечтаний, / Истлевших от горячих слез!» [ПСС: 262].

И.И. Козлов обратился к образу разбитого бурей челнока как к понравившемуся романтическому образу, но увидев в нём отражение себя и своей трагической судьбы, стал активно использовать в своём творчестве. Одиноким пловец отчаянно борется с морем житейских невзгод и разочарований, горестным положением и утраченными иллюзиями. Его разбитый бурей челнок не может противостоять стихии, вот-вот должен погибнуть, но пловец все же не теряет надежды на спасение, мечтает обрести счастье, если не в земном мире, то в небесном. Образ челнока станет магистральным в его поэзии, в стихотворениях разных лет он встретится около 30 раз: «К Светлане» (1821), «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» (1822), «Венецианская ночь» (1825), «Новые стансы» (1826), «Над тёмным заливом, вдоль звучных зыбей...» (1827), «При гробницу Цецилии Ж.» (1828), «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале» (1828), «К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свой поле, нечаянно срезал железом сохи в 1786 г.» (1829), «Воспоминание 14 февраля» (февраль 1830 или 1831), «Графу М. Виельгорскому» (1832), «Графине Завадовской, урождённой Влодек» (1832), «Озеро мёртвой невесты» (1832), «Два челнока» (1833), «Свежана и Руслан» (1833), «Пловец» (1835), «Русская певица» (16 февраля 1836), «К П.Ф. Балк-Полеву» (1838), «Стихи для концерта» (дата неизвестна). Следует отметить, что в позднем творчестве образ переживает

трансформацию: уже не челнок, а корабль преодолевает стихию, он принял свою судьбу, полностью положился на волю Бога и теперь смиренно справляется со своими страданиями: «И мне не страшны той порой / Крушенья, бури, непогоды; / Мирюся я с своей судьбой, / И милы мне мои невзгоды!» [ПСС: 432].

Ещё один символический образ-символ встречается в послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» – образ мимолётности счастья, который символизирует собой маленькая птичка, случайно залетевшая в жизнь И.И. Козлова, но не захотевшая в ней остаться. Поэта не покидает чувство скорби по ней: «Но край, где буря обитает, / Ей не родная сторона, / И, лишь залетная, она / Мелькнет, прельстит и улетает...» [ПСС: 61].

Перед поэтом проплывают пять лет болезни, долгих, мучительных, полных страдания и боли. Ему горько, что вместе с ним страдают и его близкие. И.И. Козлов не может больше радоваться тому, что с ним «шла радостно рука с рукой». Отчаяние переполняет его душу: «бездна», «гибель», «тма», «кровь» и самое страшное слово «навек». Он чувствует, что лишен надежды на спасение: «Угас, угас луч светлый дня, / И сердце кровью обливалось, / И всё в грядущем для меня / Как бездна гибели являлось. / Навек окружен я тмой!..» [ПСС: 62].

Вся его скорбь выразилась в этих строчках, о которых А.С. Пушкин в письме к Л.С. Пушкину в мае 1825 г. писал: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно <...>. Ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии»¹⁰⁷.

Образный ряд стихотворения расширяет тревожный мотив огонька. Поэт сравнивает себя с одиноким, никому не нужным, догорающим, забытым, пугающим огоньком: «Так догорает, одинок, / Забытый в поле огонек; / Он никого не согревает, / Ничьих не радуется он глаз...» [ПСС: 63].

В этом новом для поэта мире спасительными становятся вера, дружба, сны и поэзия. И.И. Козлов признается В.А. Жуковскому, что только Бог помог ему «стерпеть удар сей нестерпимый». Повторение однокоренных слов показывает

¹⁰⁷Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С. / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. С. 174.

глубину религиозного чувства поэта, потому что терпение – это одна из христианских добродетелей: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13).

Отчаяние человека, потерявшего зрение и возможность самостоятельно передвигаться, передается в динамике глаголами: «упадал», «томился», «не дерзал», «страшился». Они все относятся к духу, душе, но не к физическому телу. И в тот момент, когда отчаяние достигает своего наивысшего предела, поэт чувствует, что в его, казалось бы, мёртвом теле, загорелся новый огонёк. Он снова хочет жить, мечтать, любить, творить, чувствовать. И.И. Козлов обращается к Богу с благодарностью: «Но вдруг...хвала Тебе, Творец! <...> Хвала Тебе, мой страх исчез!..» [ПСС: 64].

Спасительной для И.И. Козлова стала дружба с А.А. Воейковой, оказавшейся с поэтом в мучительный период обострения болезни. Примечательно, что первым поэтическим опытом Козлова стало послание «К Светлане» (1821), посвященное именно ей. В послании к В.А. Жуковскому И.И. Козлов называет её также Светланой. Таким именем окрестили А.А. Воейкову в литературных кругах после выхода в свет баллады «Светлана», которая стала свадебным подарком В.А. Жуковского своей крестнице: «Светлана добрая твоя / Мою судьбу переменяла, / Как ангел Божий низлетя, / Обитель горя посетила – / И безутешного меня / Отрадой первой подарила ...» [ПСС: 65].

Здесь возникает характерный для русского романтизма образ Провиденья, к которому часто обращается Жуковский. Например, в балладе «Светлана» (1813): «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в Провиденье. / Благ зиждителя закон: / Здесь несчастье – лживый сон; / Счастье – пробужденье...»¹⁰⁸.

Провиденье понимается как высшая божественная сила, которая направляет судьбы людей к Благу, т.е. промыслу Божьему. Если под первым Провидением как у И.И. Козлова, так и у В.А. Жуковского видится Высшая Сила, то роль «второго провиденья» автором послания отводится дружбе: «Внезапно дружба

¹⁰⁸Жуковский В.А. Светлана / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.3. Баллады. М.: Языки русской культуры. 2008. С. 338.

мне предстала... / Ты правду нам сказал: она / Второе наше провиденье!» [ПСС: 65]

Здесь И.И. Козлов созвучен с В.А. Жуковским, который в «Певце во стане русских воинов» (1812) написал: «Блажен, кому Создатель дал / Усладу жизни, друга; / С ним счастье вдвое; в скорбный час / Он сердцу утешенье; / Он наша совесть; он для нас / Второе Провиденье»¹⁰⁹.

Утешением для поэта становятся сны, в которых он видит себя в окружении близких ему людей, здоровым и счастливым, созерцающим необыкновенные картины природы: «Так, снов пленительный обман / В замену истины мне дан; / Он жизни памятью остался; / О том, с чем я навек расстался, / Правдивую дает мне весть...» [ПСС: 66].

В эпоху романтизма интерес к феномену сна был велик. С.В. Рудакова отмечает: «Романтики, которые строят свою художественную вселенную на принципах двоемирия, осознают сон как важнейшую категорию бытия. Каждый поэт-романтик, используя предшествующий культурный опыт в осмыслении этого мотива, привносит что-то свое в трактовку явления сна»¹¹⁰. Интерпретируя этот образ в своем творчестве, И.И. Козлов опирается на сложившуюся в зарубежной литературе метафору «жизнь есть сон» (её можно проследить в творчестве В.А. Жуковского, Ф.Н. Глинки, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов XIX века). Поэт признается, что только во сне он чувствует себя по-настоящему живым и счастливым человеком, поэтому ему так часто не хочется просыпаться. В то же время поэт понимает, что сон – это всего лишь «пленительный обман», но он благодарен ему за возможность вновь «видеть Божий свет»: «Ах! Удастся часто мне / Смотреть на Божий свет во сне ...» [ПСС: 66].

Таким образом, поэтическое толкование мотива сна в творчестве И.И. Козлова строится по форме: жизнь – сон – «пленительный обман». В

¹⁰⁹Жуковский В.А. Певец во стане русских воинов («На поле бранном тишина...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.1. Стихотворения 1797-1814 гг. М., 1999. С. 240.

¹¹⁰Рудакова С.В. Мотив сна в лирике Е.А. Боратынского/ С.В. Рудакова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 8.

послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» поэт рассказывает своему другу и читателю о двух снах. В одном из них поэт видит себя на берегу Москвы-реки, в другом сне спящему представляются картины ночного Петербурга.

Известно, что И.И. Козлов продолжительное время жил в обеих столицах, где у него были свои любимые места. Так, описываемые в послании просторы около Москвы-реки соотносятся с территорией усадьбы князя Н.Б. Юсупова на Воробьёвых горах. Поэт, никогда не бывавший за границей, признаётся другу: «Как ты, мой друг, я не скитался / В чужих далеких сторонах: / Всё родина в моих мечтах...» [ПСС: 67].

Чтобы преодолеть душевный кризис, И.И. Козлов начинает усиленно работать. Перед ним открывается новый мир слов, звуков, образов: «Мне льется в душу вдохновенье, / И сердце бьется, дух кипит, / И новый мир мне предстоит; / Я в нем живу, я в нем мечтаю, / Почти блаженство в нем встречаю; / Уж без страданья роковой / Досуг в занятиях протекает...» [ПСС: 68].

Погружаясь в мир книг, перечитывая М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, поэт забывает о своих страданиях: «Мы с ними чувствуем живей, / Добрее, пламенней бываем, – / Так Русь святая нам святей, / Когда Карамзина читаем...» [ПСС: 68].

И.И. Козлов отводит поэзии исключительную роль в жизни любого человека. Для него же она стала спасением, тем миром, в котором он чувствовал себя счастливым, полным сил и энергии. Поэзия для И.И. Козлова – «животворительная утеха», «источник силы, ободренья» и «сладкого самозабвенья», «небесный огонь», «волшебный щит», которым он обороняется от чёрных дум. Интересно, что спустя 10 лет В.А. Жуковский писал И.И. Козлову: «Что такое истинная поэзия? Откровение в теснейшем смысле. Откровение божественное произошло от Бога к человеку и облагородило здешний свет, прибавив к нему вечность. Откровение поэзии происходит в самом человеке и

облагораживает здешнюю жизнь в здешних ее пределах»¹¹¹. Несчастье, постигшее Козлова, позволило ему увидеть истинное назначение поэзии.

Финал послания оптимистичен. Поэт переосмысливает свою жизнь и свое назначение. Страдания, выпавшие на его долю, не «убили» его, он смог выжить и окрепнуть благодаря любви и надежде. В заключительных строчках Козлов обращается к другу: «Взгляни... над нашими главами / Есть небо с вечными звездами, / А над звездами их Творец!» [ПСС: 69].

Произведение можно назвать лирической исповедью. Поэт, который не пережил несчастья, не смог бы с такой точностью и правдивостью выразить боль и страдание, показать психологию, состояние человека, оказавшегося в подобном положении.

По словам И.Д. Гликмана, произведение «отличается задушевностью тона, горячностью и искренностью поэтической речи...»¹¹². Чтение послания не может оставить равнодушным читателя, что же говорить об его адресате. В.А. Жуковский, как отмечает В.В. Афанасьев, «был потрясен этим посланием»¹¹³, в котором, по словам исследователя, «так полно раскрылось дарование Козлова, его душа, а Жуковский знал эту душу лучше всех»¹¹⁴.

Некоторые современники увидели в стихотворении только скорбь об утраченном счастье. Но И.И. Козлов не жалуется на судьбу. Он рассказывает, как постигшее несчастье изменило его жизнь, помогло справиться с унынием и отчаянием. В нём отразилось душевное состояние человека в переломный момент его жизни.

Известно, что стихотворное послание «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» И.И. Козлов неоднократно редактировал и вносил существенные правки. Об этом свидетельствует рукопись, хранящаяся в

¹¹¹Жуковский В.А. Письмо И.И. Козлову от 27 января 1833 г. / В.А. Жуковский // Русский архив. 1867. Кн. 1-3, № 1-12. С 836.

¹¹²Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 18.

¹¹³Афанасьев В.В. Жизнь и лира: Заметки о забытом поэте-классике Иване Ивановиче Козлове (1779-1840) / В.В. Афанасьев // Литературная учеба. 2000. № 4. С. 87.

¹¹⁴Там же. С. 87

рукописном отделении Российской национальной библиотеки в архиве В.А. Жуковского (раздел «Произведения разных лиц, сохранившиеся в бумагах В.А. Жуковского», № 15). Н.М. Данилов отмечал: «Рукопись написана на 11-ти листах большого формата двумя сменяющимися один после другого почерками, из которых один похож на почерк, которым написаны почти все письма слепого поэта (по-видимому, почерком его секретаря – дочери Александры Ивановны)»¹¹⁵. Важно заметить, что на обороте обложки рукописи стоит эпитафия – цитата из пятой песни 105 стиха «Божественной комедии» Данте Алигьери: «Come vedi, ancor non m'abbandona...» («Этот плен ты видишь нерушимым...»). Неизвестно, почему издатели забывали про этот эпитафию при публикации произведения. Слова эти автором подобраны неслучайно: в них уже скрыт смысл того, что чувствовал поэт. Написав эти слова другу перед текстом стихотворения, Козлов даёт понять: слух о его тяжелом состоянии, которые дошли до В.А. Жуковского за рубежом, небезосновательны: он – в плену своей болезни, и изменить ничего нельзя. Эпитафия подготавливал В.А. Жуковского к тому, что он должен был услышать в самом тексте послания.

Обратимся к черновому и беловому варианту текста произведения:

Беловик	Черновик
Опять ты здесь! Опять судьбою Дано мне вместе быть с тобою! [ПСС: 59]	Опять ты здесь! Опять судьбою Дано мне видеться с тобою! ¹¹⁶

Строка «Дано мне вместе быть с тобою...» была исправлена поэтом, видимо, в силу того, что глагол «видеть» всё же подразумевает «лицезреть» собеседника, смотреть на него. Этой возможностью И.И. Козлов уже не обладал. Он заменяет этот глагол выражением «быть с тобою». Быть можно все время, даже тогда, когда человека нет рядом, а видеться – время от времени. Смысловое слово «вместе» особенно важно для поэта: он чувствует, что не одинок.

¹¹⁵Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. Петроград: Типография Императорской Академии наук. 1915. С. 12.

¹¹⁶Там же. С. 12.

Беловик	Черновик
И взор хотя потухший мой Уж взоров друга не встречает... [ПСС: 59]	И взор хотя погащий мой Уже взор друга не встречает... ¹¹⁷

И.И. Козлов предпочитает причастию «погащий» в устаревшей форме поэтический эпитет «потухший». Вторая же правка «взоров» – «взор» объясняется, скорее, желанием автора уйти от ненужного повтора слова.

Беловик	Черновик
Но я любить не разучился, Друзей моих не забывал, От них нигде не отставал... [ПСС: 59]	Но я любить не разучился, Друзей моих не забывал, От них никак не отставал... ¹¹⁸

Поэт отдаёт предпочтение пространству, нежели образу действия. Несмотря на болезнь, он пытается везде быть с друзьями, приглашая их к себе в дом или, по возможности, посещая их литературные вечера.

Беловик	Черновик
Здесь, рухнув, лавина падет, Чрез села страшный путь берет И лавой снежную несется... [ПСС: 59]	Лавина, рухнувшись падет Чрез села страшный путь берет И снежной лавою несется... ¹¹⁹

Кажется оправданной замена И.И. Козловым первой и последней строчки в данном отрывке. Деепричастие «рухнувшись» вызывает сомнение в существовании как формы. Поэт намеренно меняет в первой строке ритм: от ямба – к амфибрахию, переходит к трехсложному размеру, разрушив течение 4-х стопного ямба, тем самым добавив динамику и стремительность. Использование инверсии в последней строчке украсило поэтический рисунок и придало фрагменту большую выразительность.

¹¹⁷Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 13.

¹¹⁸Там же. С. 13.

¹¹⁹Там же. С. 13.

Беловик	Черновик
Но вид угрюмой красоты От сердца гонит прочь мечты... [ПСС: 60]	Но вид сей дикой красоты От сердца гонит прочь мечты... ¹²⁰

Предпочтение эпитета «угрюмой» эпитету «дикой» объясняется желанием автора подчеркнуть устрашающую силу природу, которая прогоняет мечты и погружает «в священный трепет». Ему нужно избавиться от лишнего, дробящего строку, устаревшего указательного местоимения «сей».

Беловик	Черновик
Чужим передает волнам Родимых волн воспоминанья... [ПСС: 60]	Чужим вверяет он волнам Родимых волн воспоминанья... ¹²¹

Правку можно объяснить желанием автора уйти от неоправданного повторения местоимения «он», которое встретится через две строчки. Для сохранения ритмического рисунка ямба поэт использует глагол «передаёт», позволивший уйти от двойного «вв» в слове «вверяет».

Беловик	Черновик
Как в непреклонности своей Судьба карать меня умеет, – [ПСС: 60]	Как в лютой ярости своей Судьба карать меня умеет, – ¹²²

И.И. Козлов уходит от излишней экспрессивности, эмоциональности, выбирая более спокойную форму «непреклонности» по отношению к судьбе:

Беловик	Черновик
И память прежних светлых дней [ПСС: 60]	И память прежних ясных дней ¹²³

Прошлое поэта озарено светом, которого он лишился, поэтому эпитет «светлых» ближе для его сердца, чем слово «ясных».

¹²⁰ Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 13.

¹²¹ Там же. С. 14.

¹²² Там же. С. 14.

¹²³ Там же. С. 14.

Беловик	Черновик
Я видел сон любви и счастья, Я свято сердцем уповал, Что нет под небом им ненастья; С зарей, ты знаешь, юных дней, Пленен любимую мечтою... [ПСС: 60]	Прекрасный сон любви и счастья, Я свято сердцем доверял, Что нет под небом им ненастья; С зарей, ты знаешь ранних дней, Пленен любимую мечтою... ¹²⁴

И.И. Козлов подчеркивает, что видел «сон любви и счастья» в период «ранних дней». Поэт отдаёт предпочтение более поэтическому варианту – «юных дней». Глагол «доверял» заменяет глаголом «уповать», что значит искренне надеяться и верить на Божью помощь. Именно этим словом он характеризует своё отношение к Богу. Чтобы это подчеркнуть, поэт использует анафору («Я видел сон любви и счастья, / Я свято сердцем уповал...») [ПСС: 60].

Беловик	Черновик
Я волн и бурь не утратился, – И в легком челноке моем Отважно по морю пустился... [ПСС: 60]	Ни волн, ни ветров не страшился, – И в легком челноке моем Я дерзко по морю пустился... ¹²⁵

Для И.И. Козлова важна субъективизация, поэтому стих начинается с личного местоимения «я». Дерзость и отвага – два разных качества. Дерзость предполагает бесстрашие и даже некоторую самоуверенность, возможность рассчитывать только на себя. Несмотря на силу, которую он почувствовал, поэт понимает, что без помощи Творца, ему не преодолеть море житейских невзгод, поэтому отправляется в путь не «дерзко», а «отважно», то есть храбро и мужественно.

Беловик	Черновик
Мне из-за гневных, черных туч Звезда приветная сияла... [ПСС: 60]	Мне из-за гневных мрачных туч Звезда приветная сияла... ¹²⁶

¹²⁴Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 15.

¹²⁵Там же. С. 15.

¹²⁶Там же. С. 15.

Эпитет «гневных» берёт на себя всю основную, важную для выделения настроения природы экспрессивную окраску. Чёрный цвет даёт возможность подчеркнуть контраст метафоричности сияния звезды. Первоначальное использование эпитета «мрачных» создавало излишнюю эмоциональность и нагромождение художественных средств.

Беловик	Черновик
Ах, для чего же, молодое, Мое ты счастье золотое, Так быстро, быстро пронеслось! [ПСС: 60]	Ах, для чего же молодое, Мое ты счастье золотое, На что ж так быстро пронеслось! ¹²⁷

Конечный вариант более выразителен за счёт использования автором приема намеренного повтора слова «быстро», чтобы подчеркнуть мимолетность счастливых мгновений, которые были у И.И. Козлова до болезни. Кроме этого, выражение «на что ж» имеет разговорную окраску.

Беловик	Черновик
Так мы слышали, что порою Случайно птичка залетит От южных островов прекрасных В страну дней мрачных и ненастных, Где дикий дол и темный лес Не зрели голубых небес, И там эфирною красою И пеня нежностью простою Угрюмый бор развеселит, Минутной негой подарит!.. [ПСС: 60]	Так мы слышали, что весною От Южных Островов прекрасных В край дней унылых и ненастных, Где дикий дол и темный лес Не зрели голубых небес, Случайно птичка залетит И там эфирною красою И пеня нежностью простою Угрюмый бор развеселит, Минутной негой подарит!.. ¹²⁸

Автор в конечном варианте уходит от конкретизации времени года. Перестановка строк нужна, чтобы сразу обозначить образ счастья – птицы. При

¹²⁷Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 15.

¹²⁸Там же. С. 15.

описании местности рисуется более полная картина, чем в первом варианте, где сначала указано пространство, но не совсем ясным видится субъект действия.

И, лишь залетная, она

Мелькнет, прельстит и улетает... [ПСС: 60]

После этой строчки в рукописном варианте следует фрагмент, который не вошел в основное издание:

О! друг, сгустились надо мной

Черная тучи, и чернее

Удар носился роковой

И рок страшный был и страшней!¹²⁹

Данное обращение к другу, как крик души, сохранилось только в рукописном варианте.

Беловик	Черновик
Пять раз зеленые поля	Пять раз прелестная весна
Весна цветами обновляла,	Луга цветами обновляла
С тех пор как, друг, она меня	С тех пор, когда меня она
В тенистых рощах не видала...	В тенистых рощах не видала... ¹³⁰
[ПСС: 61-62]	

«Когда она меня» заменено на «как, друг, она меня» – удачный прием с включением обращения и уходом от громоздкой конструкции сложноподчиненного предложения, который наблюдался в исходном варианте.

Беловик	Черновик
Не буду зреть полей зеленых,	Не буду зреть полей зеленых,
Лазури светлой чистых вод,	Ни чистых вод, ни темный лес
Ни дня торжественных красот,	Ни светлую лазурь небес
Ни звезд, во тме ночной зажженных.	Ни звезд, во тме ночной зажженных.
Но, друг, тогда, как надо мной...	Но Друг, в ту пору как со мной... ¹³¹
[ПСС: 62]	

¹²⁹ Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 15.

¹³⁰ Там же. С. 15-16.

¹³¹ Там же. С. 16-17.

Подобная редакторская правка наблюдается на протяжении всего стихотворного послания. Примечательным является пропуск значительных фрагментов текста, которые обнаружены лишь в рукописном варианте. К таковым относятся:

Живому с жизнью как проститься?.. [ПСС: 65]

В основном издании здесь ставится многоточие, в рукописи же есть продолжение:

Живому с жизнью как проститься?..

И в бури мысли, чувств страстей

Молитва как не подкрепляла

В унылой скуке мрачных дней

Печаль все грудь мою стесняла¹³².

Автор решает опустить этот отрывок, в котором слышится уныние и опустошение.

В другом фрагменте, который не вошёл в основной текст, И.И. Козлов описывает места, которые видел В.А. Жуковский: «зеркальный Леман» с «красивыми берегами», «бархатные луга», спесивый Рейн», «развалины зубчатых стен и башен»¹³³. Удивительным является то обстоятельство, что картины, представленные поэтом, очень красочные и живописные. Начитанность, широкий кругозор, рассказы друзей о дальних странах и воображение сформировали у него яркие полные образы. И.И. Козлов решает не сохранять отрывок в конечном варианте, возможно, в силу того, что в начале послания частично тема стран, где путешествовал его друг, В.А. Жуковский, уже затронута, и возвращение к ней не имеет смысла.

И ещё один фрагмент останется без внимания читателей. В рукописи он следует после строчек:

И сердцу сладко напевать

Его утраченное счастье... [ПСС: 69].

¹³²Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 19.

¹³³Там же. С. 22-23.

В основном тексте после этих слов следует последняя строфа. В рукописном варианте следует продолжение. Поэт описывает ночные часы размышлений и мечтаний, проведённые не в одиночестве, а вместе с героями И. Гёте, У. Шекспира, Ф. Шиллера, Т. Тассо и других известных писателей. И.И. Козлов признаётся, что ближе ему всего – «пловец страстей». В образе одинокого странника, отправляющегося в челноке в неизведанные края по морю житейских невзгод, поющего о судьбе страдальца, о боли утрат и потерь, без сомнения, подразумевается Дж. Байрон:

Ах! Он пловец сердечных дум
 Таинственной своей тоскою
 Им прелесть странную дает
 И под туманной пеленою
 Нам песнь чудесную поет¹³⁴.

Образ пловца, наряду с образом челнока, станет одним из ключевых в творчестве поэтов-романтиков, в том числе В.А. Жуковского и И.И. Козлова.

Стихотворное послание «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» в первом варианте имеет больший объём, чем в окончательном. Следует отметить, что в пропущенных фрагментах новых тем не возникает: отрывки скорее раскрывают или более подробно описывают то, что было уже сказано. Зачёркнутые строчки, надписи сверху, не включённые в основной текст строфы, многочисленные редакторские правки свидетельствуют о том, что над произведением велась большая работа. И.И. Козлову было важно довести стихотворение до совершенства, приблизиться к идеалу с точки зрения смысловой законченности и поэтической формы. Произведение было по достоинству оценено не только В.А. Жуковским, но и многими современниками. Друзья и близкие увидели в нём искреннюю исповедь поэта, боль, страдание, муки, поиск смысла жизни, борьбу – всё то, что пришлось пережить И.И. Козлову.

¹³⁴Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. П., 1915. С. 26-27.

В 1825 г. И.И. Козлов посвятил В.А. Жуковскому стихотворение «К Италии» (1825), которое было написано почти в одно и то же время с «Венецианской ночью» (1825), адресованной П.А. Плетневу, поэтому образы и мотивы в этих стихотворениях схожи: мотив фантазии, образы Бренды, Венеции, Байрона, Торквато Тассо. Стихотворение относится к жанру послания, но особенность его заключается в том, что И.И. Козлов в первой части обращается к Италии, а во второй – к В.А. Жуковскому.

Италия для И.И. Козлова – страна любви, радости, гармонии, прекрасная и днем, и ночью. В поэтическом сознании поэта она предстает в виде персонифицированного образа молодой красивой женщины. И.И. Козлов характеризует её эпитетами: «прелестная», «прекрасная». Поэту мила её краса, у неё небесная улыбка. Она искупила слезами и кровью «дар пагубный чудесной красоты» [ПСС: 101]. И.И. Козлов следует за романтической традицией своего времени. В послании два основных мотива: 1. Мотив стремления к Италии как к чему-то недостижимому. 2. Мотив Италии как «земного рая». Русские поэты-романтики первой трети XIX века создали определённый стереотип восприятия этой страны: роскошная природа, голубые небеса, синее море и поэзия, главный поэт – Торкватто Тассо.

Стихотворение «К Италии» написано 8 октавами с классической для этой формы рифмовкой (абабабвв), это обусловлено заметным влиянием Торквато Тассо на поэта, так как в это время И.И. Козлов работал над переводами отрывков из поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1825): «Там звук октав с любовью и мечтами...» [ПСС: 101]. Дважды Козлов упоминает имя итальянского поэта. Обращаясь к Италии, он называет её Торкватова земля, а самого поэта – певцом Иерусалима. Все стихотворение пронизывает мотив полета: «Лети со мной...» [ПСС: 101], «И я несусь волшебными крилами...» [ПСС: 101], «И, может быть, в толпе родных явлений / Промчусь и я, как призрак, над тобой» [ПСС: 101].

Послание изначально имело название «Италия». Добавление предлога «к» могло быть указанием на движение, поэт зовет друга в путешествие: «Лети со мной к Италии прелестной...» [ПСС: 101].

Для И.И. Козлова Италия – это «земля любви, гармонии чудесной». Самый романтический город – Венеция – «развенчанная царица волн морских» [ПСС: 101]. С этим городом у Козлова связаны два имени: реальный Байрон и вымышленная Дездемона Шекспира: «Там Байрон пел; там бродит меж гробами / Тень грозная свободы дней былых; / Там в тишине как будто слышны стоны / Пленительной, невинной Дездемоны» [ПСС: 101].

Шестая строфа выбивается из общего гармонического строя стихотворения. Она отсылает читателя к 42-й строфе 4-й песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» (1812-1818) Дж. Байрона и непростым временам, которые пришлось пережить стране за свою историю: «Но вдруг печаль, Италия, стеснила / Души восторг и светлые мечты; / Слезами ты и кровью искупила / Дар пагубный чудесной красоты; / Она к тебе рать буйную манила / Угрюмых гор с туманной высоты; / И враг – твой бич, и гордый избавитель – / Не мирный друг, но хищный притеснитель» [ПСС: 101].

Лишённый зрения, И.И. Козлов чувствует далёкий край каким-то другим, не ведомым обычному человеку образом. Об этом писал в своей статье «О поэзии Козлова» Н.В. Гоголь: «Глядя на радужные цвета и краски, которыми кипят и блещут его роскошные картины природы, тотчас узнаешь с грустью, что они уже утрачены для него навеки: зрящему никогда бы не показались бы они в таком ярком и даже увеличенном блеске...»¹³⁵.

Интересна цветовая палитра стихотворения. Она делится на дневную и ночную. В описании красок дня И.И. Козлов не признаёт полутонов, все цвета насыщены: зелёный мирт, синие небеса, зелёные моря. Ночной пейзаж таинственен: «Луна взошла, а небосклон пылает: / Последнею багряную зарей; / Высокий свод безоблачно сияет, / Весь радужной подернут пеленой; / И яркий луч, сверкая, рассыпает / Блеск розовый над сонною волной; / Но гаснет он под ризою ночною, / Залив горит, осеребрен луною» [ПСС: 101].

¹³⁵Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [Подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 8. Статьи. 1952. С. 154.

В предпоследней строфе И.И. Козлов напрямую обращается к В.А. Жуковскому, используя поэтическое противопоставление севера и юга: «Певец, Орфей полуночной страны!» [ПСС: 101]. Это явное созвучие с пушкинскими строками из поэмы «Руслан и Людмила» (1820), адресованными также В.А. Жуковскому: «Прости мне, Северный Орфей, // Что в повести моей забавной // Теперь вослед тебе лечу...»¹³⁶. Слово «полуночный» употребляется И.И. Козловым в устаревшем значении «северный», как оппозиция слову «полуденный», то есть «южный» (ср.: «Мне видятся полуденные розы...»).

И.И. Козлов обращается к другу-поэту, надеясь на то, что он, вдохновившись историей, природой, культурой этой страны, создаст новые творенья. Он знает, что друг в часы размышлений предаётся «духу пламенных мечтаний», вспоминая о М.А. Протасовой. Именно её он подразумевает под «незабвенной». И.И. Козлов просит В.А. Жуковского передать стране, которую он никогда не сможет увидеть, признание в любви: «Скажи земле певца Ерусалима // Как мной была прекрасная любима!» [ПСС: 101].

Спустя 13 лет, в 1838 г., В.А. Жуковский писал И.И. Козлову: «Подумай, откуда пишу к тебе. Из Венеции! При этом имени перед закрытыми глазами твоими являются Тасс, Бейрон и тысячи гигантских и поэтических теней прошедшего» (Венеция 4(16) ноября <1838>)¹³⁷.

1 января 1832 г. И.И. Козлов адресует В.А. Жуковскому ещё одно стихотворное послание «К Жуковскому», которое можно отнести к молитвенной лирике. В этот день поэт молится о благословении на новый начавшийся год. В стихотворении усилено субъективное начало («И я тревожною душою / Молю...» [ПСС: 218]), т.е. соборное христианское «мы» заменяется на «я» лирического героя. В стихотворении три раза повторяется схема: «Молю..., чтоб». Козлов нарушает канонический строй молитвы и переводит на бытовой уровень молитвенное слово. В первой строфе он просит хранить семью и близких, во

¹³⁶Пушкин А.С. Руслан и Людмила: Поэма, 1817-1820 / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 4, кн. 1. Поэмы, 1817-1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 50.

¹³⁷Жуковский В.А. Письмо И.И. Козлову от 4(16) ноября 1838 г. / В.А. Жуковский // Русский архив. 1867. Кн.1-3, № 1-12. С 838.

второй – просит для себя твердости, утешения в молитве, вдохновения. Третья строфа – это просьба творческих сил Жуковскому. Четвертая строфа – обращение к другу, в котором уже нет того отчаяния, которое слышалось в первом послании. Стихотворение проникнуто тихой радостью, кротостью, надеждой на светлое будущее: «О друг! Прелестен Божий свет / С любовью, дружбою, мечтами; / При тёплой вере горя нет; / Она дружит нас с небесами. / В страданьях, в радостях Он с нами, / Во всём печать Его щедрот: / Благословим же Новый год!» [ПСС: 218].

Проанализировав эти послания, можно увидеть, как много связывало В.А. Жуковского и И.И. Козлова. Их судьбы переплетены как в жизни, так и в творчестве.

Характер сохранившихся писем и записочек В.А. Жуковского к И.И. Козлову свидетельствует о взаимной теплоте, искренности, дружеском расположении. Они имеют весёлый, даже шуточный тон: «Милый, твой "Чернец" совершенство с начала до конца. Кое-где надо кое-что исправить. Мы это сделаем вместе. Этим мы и начнем печатание твоих сочинений. Кончай пока "Невесту" <...>. Весь твой Жуковский»¹³⁸. И.И. Козлов с благодарностью и радостью учился у своего литературного наставника, а В.А. Жуковский ценил поэтическое дарование и открывшийся талант поэта, отмечая, что его произведения «с величайшей верностью выражают правду, состояние души, глубоко страждущей»¹³⁹. Искренний, творческий, увлекательный диалог поэтов можно наблюдать и в «Послании И.И. Козлову» («Меня ты друг предупредил...»), которое В.А. Жуковский адресовал И.И. Козлову предположительно в 1823 г.:

Ты ж, милой мой слепец, терпеньем
 Мне послужиться будь готов:
 Тебе я угрожаю чтеньем
 Своих безжалостных стихов!
 Хочу я с Музою согреться

¹³⁸ Жуковский В.А. Записочки к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 181-182.

¹³⁹ Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. М., 1979. С. 13.

У пламенной души твоей,
 И у тебя легко мне с ней
 До полуночи засидеться¹⁴⁰.

Это шуточное стихотворение – ответ на приглашение прийти в гости. Оно построено на противопоставлении «я – ты». И.И. Козлов в бытовом и творческом восприятии В.А. Жуковского предстает гостеприимным услужливым хозяином. Ключевые слова для понимания отношений двух поэтов: «согреться» и «пламенная душа». Жуковский ценит прежде всего в Козлове его человеческую теплоту и искренность чувств. Интересен романтический образ поэзии, который использует Жуковский: «Приду я с Музой молодой». Образ Музы был важен для поэтики Жуковского. Например, в стихотворении «Я Музу юную бывало...» (1824) он пишет: «Я Музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне...»¹⁴¹.

В то время как в поэтическом наследии Козлова слово «муза» встречается лишь в одном стихотворении «Давно, прелестная графиня...» (1828): «Мне, право, с музами беседы / Труднее, чем для вас победы!» [ПСС: 133].

То есть для Жуковского и Козлова поэтическая Муза – это и «мифологическая персонификация» (Ю.М. Лотман), и творческое воображение, и фантазия. Но поэты по-разному оценивают сам творческий процесс и его результаты.

В дневнике И.И. Козлова В.А. Жуковский упоминается почти в каждой записи. Последний бывал у поэта несколько раз в неделю. Вместе они могли читать, обмениваться мыслями о тех или иных произведениях, обсуждать общие литературные дела. В.А. Жуковский занимался публикацией его стихотворений. Чувствуя приближение своей кончины, И.И. Козлов просит друга издать собрание сочинений. В 1840 г. выходит посмертное издание сочинений поэта,

¹⁴⁰ Жуковский В.А. Стихи, посвящённые И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 196-197.

¹⁴¹ Жуковский В.А. Я Музу юную бывало... / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1. Стихотворения. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. 367.

подготовленное В.А. Жуковским («Собрание стихотворений Ивана Козлова». Чч.1 и 2. Третье издание. СПб., 1840»¹⁴²).

А.Н. Муравьев в своей книге «Знакомство с русскими поэтами» вспоминал один случай: «Помню, какое трогательное слово сказал однажды Жуковский, чтобы утешить болящего: «Ты все жалуешься на свою судьбу, друг мой Иван Иванович; но знаешь ли, что такое судьба? – это исполин, у которого золотая голова, а ноги железные. Если что, по малодушию, пред ним падёт, того он растопчет своими железными ногами; но если что без страха взглянет ему прямо в лицо: того осияет он блеском золотой головы!» Как это глубоко и проникнуто загадочною мудростию Востока! Козлов заплакал и потом переложил слова сии на стихи.»¹⁴³.

В.Г. Белинский писал: «Жуковский был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни <...>. До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографию». В своей знаменитой речи «О дружбе» (1801) В.А. Жуковский отмечал: «Человек без человека был бы самую бедною, беспомощною тварью на свете! <...> Счастлив тот, кто нашел себе друга испытанного, постоянного, кто нашел его тогда, когда он более всего нужен. Не довольно того, чтобы уметь выбирать друга, должно уметь всегда быть ему другом...». Доказательством истинности этого высказывания сможет послужить сердечная дружба двух поэтов-романтиков первой половины XIX века – В.А. Жуковского и И.И. Козлова. В.А. Жуковский был с И.И. Козловым до конца жизни последнего, являясь его главным помощником и утешителем. Оба поэта похоронены рядом в Александро-Невской Лавре.

Значительное влияние В.А. Жуковского на формирование творческой индивидуальности поэта не подвергается ни малейшему сомнению. Он являлся для И.И. Козлова литературным эталоном, его творчество служило для него

¹⁴²Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 441.

¹⁴³Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами / А.Н. Муравьев. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1871. С. 20.

чётким ориентиром и образцом. Проблематика и пафос поэзии, художественные принципы и искания В.А. Жуковского были близки И.И. Козлову. Это коренным образом повлияло на развитие его поэтической практики и формирование мотивно-образного ряда, романтической стилистики. Центральными романтическими образами его поэзии становятся пловец, странник, море, Провидение, челнок, цветок (лилея, роза); ведущими мотивами являются сон и видение, встреча с Богом, мотив памяти, воспоминания и утраченного счастья, мотив дружбы как родства душ и источника вдохновения, мотив спасения челнока от бездны житейских невзгод. И.И. Козлову близка жанровая система В.А. Жуковского: дружеское послание, элегия, баллада. Но он не был подражателем учителя. Например, картина романтического двоемирия, выражающаяся у В.А. Жуковского в формуле «здесь и там», у Козлова прослеживается на уровне «сейчас и тогда» («было и стало») и напрямую связана с его биографией (болезнью). В поэзии И.И. Козлов пытался развить и углубить в индивидуально-своеобразной форме те художественные тенденции, которые заложил в поэзии романтизма его литературный наставник.

Глава 3. Творческая связь И.И. Козлова с А.С. Пушкиным и литераторами Петербурга

Наибольший пик творческой активности И.И. Козлова в общении с писателями-современниками приходится на 1820-е годы. Согласно дневнику, в 1825 г. В.А. Жуковский, А.А. Дельвиг, Н.И. Гнедич, А.И. Тургенев собирались у И.И. Козлова почти ежедневно. Они приходили, чтобы побеседовать, послушать стихи поэта, услышать его мнение о литературных новинках. В круг близких друзей И.И. Козлова входил брат А.С. Пушкина – Лев Сергеевич Пушкин. Его имя часто встречается на страницах дневника, причем без указания фамилии, что подчеркивает их близкое, даже родственное общение. Как друг семьи, Л.С. Пушкин присутствовал на домашнем праздничном чаепитии по случаю годовщины свадьбы Козловых. Во время дружеских встреч они часто декламировали друг другу стихи или отрывки из поэм: Л.С. Пушкин – произведения его старшего брата – А.С. Пушкина, а И.И. Козлов – свои: «Я был у Муравьева. Прелестный вечер. Я читал своего "Чернеца", Лев (Пушкин) – "Цыганы"...» (23 января 1825 г.) [Дневник: 12-13].

Л.С. Пушкин поддерживал И.И. Козлова в сложные жизненные периоды. Поэт чувствовал это и всегда благодарил друга за заботу и участие. Узнав об отъезде Л.С. Пушкина в Грузию, И.И. Козлов на страницах дневника 18 июня 1830 г. признается: «Его мне будет очень недоставать» [Дневник: 16]. Но с какой радостью сделает он 15 января 1833 г. запись в своём дневнике: «Вернулся Лев Пушкин...» [Дневник: 19]. Л.С. Пушкин, несмотря на занятость на службе, всегда пытался найти минутку, чтобы побеседовать с И.И. Козловым. В редких записях 1834 г. имя Льва Пушкина встретится не раз: «Я страдал чрезвычайно <...>. Явился Лев Пушкин (4 февраля 1834 г.)» [Дневник: 20]; «Лев Пушкин часто приходил в эти дни... (1 июня 1834 г.)» [Дневник: 20]. Нельзя не отметить, какая теплота исходит от каждой записи, в которой упоминается имя Л.С. Пушкина. Это является яркой иллюстрацией того обаяния сердечного общения, сложившееся между ними.

Через брата узнавал о делах И.И. Козлова и А.С. Пушкин. Ему было интересно мнение И.И. Козлова о своих произведениях. В письме к Л.С. Пушкину и О.С. Пушкиной от 4 декабря 1824 г. (из Михайловского) он спрашивал: «<Л.С. Пушкину> Что Козлов слепой? Ты читал ему Он<егина>?»¹⁴⁴. П.А. Плетнев в письме А.С. Пушкину от 3 марта 1825 г. сообщал: «Чернец Козлова скоро выйдет...»¹⁴⁵. А.А. Бестужев обрадовал А.С. Пушкина новостью о появлении «Чернеца» в письме от 9 марта 1825 г.: «Скажу только, что Козлов написал Чернеца и говорят недурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзии по нем еще не обносилась...»¹⁴⁶. В следующем письме к Л.С. Пушкину от 25 мая 1825 г., написанном из Михайловского, А.С. Пушкин выразил свое впечатление относительно произведений поэта: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть <...>. Выделка, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы – по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, если успею, пошлю их с этим письмом»¹⁴⁷. П.А. Вяземский по поводу стихов А.С. Пушкина к И.И. Козлову скажет в письме от 7 июня 1825 г.: «Я очень рад твоим стихам Козлову и как стихам и как чувству»¹⁴⁸.

Через брата А.С. Пушкин передаёт поэту адресованное ему послание, о чём И.И. Козлов отметит в своём дневнике: «Лев (Пушкин) принес мне чудное послание ко мне своего брата Александра, что мне доставило чрезвычайное удовольствие (25 мая 1825 г.)» [Дневник: 15].

Это послание было навеяно чтением поэмы «Чернец». А.С. Пушкин спешит поделиться с автором своим восторженным впечатлением и вместе с письмом отправляет ему стихотворение с заглавием «Козлову. По получении от него

¹⁴⁴Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С. и Пушкиной О.С., 4 декабря 1824 г. Михайловское / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 128.

¹⁴⁵Плетнев П.А. Письмо Пушкину А.С., 3 марта 1825 г. Петербург / П.А. Плетнев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 148.

¹⁴⁶Бестужев А.А. Письмо Пушкину А.С., 9 марта 1825 г. Петербург / А.А. Бестужев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 150.

¹⁴⁷Пушкин А.С. Письмо Пушкину Л.С., 25 мая 1825 г. Михайловское / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 174.

¹⁴⁸Вяземский П.А. Письмо Пушкину А.С., 7 июня 1825 г. Остафьево / П.А. Вяземский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 181.

Чернеца» (под текстом указана дата: 15 мая 1825 г. Михайловское-Арапово): «Певец! Когда перед тобой / Во мгле сокрылся мир земной, / Мгновенно твой проснулся Гений...»¹⁴⁹.

А.С. Пушкина обозначает тот важный этап в судьбе И.И. Козлова, когда болезнь поразила его, но взамен пробудила в душе поэтический гений. Он обращается к адресату «певец», а во второй строфе – «О милый брат!»¹⁵⁰, что свидетельствует о теплоте отношения Пушкина к Козлову, которая подтверждалась использованным автором эпитетом «сердечные», местоимениями «тобой», «твой», «ты», «тебе». Услышать такое признание от А.С. Пушкина – высочайшая похвала для И.И. Козлова. Пушкин видит в нём поэта, включает его в поэтическое братство. И.И. Козлов в письме благодарил А.С. Пушкина: «Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустишие 7-го стиха...»¹⁵¹.

А.С. Пушкин характеризует творчество И.И. Козлова как «песни дивные» и «небесное пение»¹⁵². В черновиках А.С. Пушкина третья строка второй строфы имеет иной вид: «Чудесным пением своим...»¹⁵³. Но автор послания эпитет «чудесный» заменяет на «небесный»: именно таким представляется ему поэтический голос И.И. Козлова.

А.С. Пушкин интересным образом строит произведение: с одной стороны, в качестве объекта выступает И.И. Козлов («ты», «перед тобой», «тебе»), с другой стороны – есть ещё один объект – «гений», пробудившийся талант И.И. Козлова, который долго спал, но болезнь и страдания разбудили его. Совершенно

¹⁴⁹Пушкин А.С. Козлову («Певец! Когда перед тобой...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 391.

¹⁵⁰Там же. С. 391

¹⁵¹Козлов И.И. Письмо Пушкину А.С., 31 мая 1825 г. Петербург / И.И. Козлов // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 536.

¹⁵²Пушкин А.С. Козлову («Певец! Когда перед тобой...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 391.

¹⁵³Пушкин А.С. Козлову. Другие редакции и варианты / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 2, кн. 2. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1949. С. 933.

неслучайно А.С. Пушкин восклицает: «Мгновенно твой проснулся гений»¹⁵⁴. Именно этот объект становится ведущим в 4-6 строках первой строфы. О нём автор говорит в третьем лице: «На все минувшее воззрел / И в хоре светлых привидений / Он песни дивные запел...»¹⁵⁵.

В первых двух строфах А.С. Пушкин говорит только об И.И. Козлове. Это связано с тем, что ему важен адресат. Он очень точно понял его: земной мир закрылся для И.И. Козлова, но открылся «новый мир» – мир воображения. В этом мире он не слепец, а зрячий: «Ты в нём и видишь, и летаешь»¹⁵⁶. Автор послания не видит И.И. Козлова слепым: в своем воображении он может попасть в любой уголок земли. А.С. Пушкин понимает, что И.И. Козлов, потеряв возможность видеть внешний мир, обрел иное зрение: «На все минувшее воззрел...»¹⁵⁷. Поэзия открыла для Козлова новый мир, который действует на него живительной силой, пробуждает от тягостного мрачного сна, дарит надежду и веру в светлое, не отягощенное недугом, будущее.

В третьей строфе стихотворения А.С. Пушкин говорит о себе и своем отношении к адресату. Он понимает, что И.И. Козлов делает только первые шаги на литературном поприще. Его необходимо поддержать, тем более, что открывшееся дарование действительно даёт прекрасные плоды. Он испытывает искренний восторг от поэмы «Чернец» и знает, что своей похвалой вызовет радость у ее автора: «А я, коль стих единый мой / Тебе мгновенье дал отрады...»¹⁵⁸.

А.С. Пушкин в последних строках произведения говорит открыто адресату: ему судьбой вверено чувствовать поэтический гений в людях, и он свидетельствует о том, что у Козлова этот дар есть: «Недаром темною стезей / Я

¹⁵⁴Пушкин А.С. Козлову («Певец! Когда перед тобой...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 391.

¹⁵⁵Там же. С. 391.

¹⁵⁶Там же. С. 391.

¹⁵⁷Там же. С. 391.

¹⁵⁸Там же. С. 391.

проходил пустыню мира; / О нет! недаром жизнь и лира / Мне были вверены судьбой!»¹⁵⁹.

31 мая того же года И.И. Козлов отправляет А.С. Пушкину письмо, в котором не только благодарит за адресованное ему послание, но и восхищается его творчеством: «Мой милый Пушкин. Я не в силах выразить вам то необыкновенное удовольствие, которые доставили мне ваши прелестные стихи; это было поистине упоительное мгновение в моей жизни, и я горячо благодарю вас за него... еще раз спасибо, большое спасибо: оно тронуло меня до глубины души!..»¹⁶⁰.

В доме И.И. Козлова часто декламировались стихи или отрывки из поэм А.С. Пушкина, о чём свидетельствуют дневниковые записи поэта-слепца: «Читали "Цыганы" (29 января 1825 г.)» [Дневник: 13]; «Жуковский читал продолжение "Евгения Онегина" (27 апреля 1825 г.)» [Дневник: 14]; «Плетнев мне принес "Годунова" Пушкина (24 декабря 1830 г.)» [Дневник: 17], «Аполлон мне прочел две хорошенькие баллады Мицкевича в переделке Пушкина (3 марта 1834 г.)» [Дневник: 20].

Друзья-поэты знали, как И.И. Козлов ценил и любил Пушкина. А.А. Дельвиг в письме А.С. Пушкину от 10 сентября 1824 г. писал: «Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне»¹⁶¹. П.А. Плетнев в письме А.С. Пушкину от 22 января 1825 г. сообщал: «Козлова завтра увижу и прочитаю твое письмо. Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами...»¹⁶².

¹⁵⁹Пушкин А.С. Козлову («Певец! Когда перед тобой...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 391.

¹⁶⁰Козлов И.И. Письмо Пушкину А.С., 31 мая 1825 г. Петербург / И.И. Козлов // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 536.

¹⁶¹Дельвиг А.А. Письмо Пушкину А.С., 10 сентября 1824 г. Петербург / А.А. Дельвиг // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 108.

¹⁶²Плетнев П.А. Письмо Пушкину А.С., 22 января 1825 г. Петербург / П.А. Плетнев // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 134.

В другом фрагменте письма к А.С. Пушкину И.И. Козлов признается: «Простите, если я позволил себе беседовать с вами как со старым приятелем. Я жажду вашей дружбы, милый Пушкин, и горячо желаю вам счастья...»¹⁶³.

И.И. Козлов, благодарный поэту за оказанное внимание, посвятил ему стихотворение «К морю» (1828), которое вторит пушкинской элегии «К морю» (1824). И.И. Козлов никогда не видел моря, поэтому может представить его только в своём воображении, но он жаждет «постичь <...> всё то, чему нет слов, но что таить нельзя» [ПСС: 135]. Вслед за А.С. Пушкиным поэт противопоставляет лесной среднерусский пейзаж южному – свободной стихии моря. А.С. Пушкин заканчивает свое послание «К морю» образом леса («В леса, в пустыни молчаливы / Перенесу, тобою полн...»¹⁶⁴), а И.И. Козлов начинает с него: «Отрада есть во тме лесов дремучих...» [ПСС: 135]. Он признаётся, что лес милее ему: «Мне ближний мил...» [ПСС: 135]. Но и в морском пейзаже ему видится, что «восторг живет на диких берегах» [ПСС: 135], «гармония слышна в волнах кипучих / И с морем есть беседа на скалах» [ПСС: 135]. Диалог с морем вёл и лирический субъект послания А.С. Пушкина, только отношение к адресату у поэтов разное: для А.С. Пушкина море – это друг («Как друга ропот заунывный...»¹⁶⁵), для И.И. Козлова – это стихия, которая страшит своей невероятной силой: «Бросающий погибель и оковы, / Огонь и смерть из челюсти своей, / Рушитель сил, левиафан дубовый, / Гроза твердынь, народов и царей...» [ПСС: 136].

Море для И.И. Козлова беспредельно, свободно, но губительно. Оно способно поглотить не только человека, но и «несметный флот» [ПСС: 136]. Но несмотря на разрушительную силу, стихия моря все также «млада, чиста / как в первобытный день» [ПСС: 136]. Многие пытались покорить неподвластную стихию («Кто, бранный сам, владеть тобой мечтает» [ПСС: 136]), но никому не

¹⁶³Козлов И.И. Письмо Пушкину А.С., 31 мая 1825 г. Петербург / И.И. Козлов // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 537.

¹⁶⁴Пушкин А.С. К морю: («Прощай, свободная стихия!...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 333.

¹⁶⁵Там же. С. 331.

удавалось это сделать, потому что море – создание Бога, и оно подвластно только ему.

Оба поэта подчёркивают безграничную свободу морской стихии (у Пушкина: «Прощай, свободная стихия!»¹⁶⁶; у Козлова: «Свободно ты...» [ПСС: 136]), непокорённость ни другу, ни врагу (у Пушкина: «как ты, ничем неукротим»¹⁶⁷; у Козлова: «И тот пропал, что б сушу был готов поработить» [ПСС: 136]), губительную силу (у Пушкина: «Но ты выиграл неодолимый, / И стая тонет кораблей»¹⁶⁸; у Козлова: «Несметный флот ничто твоим волнам» [ПСС: 136]) и красоту (у Пушкина: «Ты катишь волны голубые / И блещешь гордою красой...»¹⁶⁹; у Козлова: «чудесен красотой» [ПСС: 136]). Оба поэта называют море океаном, тем самым подчеркивая его безграничность и бездонность (у Пушкина: «Меня б ты вынес, океан...?»¹⁷⁰; у Козлова: «Ты океан <...> / таинственный, бездонный, бесконечный!» [ПСС: 136]).

Тем не менее, в понимании морской стихии И.И. Козлов в большей степени придерживается традиции В.А. Жуковского (элегия «Море», 1822). И у Жуковского, и у Козлова море – создание Бога, которое является Его отражением (у Жуковского: «Ты, небом любуясь, дрожишь за него»¹⁷¹; у Козлова: «Ты зеркалом Всесильному сияешь / Он зрит в тебе при бурях образ свой...» [ПСС: 136]).

Элегия «К морю» А.С. Пушкина – это поэтическое прощание с романтической традицией и юностью, для И.И. Козлова же романтизм будет единственно возможной художественной системой постижения мира и себя в нём.

Для развития поэтического дарования И.И. Козлова, как он сам признавался, личность А.С. Пушкина имела особое значение. Это точно сформулировал в своей статье «О поэзии И.И. Козлова» Н.В. Гоголь: «Козлов

¹⁶⁶Пушкин А.С. К морю: («Прощай, свободная стихия!...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 томах. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 331.

¹⁶⁷Там же. С. 332

¹⁶⁸Там же. С. 331

¹⁶⁹Там же. С. 331

¹⁷⁰Там же. С. 332

¹⁷¹Жуковский В.А. Море («Безмолвное море, лазурное море...») / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1: Стихотворения. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. С. 364.

относится к Пушкину так, как часть к целому. Поэт понимает все достоинство последнего. Оно лестнее жаркой душе его и кадил, и безотчетных хвал. И для кого не блистательна, кому не завидна участь: быть частью необъятного Пушкина!»¹⁷²

Важным и совершенно не случайным является то обстоятельство, что стихотворение «Бейрон», написанное на смерть любимого им английского поэта, И.И. Козлов посвятил А.С. Пушкину. Спустя год после появления произведения он признается в письме от 31 мая 1825 г. А.С. Пушкину: «Когда я собираюсь писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и Вас, и с грехом пополам воображение начинает работать, и я принимаюсь петь»¹⁷³.

По словам литературоведа В.И. Сахарова, в литературном наследии Байрона И.И. Козлов «сумел увидеть за красивой позой искреннее и сильное чувство»¹⁷⁴. И.И. Козлов в дневнике от 31 января 1819 г. после очередного прочтения произведений английского романтика не сможет сдержать чувств и запишет: «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, – я в восхищении от него <...>. Но он уже чересчур мизантроп; я ему пожелал бы только – более религиозных идей, как они необходимы для счастья. Но что за душа, какой поэт, какой восхитительный гений! Это – просто волшебство!» [Дневник: 7]

19 апреля 1824 г. великого английского поэта-романтика Джорджа Байрона не стало. П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу 26 мая 1824 г.: «Какая поэтическая смерть – смерть Байрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской <...>. Вот случай Жуковскому! Если он им не воспользуется, то дело кончено: знать,

¹⁷²Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [Подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. М.; Л., 1952. Т. 8. Статьи. С. 154-155.

¹⁷³Козлов И.И. Письмо Пушкину А.С., 31 мая 1825 г. Петербург / И.И. Козлов // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 536-537.

¹⁷⁴Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. М., 1979. С. 11.

пламенник его погас. Греция древняя, Греция наших дней и Байрон мертвый – это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина»¹⁷⁵. На кончину Байрона отозвался И.И. Козлов. В 1824 г. появляется посвященное А.С. Пушкину стихотворение «Бейрон». Произведению предшествовал эпиграф: «But I have lived and have not lived in vain» («Но что ж? Я жил, и жил не даром») [ПСС: 88] – слова из 137-й строфы 4-й песни поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда».

В стихотворении И.И. Козлов создаёт романтизированный образ Дж. Байрона: вдохновенный певец царских кровей, гордый, красивый юноша высокого сана и со светлой душой. Он подчёркивает его «вольнолюбье», «пламя страстей роковых» и «горделивую душу». Его сердце съедает угрюмая тоска. Байрон не просто поэт, он – певец страданий, любви и буйных страстей. Автор представляет его с «арфой чудесной». Странником он скитается по восточным землям, славит природу и «поёт» «угнетенным свободу». Он уныло смотрит на жизнь, не верит больше надеждам, предаётся тяжёлым думам. Образ Мальвины – «красы молодой» с пленительным взором «сапфирных очей» и золотыми кудрями оживляет героя: «Увядшей расцвел он душою...» [ПСС: 89]. По мнению И.Д. Гликмана, под этим женским именем подразумевается жена Дж. Байрона – Анна Изабелла Милбенк¹⁷⁶. Певец обретает на некоторое время спокойствие и гармонию с любимой женщиной, но вскоре «мгла, как ужасный покров гробовой, / Простёрлась над юной четою» [ПСС: 89]. Предвидя злой рок судьбы, певец снова бросается странствовать. Избежать трагедии не удаётся: чужая «неправда» разрушает союз супругов. Герой понимает, что навеки разлучен с дочерью. Ему остаётся лишь продолжить борьбу «за свободу, за веру, за честь» [ПСС: 90] на земле Древней Эллады. Байрон – не просто певец, он – воин: «И меч обнажился, и арфа звучит. / Пророчица дивной свободы» [ПСС: 91].

¹⁷⁵Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 26 мая 1824 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836 / [Издание графа С.Д. Шереметева; под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова]. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С.48-49.

¹⁷⁶Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 450.

В понимании И.И. Козлова Байрон несчастен: у него нет родины, нет семьи. Для И.И. Козлова мотив силы любви человека к своим близким был важен, он нашел отражение в поэме «Чернец». Но Байрон – не просто поэт, он поэт-воин, поэт-страдалец, который погибает за свободу: «Страдальцу бывшее мечталось: / Что будто он видит родную страну, / И сердце искало и дочь, и жену, – / И в небе с земным не рассталось!» [ПСС: 91]

Для И.И. Козлова фигуры А.С. Пушкина и Дж. Байрона неразрывно связаны: они оба гении, поэты-страдальцы, певцы свободы.

Стихотворение «Бейрон» было оценено современниками. В.А. Жуковский в письме к И.И. Козлову выскажет своё мнение: «Милый друг, твой Бейрон мне очень понравился. Я очень доволен формою, но желал бы в некотором излишки убавить. Об них скажу тебе при свидании»¹⁷⁷. Одобрительный отзыв Жуковского относительно выбранной автором формы можно объяснить тем, что в произведении Козлов передал жанровое своеобразие баллады: стихотворение «Бейрон» написано 3-стопным амфибрахийем в напевной манере повествования; имеет драматический сюжет, рассказывающий о певце-страдальце, лишённом родины и семьи, погибающим на чужой земле; концовка трагична: «навечно смолкли чудесные струны» [ПСС: 91] певца. Под «излишками» В.А. Жуковский подразумевает, по мнению И.Д. Гликмана, «вольнлюбивые мотивы стихотворения»¹⁷⁸. Литературный наставник и друг беспокоился, что издание этого произведения И.И. Козлова будет иметь нежелательные для него последствия в силу усиления цензуры и пристального внимания Николая I к произведениям, в которых проходит революционная тема. Восторженно высказался о стихотворении В.Г. Белинский: «Эта поэма есть апофеоза всей жизни Байрона; в целом она не выдержана, но отличается поэтическими частностями»¹⁷⁹.

¹⁷⁷Жуковский В.А. Записочки к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1886. Кн.1, №2. С. 182.

¹⁷⁸Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 450.

¹⁷⁹Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии 1841-1844 / В.Г. Белинский; [ред. Н.Ф. Бельчиков]. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 77.

Это не единственное обращение И.И. Козлова к творчеству Байрона.

В 1822 г. И.И. Козлов первым переводит стихотворение «Lines written in an album at Malta» («Стихи, писанные в альбом, на Мальте») Байрона под названием «В альбом***» и посвящает его А.А. Воейковой. Позже к нему обратятся П.А. Вяземский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев. В 1827 г. он перевел песни духа в виде тени молодой женщины из 1 акта, 1 сцены поэмы Дж. Байрона «Манфред» и адресовал его князю П.А. Вяземскому.

Уже при жизни А.С. Пушкина И.И. Козлова наряду с Е.А. Боратынским, П.А. Вяземским, А.А. Дельвигом, Н.М. Языковым, В.К. Кюхельбекером относили к поэтам пушкинского круга. Он разделял взгляды А.С. Пушкина на мирозерцание и поэтическое искусство. Для него поэзия – гармония, она врачует душу, лечит ее в минуты печали и скорби. Цель Козлова в поэзии – обрести душевное равновесие, ощутить радость бытия, приблизиться к идеалу, достичь гармонии с миром и собой.

Вопрос о соотношении И.И. Козлова к поэтам пушкинского круга достаточно неоднозначен. И.М. Семенко не включает И.И. Козлова в пушкинскую плеяду, считая его «талантливым популяризатором открытий Жуковского»¹⁸⁰. Не найдем имени Козлова и в книге В.А. Рождественского «В созвездии Пушкина. Книга о русских поэтах»¹⁸¹. Не ставит в один ряд с поэтами пушкинского круга И.И. Козлова и В.И. Коровин в книге «Поэты пушкинской поры», но отмечает, что если следовать хронологическому принципу, то «все стихотворцы, писавшие в 1799-1837 или 1814-1837 годах, получают исконное право именоваться поэтами пушкинской поры»¹⁸².

Иной позиции придерживается Н.И. Якушин, который видит «предельно искреннего И. Козлова»¹⁸³ в пушкинском круге. В.Н. Орлов включает произведения И.И. Козлова в сборник стихотворений поэтов пушкинского круга,

¹⁸⁰Семенко И.М. Поэты пушкинской поры: Батюшков. Жуковский. Денис Давыдов. Вяземский. Кюхельбекер. Языков. Баратынский / И.М. Семенко. М.: Художественная литература, 1970. С. 10.

¹⁸¹Рождественский В.И. В созвездии Пушкина. Книга о русских поэтах / В.И. Рождественский. М.: Современник, 1972. С. 4.

¹⁸²Коровин В.И. Поэты пушкинской поры / В.И. Коровин. Москва: Просвещение, 1980. С. 5.

¹⁸³Якушин Н.И. «Душа в заветной лире...» / Н.И. Якушин // Золотой век поэзии. Поэты пушкинской поры. М.: Астрель: АСТ: Люкс. 2005. С. 11.

но отмечает, что Козлов был «самым талантливым и преданным учеником Жуковского»¹⁸⁴. Этих же взглядов придерживается и Н.Л. Степанов, который говорит о Козлове как о поэте пушкинской плеяды, но отмечает, что он шёл «дорогой, проложенной Жуковским»¹⁸⁵.

Таким образом, можно говорить о причастности И.И. Козлова к поэтам пушкинского круга, так как совпадают хронологические рамки их поэтической деятельности, общие идейно-эстетические принципы, мотивно-образный ряд.

Непосредственное творческое общение состоялось у И.И. Козлова не только с А.С. Пушкиным, но и с поэтами его круга. Он принимает участие в литературных полемиках, старается не отставать от стремительно развивающегося журнального движения 1830-х гг. В 1825 г. он тесно общается с А.А. Дельвигом и печатает свои стихи в альманахе «Северные цветы». Этот альманах литераторы предпочитали многим другим. В нём можно было найти произведения не только любимцев публики, но и совершенно неизвестных авторов. Кроме превосходного внутреннего содержания, альманах привлекал своим оформлением. Он печатался с использованием лучших достижений печатного искусства того времени – с изящной виньеткой С. Галактионова и гравированной картинкой А. Брюллова. Неудивительно, что альманах сразу привлек к себе внимание как читателей, так и авторов. Многие поддержали А.А. Дельвига в его издательском проекте: В.А. Жуковский («Привидение» и «Таинственный посетитель»), А.С. Пушкин («Песнь вещем Олеге», «Демон», «Прозерпина» и отрывки из «Евгения Онегина»), И.А. Крылов (басня «Муха и пчела»), Е.А. Боратынский («Оправдание» и «Сонет»), Д.В. Дашков, П.А. Плетнев, А.А. Воейкова, М.Б. Даргомыжская, В.И. Туманский, Ф.А. Туманский и другие. И.И. Козлов тоже не мог остаться в стороне. Он отправил свои стихотворения для первого выпуска, а затем стал участвовать почти в каждом номере альманаха. В

¹⁸⁴ Орлов В.Н. Поэты пушкинской поры / В.Н. Орлов // Поэты пушкинской поры. Избранные стихотворения; [сост. В.Н. Орлов]. М.; Л.: Государственное издательство детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1949. С. 16-17.

¹⁸⁵ Степанов Н.Л. Лирика пушкинской поры / Н.Л. Степанов // Степанов Н.Л. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1972. С. 11.

«Северных цветах» им были опубликованы переводы произведений не только Джорджа Байрона, но и Торквато Тассо, Чарльза Вольфа, Франсуа Рене де Шатобриана, Томаса Мура, Адама Мицкевича, Жана-Франсуа Дюси, Тересе де Хесус, Уильяма Шекспира, а также оригинальные произведения, посвящённые друзьям: С.Д. Радзивил, Н.И. Гнедичу, А.А. Олениной, П.Ф. Балк-Полеву и др.

Творческое общение И.И. Козлова и А.А. Дельвига переросло в дружеское. А.А. Дельвиг часто навещал И.И. Козлова, о чём свидетельствуют дневниковые записи поэта: «Иша прочел мне Евангелие от Иоанна о слепом, получившем исцеление <...>. Тургенев, Жуковский. Вечером Лев, Дельвиг...» (3 мая 1825 г.)» [Дневник: 14]; «Пришли Дельвиг и Кюхельбекер...» (10 мая 1825 г.)» [Дневник: 15]; «Дельвиг остался обедать... (25 мая 1825 г.)» [Дневник: 15]; «Пушкин, Дельвиг; позже Тургенев (12 июня 1825 г.)» [Дневник: 15]. Больше упоминаний в дневнике И.И. Козлове об А.А. Дельвиге не обнаружено. Также не найдено ни взаимной переписки, ни стихотворных посланий, адресованных А.А. Дельвигу. Их литературный диалог состоялся на страницах «Северных цветов» как автора и его издателя. И.И. Козлов опубликовал в альманахе более тридцати своих стихотворений, участвуя почти в каждом его выпуске. А.А. Дельвиг так отзывался о поэзии И.И. Козлова: «Каждый стих звучит не фистулою, но чистыми, полными тонами, прямо изникающими из прекрасного сердца»¹⁸⁶.

Искренность дружеского отношения И.И. Козлова к А.А. Дельвигу характеризует случай, описанный двоюродным братом А.А. Дельвига, А.И. Дельвигом: «Живя у Дельвига, я довольно часто бывал <...> у поэта-слепца И.И. Козлова, талант которого тогда высоко ценили. Раз Дельвиг поехал к нему на извозничьих дрожках. Сломалась ось. Дельвиг расшиб себе руку и, по причине тучности, долго не мог оправиться. Немедля, по возвращении Дельвига домой, он меня послал к Козлову сказать о случившемся с ним. На слепых глазах Козлова показались слёзы, и он сильно горевал тем более, как он выразился, что это

¹⁸⁶Цит. по: Козлов И.И. Стихотворения/ И.И. Козлов; [сост., вступ. ст. В.И. Сахарова]. М.: Советская Россия, 1979. С. 11.

случилось в то время, как Дельви́г ехал к нему»¹⁸⁷. Этот случай свидетельствует о душевной чуткости И.И. Козлова, его способности чувствовать чужую боль и страдание.

Вместе с А.А. Дельви́гом дом И.И. Козлова часто посещал В.К. Кюхельбекер. И.И. Козлов видел в нём интересную и неординарную личность. В дневниковой записи от 10 мая 1825 г. он дал ему следующую характеристику: «Пришли Дельви́г и Кюхельбекер, этот оригинал («drôle de corps») (10 мая 1825 г.)» [Дневник: 15].

Вечера, на которых присутствовал В.К. Кюхельбекер, всегда проходили весело: друзья любили подтрунивать над ним. Это отметит в своём журнале и И.И. Козлов: «Тургенев, Жуковский, Пушкин (Лев), Дельви́г и Кюхельбекер пили чай. Много смеялись. Дельви́г так уморительно бесил Кюхельбекера. Позже декламировали стихи (12 мая 1825 г.)» [Дневник: 15]. До восстания на Сенатской площади он побывает у И.И. Козлова ещё один раз. «Обедал Кюхельбекер» [Дневник: 15], – запишет в своем дневнике поэт 12 июня 1825 г.

В дневниковой записи В.К. Кюхельбекера от 23 октября 1834 г. тоже можно найти упоминания о Козлове: «Прочел я несколько стихотворений Козлова: его «Молитва» истинно прекрасна и стоит того, чтоб ее вытвердить, по крайней мере, лучшие строфы»¹⁸⁸. 3 марта 1841 г., уже после смерти И.И. Козлова, он оставил комментарии относительно его повести в стихах «Безумная» (1830): «Вчера прочел «Безумную» Козлова <...>. В «Безумной» много хорошего...»¹⁸⁹.

Дружественные связи соединяли И.И. Козлова с ещё одним поэтом пушкинского круга – Е.А. Боратынским. В дневнике И.И. Козлова в записи от 12 июня 1825 г. отмечено: «Обедал Кюхельбекер. Вечером Боратынский, уже офицер...» [Дневник: 15]. Замечание И.И. Козлова по поводу воинского звания справедливо и обозначено неслучайно: Е.А. Боратынский начал свою военную

¹⁸⁷ Дельви́г А.И. Воспоминания. 1820-1870 / А.И. Дельви́г; [ред. и вступ. статья С.Я. Штрайха; предисл. Д.О. Заславского]. М.; Л.: Academia, 1930. С. 110-111.

¹⁸⁸ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи (Литературные памятники) / В.К. Кюхельбекер. Л.: Наука, 1979. С. 337.

¹⁸⁹ Там же. С. 399-400.

карьеру рядовым – подростковая шалость в кадетском корпусе не только привела к исключению из этого учреждения, но и лишила его возможности быть на государственной службе. Ему ничего не оставалось, как записаться рядовым в Егерский полк. Присвоение Е.А. Боратынскому звания унтер-офицера в январе 1820 г. стало целым событием для его товарищей. Во время военной службы он обрёл много друзей. Среди них – А.Н. Креницын, который познакомил его с А.А. Дельвигом. Вероятно, что через А.А. Дельвига произошло знакомство Е.А. Боратынского и И.И. Козлова.

Сохранилось письмо И.И. Козлова к Е.А. Боратынскому, в котором отражен характер дружественной связи поэтов: «Извините, любезный и милый Боратынский, что я так долго не отвечал вам – другу, столь же драгоценному для меня, что и самое чувство дружбы, без которого не может обойтись сердце...»¹⁹⁰. В письме И.И. Козлов признаётся адресату, что искренне восхищён его произведениями и надеется, что у них будет возможность почитать друг другу собственные сочинения: «Вы прочтете мне вашу «Эду», я вам моего «Чернеца», – какое наслаждение!.. Пишите ко мне, любите меня и приезжайте к нам...»¹⁹¹.

В дружеский круг поэта входил Д.В. Веневитинов. С ним И.И. Козлова познакомила З.А. Волконская, о чём сообщает сам поэт в письме княгине от 25 ноября 1826 г.: «Я должен также поблагодарить Вас за приятное знакомство с господином Веневитиновым...»¹⁹². Здесь же поэт даёт ему характеристику: «Он очень умён, обладает обширными знаниями, и при этом у него добрая и прекрасная душа»¹⁹³. Благодаря письму, становится понятным, что поэтов-романтиков связал не только общий друг – З.А. Волконская, но и общность литературных интересов. Козлов пишет: «Он передал мне Вашу Жанну Д'арк, и, поверьте, Вы станете для нас обоих неиссякаемой темой интересных бесед»¹⁹⁴. Очевидно, что Волконская намеренно передала адресованный Козлову экземпляр

¹⁹⁰Козлов И.И. Письмо к Е.А. Боратынскому / И.И. Козлов // Петербургский вестник. 1861. №14. С. 310.

¹⁹¹Там же. С. 311.

¹⁹²Козлов И.И. Письмо к З.А. Волконской / И.И. Козлов // Б.А. Аратюнова-Манусевич Жизнь в письмах. СПб: Русская культура, 2017. С. 62.

¹⁹³Там же. С. 62.

¹⁹⁴Там же. С. 62.

своей книги через Веневитинова, предугадав, что их знакомство перерастёт в интересное творческое общение и дружбу. Известно, что Д.В. Веневитинов написал отзыв на перевод И.И. Козловым «Невесты Абидосской» Дж. Байрона, в котором выделил его положительные стороны: «В переводе И.И. Козлова есть места прекрасные, стихи пресчастливые»¹⁹⁵, но не смог не отметить, что его перевод далёк от оригинала: «Козлов доказал нам, что он постигает красоты поэта английского, но мы уверены, что он чувствует зрелее нас, сколько перевод его отстаёт от произведения Байрона»¹⁹⁶. Тем не менее, Веневитинов хвалит автора за «чувство изящного, рвение к литературе отечественной и трудолюбие»¹⁹⁷. О написанной рецензии на труд И.И. Козлова Д.В. Веневитинов скажет в письме М.П. Погодину от 17 ноября 1826 г.: «Я Рожалину писал про Козлова <...>. «Абидосской невесты» разбор сделан...»¹⁹⁸. После знакомства общение Д.В. Веневитинова и И.И. Козлова становится насыщенным и творческим. Уже в письме к С.В. Веневитиновой от 18 ноября 1826 г. он сообщит о намерении посетить Козлова или Дельвига: «Вечер проведу или у Козлова, или у Дельвига»¹⁹⁹. В переписке Д.В. Веневитинова и М.П. Погодина имя Козлова встречается довольно часто. 12 декабря 1826 г. Д.В. Веневитинов пишет М.П. Погодину письмо, в котором рассказывает о своём визите к Козлову, о том, как просил его «украсить своими стихами первые номера «Вестника»²⁰⁰. М.П. Погодин и Д.В. Веневитинов уговаривали И.И. Козлова публиковать стихи на страницах только что образовавшегося «Московского Вестника». Поэт дал своё согласие. В том же письме Д.В. Веневитинов сообщает: «Он обещал мне стихи, как автор, который не продаёт их, но слышит с удовольствием об нашем предприятии, и сам вменяет себе в честь участвовать в таком деле, в котором

¹⁹⁵Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д.В. Веневитинов. М.: Наука, 1980. С. 247.

¹⁹⁶Там же. С. 247.

¹⁹⁷Там же. С. 247.

¹⁹⁸Веневитинов Д.В. Письмо к М.П. Погодину, 17 ноября 1826 г. Петербург / Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 365.

¹⁹⁹Веневитинов Д.В. Письмо к С.В. Веневитиновой, 18 ноября 1826 г. Петербург / Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 366.

²⁰⁰Веневитинов Д.В. Письмо к М.П. Погодину, 14 декабря 1826 г. / Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 369.

участвует Пушкин и другие литераторы»²⁰¹. В письме М.П. Погодину от 19 декабря 1826 г. Д.В. Веневитинов комментирует отрывки из поэмы «Княгиня Долгорукая» И.И. Козлова: «Письмо твоё отдам завтра Козлову. Отрывки из кн. Долгорукой ещё не так хорошо отделаны. Но теперь наши тревоги кончились»²⁰². В переписке М.П. Погодина и В.Ф. Одоевского отражено тесное литературное общение Д.В. Веневитинова и И.И. Козлова: «Скажите, прошу вас, Дмитрию Веневитинову, чтоб он извинил меня, как умеет, перед Козловым в поздней присылке журнала [«Московский вестник»]»²⁰³.

Литературный и дружеский диалог поэтов-романтиков прервала внезапная ранняя кончина Д.В. Веневитинова. В письме к А.И. Тургеневу от 2 мая 1827 г. И.И. Козлов рассказал другу историю с перстнем-талисманом, который Веневитинов обещал надеть на свадьбу или перед смертью, описал последние часы его жизни: «Хомяков, который это знал, одел ему кольцо на палец, когда он был уже в агонии. В тот момент, когда он пришел в себя, он почувствовал перстень и спросил: «Разве я женюсь?». «Нет», – отвечал торжественно Хомяков. Тогда он залился слезами и умер спустя несколько часов»²⁰⁴. После смерти Д.В. Веневитинова литературный диалог И.И. Козлова продолжился с его братом, сенатором А.В. Веневитиновым. Его имя часто встречается на страницах дневника поэта. В записи от 26 января 1832 г. он отмечает: «Я прочел А.В. Веневитинову мое послание к Вальтеру Скотту» [Дневник: 18]. 19 февраля 1835 г. в дневнике отмечено, как Веневитинов читает Козлову идиллию «Больной юноша» А. Шенье: «Веневитинов прочел *Le malade d'Audré Chenier*, чудный *chef d'oeuvre*» [Дневник: 20] («Больного юношу» А. Шенье, чудный шедевр). Общение И.И. Козлова с братьями Веневитиновыми носило литературный характер, он видел в них интересных собеседников и творческих личностей.

²⁰¹Веневитинов Д.В. Письмо к М.П. Погодину, 14 декабря 1826 г. / Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 369.

²⁰²Веневитинов Д.В. Письмо к М.П. Погодину, 19 декабря 1826 г. Петербург / Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 377.

²⁰³Погодин М.П. Письмо к В.Ф. Одоевскому, 2 марта 1827 г. Из переписки кн. В.Ф. Одоевского / М.П. Погодин // Русская старина. 1904. № 3. С. 706.

²⁰⁴Козлов И.И. Письмо к А.И. Тургеневу / И.И. Козлов // Русская старина. 1875. № 12. С. 748-749.

Особое место занимал в жизни И.И. Козлова и П.А. Вяземский. Будучи близким другом братьев Тургеневых и А.С. Пушкина, П.А. Вяземский входил в ближний круг И.И. Козлова. Первое упоминание о нём в дневнике поэта-слепца относится к 6 августа 1830 г.: «Милый кн. Вяземский пришел провести со мной часок перед отъездом в Москву» [Дневник: 16], однако их знакомство следует отнести к более раннему времени. Так, уже 27 октября 1821 г. П.А. Вяземский, получив от А.И. Тургенева стихотворение «Светлана», посвящённое А.А. Воейковой, ответил ему: «Стихи Козлова прелестны; много чувства и живости в выражении»²⁰⁵. Со вниманием относился он и к переводам поэта. В письме от 17 марта 1825 г. к тому же А.И. Тургеневу он писал: «Сейчас нашел балладу «Разбойник» и отдал в "Телеграф"»²⁰⁶.

П.А. Вяземский интересовался творчеством И.И. Козлова. Он объяснял пробуждение в нём поэта следующим обстоятельством: «Отчужденный утратами физическими от земной жизни, ожил с лихвою в другом мире»²⁰⁷. В свою очередь, И.И. Козлов очень ценил дружбу с П.А. Вяземским, с уважением относился к его критическим замечаниям. П.А. Вяземский написал лично И.И. Козлову относительно его перевода 1-15 строфы 1-ой песни из поэмы Дж. Байрона «Лара» (у Козлова стихотворение опубликовано с заглавием «Ночь в замке Лары»): «С большим удовольствием читал я ваши опыты перевода Лары и просил бы вас очень продолжать»²⁰⁸.

Дружеское отношение И.И. Козлова к П.А. Вяземскому отражено в дневнике: «Потом был дорогой кн. Вяземский, милейший поэт (5 января 1832 г.)» [Дневник: 17]. П.А. Вяземский всячески поддерживал И.И. Козлова. Узнавая об ухудшении его здоровья, он находил возможность навестить его, утешить словом, отвлечь дружеской беседой: «Кн. Вяземский пришел навестить меня. Я страдал, был грустен и взволнован (5 апреля 1837 г.)» [Дневник: 24].

²⁰⁵Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 27 октября 1821 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823. СПб, 1899. С. 221.

²⁰⁶Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 17 марта 1825 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб, 1899. С. 106.

²⁰⁷Цит. по: Козлов И.И. Стихотворения/ И.И. Козлов; [сост., вступ. ст. В.И. Сахарова]. М., 1979. С. 10.

²⁰⁸Вяземский П.А. Письмо к И.И. Козлову / П.А. Вяземский // Русский архив. 1886. Кн.1, №2. С. 186.

О тесном общении И.И. Козлова и П.А. Вяземского свидетельствует и тот факт, что сыновья поэтов также дружили: «Молодой Вяземский пришел вместе с сыном моим, – он мне кажется славным малым (bonenfant), веселым и очень остроумным...» [Дневник: 25]. Оба поэта относились друг к другу с сердечным участием. В одном из своих писем к поэту П.А. Вяземский признался: «Я крайне тронут вашим любезным вниманием. Желания ваши, внушенные дружбой, принесут мне, надеюсь, счастье и, во всяком случае, драгоценны для меня...»²⁰⁹. Он видел в И.И. Козлове незаурядный поэтический талант и с нетерпением ждал выхода в свет новых его произведений: «Но кого я жду с особенным нетерпением, так это вашу «Княгиню». Все что я об ней слышал располагает меня к ней крайне сочувственно. Понимаю вполне, с каким вы удовольствием познакомились с Пушкиным и компанией, т.е. Евгением Онегиным и Борисом Годуновым: это называется быть в хорошем обществе, и Княгиня ваша конечно не обойдется без кокетства в своих сношениях с этими господами...»²¹⁰. В письме П.А. Вяземский ставит И.И. Козлова в один ряд с А.С. Пушкиным.

Под воздействием П.А. Вяземского И.И. Козлов обратился и к творчеству Адама Мицкевича. Книга «Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова» была издана в 1829 г. в Санкт-Петербурге. П.А. Вяземский высоко оценил перевод еще до публикации книги и обещал написать вступительную статью. В его письме к И.И. Козлову от 2 января 1828 г. можно найти следующую запись: «Виноват, виноват я перед вами, любезнейший Иван Иванович, непростительно виноват, но не бессовестно, потому что совесть меня тревожит <...>. До сей поры не написал я предисловной статьи к вашему переводу сонетов Мицкевича <...>. Между тем, чтобы доказать вам, что ваши сонеты у меня на сердце, скажу, что читал их недавно на академическом обеде у княгини Зенеиды, которая слушала их с большим удовольствием, и сама вам то повторит скоро, потому что собирается ехать в Петербург»²¹¹.

²⁰⁹Вяземский П.А. Письмо к И.И. Козлову / П.А. Вяземский // Русский архив. 1886. Кн.1, №2. С. 186.

²¹⁰Там же. С. 186.

²¹¹Там же. С. 183.

М.Б. Айзенштадт и В.Б. Айзенштадт в своём труде «У поэта Козлова – в поисках забытого адреса» отмечают, что в апреле 1828 г. П.А. Вяземский пришёл к И.И. Козлову вместе с Адамом Мицкевичем, чтобы познакомить польского поэта с переводом «Крымских сонетов». Исследователи отмечают, что через несколько дней после их встречи «Мицкевич прислал Козлову рукопись стихотворной легенды «Фарис» с подзаголовком «Касыда, сочиненная в честь эмира Тадж-Уль-Фехра, посвященная Ивану Козлову» — легенды в честь Вацлава Жевуского, несколько лет жившего среди бедуинов. Через год перед тем, как навсегда покинуть Россию, Мицкевич провел прощальный вечер у Козлова»²¹².

Обещание своё П.А. Вяземский сдержал, и в 1829 г. появилось предисловие к отдельному изданию «Крымских сонетов». В нём о переводе И.И. Козлова говорилось: «Можно только надеяться, что любители русской поэзии примут с новым удовольствием и с новою признательностию дар любезного им поэта, а знатоки искусства оценят с должною справедливостью побеждение трудностей, которые предстояли русскому переводчику в состязании с поэтом смелым, сжатым и своенравным, каков г-н Мицкевич, а особливо в своих «Крымских сонетах»²¹³. На этом творческий диалог П.А. Вяземского и И.И. Козлова не завершился. В 1832 г. И.И. Козлов подготовил достаточно успешный перевод трагедии «Giovanni di Procida» итальянского драматурга Джованни-Батиста Никколини, который отправил ему П.А. Вяземский, прекрасно знавший интересы, стиль и предпочтения И.И. Козлова, понимавший, что может вдохновить поэта. Козлов всегда с радостью и воодушевлением отзывался на все творческие и литературные задумки друга Вяземского.

В дневнике И.И. Козлова встречаются записи о знакомстве его с П.А. Плетневым. Первая запись относится к 17 января 1825 г.: «Я остался один нарочно у Плетнева. Там были Сабуров, Дельвиг, Лев (т.е. Пушкин), Гнедич и я. Мы пили чай, беседовали и ужинали» [Дневник: 12]. В.А. Жуковский,

²¹²Айзенштадт М.Б, Айзенштадт В.Б. У поэта Козлова – в поисках забытого адреса / М.Б. Айзенштадт, В.Б. Айзенштадт // Нева, 2005. № 8. С. 229-232.

²¹³Цит по: Козлов И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Козлов; [вступительная статья и комментарий к полному собранию сочинений И.Д. Гликмана]. Л., 1960. С. 461.

А.А. Перовский, П.А. Плетнев, А.А. Дельвиг, Н.И. Гнедич, Л.С. Пушкин составляли круг людей, которые почти еженедельно в течение 1825 г. собирались в доме И.И. Козлова, чтобы прочесть стихи свои и чужие, обсудить литературные новинки и просто провести вечер за тёплой дружеской беседой: «Мой брат и Плетнев зашли на минуту... (30 января 1825 г.)» [Дневник: 13]; «Плетнев мне прочел всего моего «Чернеца»... (7 мая 1825 г.)» [Дневник: 14]; «Плетнев мне принес «Годунова» Пушкина (24 декабря 1830 г.)» [Дневник: 17].

В 1825 г. И.И. Козлов посвятил П.А. Плетневу удивительно мелодическое стихотворение «Венецианская ночь». Сам поэт определил его жанр как фантазия. Стихотворение появилось на страницах журнала «Полярная звезда» в 1825 г. и сразу полюбилось читателям. Необыкновенную музыкальность и лиричность стихов сразу же отметили современники. А.С. Пушкин в письме от 19 июля 1825 г. напишет П.А. Плетневу: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поёт его Венецианскую ночь на голос гондольерского речитатива – я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее – но пусть вообразит себе красоту и задумчивость – по крайней мере дай Бог ему ее слышать!»²¹⁴. Письмо это написано было в присутствии А.П. Керн, о чём П.А. Плетневу сообщит А.С. Пушкин в следующем абзаце на французском языке. Именно её подразумевал поэт под «одной прелестью»: А.П. Керн в 1825 г. в Тригорском спела «Венецианскую ночь» И.И. Козлова, произведя на публику сильное впечатление. М.И. Глинка вспоминал об этом: «Тою же весною, один знакомый Собачевского сообщил мне в Милане слова двух романсов: Победитель Жуковского и Венецианскую ночь Козлова; я тогда же написал их»²¹⁵. В 1832 г. композитор, находясь в Венеции, создал романс «Венецианская ночь», положив на музыку первые три строфы стихотворения.

²¹⁴Пушкин А.С. Письмо Плетневу П.А. / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815-1827. М.; Л., 1937. С. 189, 538.

²¹⁵Глинка М.И. Записки / М.И. Глинка. М.; Л.: Academia, 1930. С. 12.

Стихотворение состоит из 12 октав, все строфы имеют одну рифмовку (абабвгвг). Такая форма обусловлена подражанием поэме «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо. Итальянский поэт упоминается и в самом тексте: «И вдали напев Торквата // Гармонических октав», «Лишь Торкватовы октавы раздаются вдалеке» [ПСС: 92-93]. У И.И. Козлова получилась настоящая баркарола – песня рыбаков, а также венецианских гондольеров, которые часто пели строфы из поэмы Тассо.

Главное для восприятия этого стихотворения – его ритм. Оно написано 4-х стопным хореем, почти в каждом стихе выпадает пиррихий, а в 4-ом и 8-ом – по два пиррихия. Ритмический рисунок передает ощущение плавного покачивания на волнах.

Композиционно стихотворение состоит из двух частей: первая (1-3 строфы) – это венецианский пейзаж, в центре которого река Brenta; вторая (4-12 строфы) – посвящена памяти Байрона и его возлюбленной Терезе Гвиччиоли. Воображение Козлова рисует Brentu и Венецию, которых он никогда не видел. Автор придумывает фантастическую встречу погибшего Байрона с его возлюбленной.

Вторая строфа – это пейзажная зарисовка, созданная с помощью однородных подлежащих: «свод», «ропот», «шепот», «напев», «упоенье». В какой-то степени И.И. Козлов предвосхитил импрессионистов: «Свод лазурный, томный ропот / Чуть дробимыя волны, / Померанцев, миртов шепот / И любовный свет луны, / Упоенья аромата / И цветов и свежих трав, / И вдали напев Торквата / Гармонических октав...» [ПСС: 92].

В центре – образ реки Brentы, точнее ее плавного неторопливого течения, она связывает обе части стихотворения. В русской поэзии Brentу воспел А.С. Пушкин. В «Евгении Онегине» он пишет: «Адриатические волны, / О Brentа! нет, увижу вас / И, вдохновенья снова полный, / Услышу ваш волшебный глас!»²¹⁶.

²¹⁶Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. Евгений Онегин, 1937. М.; Л., 1937. С. 25.

Байрон предстает тенью, сидящей в челноке. Он – поэт-воин: рядом с ним лежит золотая арфа и меч. Его возлюбленная – «младая красавица», мечтающая о встрече со своим возлюбленным.

С.В. Гузина отмечает, что в этом произведении И.И. Козлова перед читателями «предстает картина, затрагивающая практически все органы чувств человека и рождающая переживание постижения тайны жизни как таковой в ее цельности...»²¹⁷.

Стихотворение «Венецианская ночь» принесло его автору славу и всенародную любовь. На страницах «Московского телеграфа» оно было названо «живописью в звуках»²¹⁸, а В.Г. Белинский скажет о нём: «Какая роскошная фантазия! Какие гармонические стихи! Что за чудный колорит, полупрозрачный, фантастический!»²¹⁹. Произведение было по достоинству оценено не только современниками, но и потомками. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона его отметят, как лучшее в поэтическом наследии автора.

В 1825 г. в журнале «Северные цветы» А.А. Дельви́г опубликовал стихотворное послание П.А. Плетнева «К И.И. Козлову», написанное им ранее, в 1824 г.²²⁰ В нём поднимается тема человеческих желаний и последствий от кратковременных земных наслаждений, беззаботности жизни и ропота во время испытаний:

Невольники своих страстей,
Отдавшись прихотям желаний,
Не видим мы спокойных дней
Средь наслаждений и страданий²²¹.

Это горькое философское размышление о жизненном тупике, в котором оказалось поколение, к которому относится и П.А. Плетнев, и И.И. Козлов. Стихотворение строится на антитезе: наслаждения и страдания, попутный ветер и

²¹⁷Гузина С.В. Ценностные ориентиры художественного мира И.И. Козлова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Гузина. М., 2013. С. 86-87.

²¹⁸Полевой Н.А. Стихотворения Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. 1828. № 24. С. 481.

²¹⁹Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии 1841-1844 / В.Г. Белинский. М., 1954. С. 73-74.

²²⁰Плетнев П.А. К И.И. Козлову / П.А. Плетнев // Северный цветы. 1825. С. 339.

²²¹Там же. С 339.

буря, душа и чувства (Плетнев имеет в виду страсти). Лирический субъект стихотворения – «мы», поколение, которое стало невольником своих страстей, жизнь которого проходит между наслаждением и страданием. Поколение, которое оказалось духовно беспомощным перед бурей жизни:

Когда попутный ветер нам
 На море жизни в парус дует:
 Мы быстро мчимся по водам:
 Нас нетерпение волнует.

Застигла ль буря на пути:
 Наш ропот к небесам восходит:
 Бессильны мы беды нести;
 Везде дух немощи нас водит²²².

Трудности на жизненном пути вызывают ропот и бессилие. У поколения нет цели, нет покоя. Причина в том, что оно утратило в себе искренность, душу, потеряло связь с Богом. Это история потерянного поколения, которое бродит в темноте без проводника. Вместо голоса Бога звучат призрачные голоса мифических сирен, завлекающих их к гибели:

Вся жизнь смущение надежд:
 Мы то страшимся, то желаем,
 И мы на миг усталых вежд
 Во сне беспечном не смыкаем.

Но где ж душа, покоя страж,
 Залог любви обетованной
 И проводник незримый наш
 В пути до пристани желанной?

²²²Плетнев П.А. К И.И. Козлову / П.А. Плетнев // Северный цветы. 1825. С. 340.

Увы, ея не внятен глас!
 Мы внемлем голосу измены:
 И обаяли чувства нас,
 Как баснословныя Сирены...²²³

Возможно, что посвящение этого стихотворения слепому поэту обусловлено тем, что П.А. Плетнев восхищается личностью Козлова, который не сломался под натиском жизненной бури и нашел в себе силы жить, творить, благодарить Бога.

П.А. Плетнев высоко ценил творчество И.И. Козлова. Комментируя один из выпусков журнала «Северные цветы» 1825 г., в котором поэт часто публиковался, он дал такую характеристику его произведениям: «Стихотворения И.И. Козлова, отличающиеся прелестью поэтических движений и благозвучного языка, <...> украшают этот альманах»²²⁴.

Сложно установить, когда произошло знакомство и дружеское сближение И.И. Козлова с Александром и Николаем Тургеневыми, однако сохранившиеся дневниковые записи свидетельствуют, что к моменту болезни поэта его и братьев Тургеневых уже связывала крепкая дружба. С первых страниц дневника И.И. Козлова известно, что Тургеневы были частыми гостями его дома. Первые сохранившиеся записи датируются апрелем 1818 года, и уже в записи от 26 июня отмечено посещение поэта А.И. Тургеневым, «которому Козлов был чрезвычайно рад» [Дневник: 6].

Имя А.И. Тургенева в дневнике И.И. Козлова встречается 8 раз. Ещё 8 раз упоминается в дневнике просто фамилия «Тургенев». Скорее всего, речь идёт именно об Александре Ивановиче. «Пришел чай пить», «Разбудил посылкой...», «Сообщил подробности дуэли...» – всё это было свойственно характеру А.И. Тургенева, внимательного до деталей, чувствительного, преданного, что нередко подчёркивал в своих записях И.И. Козлов: «Я был разбужен посылкой от

²²³Плетнев П.А. «Невольники своих страстей...» / П.А. Плетнёв // Северный цветы. 1825. С. 340.

²²⁴Плетнев П.А. Сочинения и переписка в 3 т. [изд. – снабдил предисл. Я. Грот] / П.А. Плетнев. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1985. Т. 1. С. 212.

Тургенева: письмо Жуковского к Лонгинову на мой счет меня чрезвычайно тронуло; я сохраню навсегда память о нем (2 сентября 1819 г.)» [Дневник: 8]. 26 апреля 1825 г. – важное событие в семье И.И. Козлова – годовщина свадьбы. Среди гостей упоминается и близкий друг – А.И. Тургенев: «День моей свадьбы. Иша и Алинька читали мне Евангелие. Жуковский, Ал. Перовский, Плетнев, Лев (Пушкин), Алекс. Тургенев пришли к чаю» [Дневник: 14]. Через некоторое время вновь встречаются записи о посещении А.И. Тургенева: 7 мая 1819 г.: «Были Алекс. и Сергей Тургеневы, Жуковский и г-жа Вейдемейер, и Ал. Перовский» [Дневник: 14]; 12 июня 1819 г.: «Пушкин, Дельвиг; позже Тургенев» [Дневник: 15]. Затем дневник обрывается и восстанавливается лишь в 1830 г. В записи от 6 августа 1830 г. сообщается о письме А.И. Тургенева к И.И. Козлову: «Жуковский читал мне письмо Тургенева (А.И.) ...» [Дневник: 16]. А.И. Тургенев в это время находился за границей. В 1824 г. он был отстранён от занимаемой должности в Департаменте духовных дел: либерализм его брата, Н.И. Тургенева, не мог не положить тень и на А.И. Тургенева. Полуопальный, он был вынужден покинуть Россию и уехать в Европу, где прожил несколько лет. На протяжении всего этого времени между друзьями поддерживали активную переписку, что видно из личных записей поэта: 22 декабря 1835 г.: «Дочь моя прочла мне письмо Алекс. Тургенева, полное интереса <...>. Вечером сын мой читал мне ещё письма Тургенева чрезвычайно интересные» [Дневник: 21].

О возвращении А.И. Тургенева известно из дневника И.И. Козлова от 3 января 1837 г.: «Приехал милый Александр Тургенев, этот старый истинный друг, всегда верный, преданная душа, ум пленительный, полный литературных интересов» [Дневник: 23]. Запись свидетельствует, насколько рад поэт приезду А.И. Тургенева, как ценит и уважает его, показывает, какую важную роль он играет в его жизни.

Вернувшись в Петербург, А.И. Тургенев часто бывает в доме И.И. Козлова. Его посещения отмечены в дневнике поэта, кратко обозначены и темы их бесед: 12 января 1837 г.: «Позже прибыл милый Тургенев – беседовал о весьма интересных предметах» [Дневник: 23]; 30 января 1837 г.: «А. Тургенев мне

сообщил интересные подробности о дуэли, – это поистине злосчастное, роковое событие» [Дневник: 23]; 11 февраля 1837 г.: «Нельзя быть добрее и участливее Алекс. Тургенева: он мне сделал так много одолжений; потом читал мне чудные стихи Лермонтова на смерть Пушкина...» [Дневник: 23]; 27 декабря 1839 г.: «Тургенев приехал и был так добр, что сам поехал к Гаевскому» [Дневник: 31]; 28 декабря 1839 г.: «Тургенев, ездивший вчера вечером за Гаевским, приехал и сегодня» [Дневник: 31].

А.И. Тургенев – один из первых и самых популярных адресатов поэтических посланий И.И. Козлова. Поэту было важно делиться с другом всем тем, что происходило в его душе. Он посвятил А.И. Тургеневу четыре стихотворения: два оригинальных («К А.И. Тургеневу» (1821), «К А.И. Тургеневу» (1832) и два переводных («Ночь на реке (Из Ламартина» (1821), «Разорение Рима и распространение христианства» (1826).

Первое послание «К А.И. Тургеневу» (1821) – стихотворение-шутка, в котором И.И. Козлов сам признаётся в том, что друг в шуточной форме оценил стихи, посвящённые ему. Речь идёт о переводе И.И. Козловым стихотворения Ламартина «Ночь на реке» (1821). Но автор признаётся, что эти стихи идут от сердца. В послании он противопоставляет свои «вздорные мечты» его серьёзным делам в Совете. Для него важна не оценка его стихов, а то, что А.И. Тургенев, несмотря ни на какие обстоятельства, не перестаёт оставаться его другом: «Стихи мои хоть в печь бросай, / Но другом будь поэта» [ПСС: 57].

Второе послание к А.И. Тургеневу – это гимн дружбе. Дружба для И.И. Козлова – это награда, которую «благословляет сам Бог» [ПСС: 199]. Главную её ценность поэт видит в том, «чтоб в доле роковой / Сердца не вовсе унывали, / Чтоб мы сквозь слёзы уповали» [ПСС: 199]. В этих строчках поэт отмечает заслугу его друзей, не давших ему предаться унынию в трудное для него время.

В произведении звучит мотив разлуки: И.И. Козлов грустит, что у него нет возможности беседовать с другом. Несмотря на разлуку с А.И. Тургеневым («Когда же, скоро ль, друг далекой, / В родимый край примчишься ты?» [ПСС:

199]), поэт счастлив, что он есть в его жизни. В произведении звучит мотив полёта мыслей и воображения: И.И. Козлов способен в своих мечтах перенестись в чужие края, чтобы встретиться с «родной душой». Для него А.И. Тургенев – «бесценный друг и гость любимый» [ПСС: 200], родной и близкий человек.

Для И.И. Козлова полнота жизни – это дружеское общение. Ему важно, чтобы все, кто ему важен и дорог, собрались вместе («Родными окружен сердцами» [ПСС: 200]): А.И. Тургенев, В.А. Жуковский («И наш Жуковский будет с нами» [ПСС: 200]). Он мечтает, чтобы дружеский круг посетил и человек, которого уже нет рядом, но «тень святая» [ПСС: 200] которого всегда вместе с ними. И.Д. Гликман делает предположение, что речь идёт о Н.М. Карамзине²²⁵, но более вероятно, что здесь подразумевается А.А. Воейкова (стихотворение написано в 1832 г., А.А. Воейкова скончалась в 1829 г.). Она ассоциировалась с образом ангела-утешителя, её, вероятно, поэт называет «тенью святой» [ПСС: 200]). Кроме этого, И.И. Козлов знал о чувствах, которые испытывал А.И. Тургенев к А.А. Воейковой, был уверен, что другу будет приятно услышать о ней в стихотворении.

И.И. Козлов понимает, что рано или поздно наступит время, когда он и его друзья будут «жизнью жить одною» [ПСС: 200]. Тем не менее, ему хочется при жизни все чаще испытывать минуты, проведённые в кругу родных душ. Для поэта – это мечта, и он верит, что никакие обстоятельства не станут помехой для её воплощения.

В последних строках звучит мотив быстротечности времени: «Летучим прахом дни несутся» [ПСС: 200]. Не зная, каким будет завтрашний день, Козлов просит Тургенева вернуться: «Кто знает, новою зарей / Что будет с нами и с тобой?» [ПСС: 200]. В качестве назидания он приводит библейскую притчу об аравитянах, вернувшихся на родину с «ключом и пальмой вековой» [200], но не нашедшего «прежних <...> друзей» [ПСС: 200].

²²⁵Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 468.

Это послание А.И. Тургеневу стало настоящим гимном дружбе, в котором отчетливо даётся представление о том, что для И.И. Козлова дружба – это, прежде всего, родство душевное («Родными окружен сердцами» [ПСС: 200]).

В поэтическом наследии И.И. Козлова есть переводные стихотворения, посвящённые А.И. Тургеневу: перевод стихотворения Ламартина «Le lac» (1821) – «Ночь на реке» (1821), и «Разорение Рима и распространение христианства» (1826) (за основу стихотворения положены «Исторические этюды, или Рассуждения о падении Римской империи» Ф. Шатобриана).

Переводу И.И. Козлова стихотворения Альфонса де Ламартина «Le Lac» («Озеро») из сборника «Méditations poétiques» («Поэтические медитации»), написанного в 1820 г., предшествует эпитафия (байроновская строчка): «And other day came back tome / With recollected music...» («И знакомый мотив напомнил мне былое...»). Перевод был опубликован под заголовком «Ночь на реке» в 1821 г. в журнале «Сын отечества» (№49, С. 127-130, в издание 1833 года не вошло). «Стихотворение подписано И. К-ъ и снабжено следующим примечанием издателей журнала: «Не надобно, кажется, сказывать почтенным читателям «С<ына> о<течества>», что сие прекрасное стихотворение есть подражание Ламартину и написано меланхолическим певцом элегии «К Светлане», напечатанной в №44 нашего журнала. Сладость стихов и глубокое чувство горести сохранены в переводе страдальцем-поэтом».

В стихотворении «Ночь на реке» звучит мотив утраченной радости («А та, с которой я здесь сживал вдвоем, / Уж боле не придет тобою любоваться / На берегу крутом» [ПСС: 57]), быстротечности времени («Что мчитесь вы от нас с такой же быстротою, / Как дни тоски и слёз» [ПСС: 58]), непрочности, мимолётности и хрупкости человеческого счастья («Их время даст, возьмёт, но ах! – не возвращает / Нам больше никогда» [ПСС: 57]). Поэт пытается познать тайну мироздания: куда уходят счастливые мгновенья, может ли человек вновь обрести их («И душ святой восторг, и сердца упоенья? / Воротятся ль они?» [ПСС: 57]). Он понимает, что человеку постичь это невозможно, так как его жизненный путь короток. Но есть «река, пещера, холм, и мрак в тени древесной, /

Которых рок щадит иль может оживлять...» [ПСС: 58]. Ему приходит осознание того, что природа – творение Божье – видела не одно поколение людей. Важным для поэта представляется образ реки. Вода обладает особой памятью. Он просит реку запомнить «ночь сию» и «мир прелестный», а главное – «любовь минувших дней» [ПСС: 59]. Очевидным становится выбор в качестве эпиграфа байроновской строчки: «И знакомый мотив напомнил мне бывшее...» [ПСС: 57]. Стихотворение Ламартина пробудили у И.И. Козлова воспоминания о минувших безоблачных днях, когда он был здоров и счастлив.

А.И. Тургенев почувствовал тяжелое душевное состояние И.И. Козлова и старался всячески поддержать друга. В дневнике ещё от 12 августа 1819 г. можно увидеть запись, в которой выражено истинное отношение поэта: «Александр Тургенев, которого я люблю всем сердцем, читал мой перевод, и долго беседовал со мной». Здесь речь идёт о переводе «Невесты Абидосской» (1812) Дж. Байрона на французский язык (русский перевод будет осуществлён позже).

Частые визиты А.И. Тургеневым в дом И.И. Козлова объясняются особым интересом к личности поэта. Темами их бесед служили не только современные события, но и история. Об этом нет пометок в дневнике, но послание «Разорение Рима и распространение христианства» (1826) И.И. Козлова, посвящённое своему другу, позволяет судить о широком круге вопросов, затрагиваемых друзьями при личных беседах. Это перевод «Исторических этюдов, или Рассуждений о падении Римской Империи» Ф. Шатобриана. К этому произведению французского писателя И.И. Козлов обратился в 1826 г. В тот год А.И. Тургенев находился уже за границей, о чем отмечено в его дневнике: «Встретил чужой Новый год, думая о нашем старом...» (1 января (20 декабря) 1826 г.)²²⁶.

К фигуре Ф. Шатобриана в то время было пристальное внимание со стороны мировой общественности. В дневниках А.И. Тургенева еще в конце 1825 г. его имя стало звучать значительно чаще: «29/17 декабря <...>. Поутру был у m-me Resamier и читал брошюру Шатобриана о государе и о греках, которую

²²⁶Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / А.И. Тургенев; [изд. подгот. М.И. Гиллельсон]. М.; Л.: Наука, 1964. С. 384.

она мне подарила <...>. Много говорили опять о Шатобриане. Сначала Государь почитал его фразером и не любил, так что в Вероне он в первое время чуждался Шат<обриана>. Но гр. Толстая его с ним сблизила»²²⁷.

Упомянутая брошюра «De Buonaparte, des Bourbons et de la necessite de nous rallier a nos princes legitimes pour le bonheur de la France et de l'Europe» («О Буонапарте, о Бурбонах и о необходимости сплотиться вокруг наших законных государей для благоденствия Франции и Европы») – памфлет, который, по словам Людовика XVIII, стоил целой армии для дела реставрации. Неслучайно брошюра заинтересовала Царя – впоследствии она станет весомым аргументом в защиту легитимной монархии.

А.И. Тургенев и Ф. Шатобриан были знакомы лично. Из дневника первого известно: «10 марта/26 февраля. У m-me Resamier знакомство с Шатобрианом, разговор о его сочинениях, об имп<ераторе> Александре и его с ним переписке, о Канинге и о сочинениях, издаваемых Шатобр<ианом> (1826)»²²⁸.

Безусловно, И.И. Козлов знал об этом знакомстве. В дневнике А.И. Тургенева есть запись о том, что он писал И.И. Козлову 30/18 сентября 1826 г.: «Писал к Алексеевым, к Булгакову, кн<язю> Голицыну, Жихареву, Вяземскому, Козлову, Карамзиным, Сушковой, Вейдемейер, Путятиной и послал свидетельство о жизни»²²⁹. И.И. Козлов чувствовал, что через А.И. Тургенева произошло и его заочное знакомство с французским писателем. Он принимается за перевод отрывка из «Исторических этюдов, или Рассуждений о падении Римской Империи» Ф. Шатобриана, впоследствии опубликованного под названием: «Разорение Рима и распространение христианства».

Стихотворение можно разделить на две части. В первой описываются военный поход «диких народов», которых поэт в то же время называет «сынами отваги и свободы», так как они исповедовали христианство, в «порочный» Рим. Под «дикими народами» автор подразумевает, скорее всего, древнегерманское

²²⁷Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / А.И. Тургенев. М.; Л., 1964. С. 381-382.

²²⁸Там же. С. 425.

²²⁹Там же. С. 431.

племя готов, разгромивших в V веке нашей эры Римскую империю. Вторая часть произведения посвящена провозглашению новой религии на побеждённой римской языческой земле – христианства. На контрасте выступают картины: «мертвое молчанье», «горестная пустыня», «пепелища роковые», «чёрный дым», «развалины и могилы» превратились в «чистейший мир», где виден «светлый крест», где «праведники святые...пришли с Евангелием в руках», чтобы «открыть истину» новому народу [ПСС: 110-111].

И.И. Козлов интересовался личностью и произведениями Ф. Шатобриана не только в рамках общения с А.И. Тургеневым. К его творчеству обращались и его литературные наставники: В.А. Жуковским к этому времени были переведены шесть произведений французского романтика: «О таинственности» (1805), «Падение Ниагары» (1808), «О нравах Арабов» (1809), «Путешествие Шатобриана в Грецию и в Палестину» (1810), «Образ жизни и нравы рыцарей» (1810), «Отрывок из Шатобрианова путешествия в Грецию» (1810); имя Ф. Шатобриана неоднократно упоминается в произведениях А.С. Пушкина, в одном только «Евгении Онегине» несколько раз: «В котором автор знает боле / Природу, чем Шатобриан...»²³⁰, «Любви нас не природа учит, / А Сталь или Шатобриан...»²³¹.

И.И. Козлов входил в близкий круг А.И. Тургенева, к которому принадлежали также Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Е.А. Боратынский. И.И. Козлов и А.И. Тургенев нуждались в общении друг с другом. И.И. Козлов видел в Тургеневе одного из умнейших людей своего времени, ценил его дипломатические способности, образованность и неугасимое желание учиться чему-то новому. А.И. Тургенева, в свою очередь, интересовала личность И.И. Козлова: его смирение, кротость, доброта, сила воли и сила духа, неистовое желание совершенствоваться в своих поэтических начинаниях.

²³⁰Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 6. Евгений Онегин. М.; Л., 1937. С.84.

²³¹Пушкин А.С. Евгений Онегин: Другие редакции и варианты // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937-1954. Т. 6. Евгений Онегин, 1937. С. 207-655.

А.И. Тургенев расширил границы мира И.И. Козлова. Он сблизил его с многими крупными литераторами того времени, а также организовал заочное знакомство поэта с Ф. Шатобрианом и помог установить их творческий диалог.

На страницах дневника И.И. Козлова присутствует и образ его брата – Николая Ивановича Тургенева – одного из крупнейших деятелей русского либерализма. Он представлял собой умную, независимую, бесстрашную, страстную натуру, борца за справедливость. Кажется удивительным, что такой человек входил в круг близких друзей кроткого и смиренного И.И. Козлова. Но несмотря на кажущиеся противоречия, поэт высоко ценил Н.И. Тургенева. В своем дневнике он даёт ему следующую характеристику: «Прекрасный человек, просвещённый, такой интересный – своим светлым и широким умом, своим смелым великодушным порывом к прекрасному, к великому, к идеалу (26 декабря 1818 г.)» [Дневник: 6].

Основные темы дружеских бесед И.И. Козлова и Н.И. Тургенева посвящены государственному устройству, экономическому положению страны, культуре, литературе и искусству, не исключено, что они говорили об отмене крепостного права и введении конституционного строя, революции. 8 января 1822 г. Н.И. Тургенев записал в своем дневнике содержание беседы, которую он вёл с Козловым. Речь шла о мировых революциях. Завершение записи было следующим: «Все это слышал я от Козлова»²³².

Н.И. Тургенев – частый гость дома И.И. Козлова. Об этом указывают дневниковые записи поэта: «Николай Тургенев принес мне прекрасные стихи молодого Пушкина к Императрице Елизавете (31 марта 1819 г.)» [Дневник: 7], а также 9 декабря того же года: «Николай Тургенев приехал ко мне после обеда в английском клубе. Он мне дал прочесть интересное письмо Мих. Орлова к Бутурлину» [Дневник: 9]. 28 ноября 1819 г., Николай Иванович Тургенев читал это знаменитое письмо в декабристских кругах. Оно имело огромный успех. Основание, которое послужило тому, что Н.И. Тургенев показал это письмо

²³²Тургенев Н.И. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева / Н.И. Тургенев // Архив братьев Тургеневых. Петроград, 1921. Т. 3. С. 312.

И.И. Козлову, – это безграничное доверие к нему, уверенность в том, что его поймут и услышат.

Вспыхнувшее в 1821 г. национально-освободительное восстание в Греции послужило причиной того, что Н.И. Тургенев просит И.И. Козлова перевести на русский язык «Песнь греческих повстанцев» Дж. Байрона. В это время почти все ведущие представители русской литературы поэтическим словом отреагировали на это событие. Среди них: А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев, В.Ф. Раевский, Н.И. Гнедич, И.И. Козлов. В стороне остался лишь В.А. Жуковский. П.А. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу от 25 февраля 1821 г. писал: «И, конечно, у Жуковского все душа и все для души. Но душа <...>, видя эшафоты, которые громоздят для убиения народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии...»²³³. И.И. Козлов своё отношение выразил в стихотворении «Пленный грек в темнице» (1822), посвящённое Александру Ипсиланти, руководителю Греческой революции, национальному герою Греции. П.А. Вяземский восторженно отозвался об этом стихотворении в письме к А.И. Тургеневу 27 апреля 1822 г.: «У нас и зрячие не разглядели этого предмета, истинно поэтического:

Ах, иль быть свободным,

Иль совсем не быть!

Будь я в поре стихов, с досады умер бы я, видя, что у меня украли Ипсиланти»²³⁴.

Вовсе не случайно, что Н.И. Тургенев обращается именно к И.И. Козлову с просьбой о «Песни греческих повстанцев». В единственном сохранившемся письме к поэту он отмечал: «Я знаю всю цену Вашей ко мне привязанности, и моя к Вам поистине столь же искренняя <...>. Я навещу Вас завтра или послезавтра, а Вы мне прочтете оду Байрона к Греции, которую Вы, конечно, знаете»²³⁵. Возможно,

²³³Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 27 апреля 1822 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823. СПб, 1899. С. 170-171.

²³⁴Там же. С. 170-171.

²³⁵Грот К.Я. К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова / К.Я. Грот // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 88.

И.И. Козлов в полной мере не разделял мнение своего друга о кардинальных преобразованиях в государственном устройстве России. Об этом свидетельствует реакция поэта на восстание декабристов: он сжег переписку, стихи, в которых было хотя бы малая толика подозрения на его причастность к заговору (в поэтическом наследии И.И. Козлова нет ни одного посвящённого Н.И. Тургеневу произведения). Это можно объяснить не только понятной для И.И. Козлова ситуацией (у него двое детей и достаточно плачевное материальное положение) но и его личной социально-политической позицией: как и его друг В.А. Жуковский, И.И. Козлов не был заражен духом бунтарства против существующего государственного устройства.

Братья Тургеневы были дружны с И.И. Козловым на протяжении всей его жизни. Они знали поэта ещё с того времени, когда он был здоровым, переехал из Москвы в Петербург, были свидетелями трагедии Козлова, его первых слез от боли физической и душевной, видели первые несмелые шаги в литературе. Н.И. Тургенев говорил о Козлове: «Ужасно его положение, но сам он говорит, что недвижимость его соединила напряжение сил душевных и возвысила его душу»²³⁶. Их связывали дружеские, творческие, литературные связи, интересные продолжительные беседы. Об этом свидетельствуют дневниковые записи поэта, их переписка. Тургеневы искренне сопереживали И.И. Козлову, поддерживали его в минуты отчаяния, положительно высказывались относительно его переводов и новых стихотворений. Поэт был искренне благодарен за такое участие в его судьбе.

Братья Тургеневы входили в первый круг близких друзей И.И. Козлова наряду с В.А. Жуковским, А.А. Воейковой. А.И. Тургенев – один из первых цензоров, ценителей, читателей поэзии И.И. Козлова. Он адресовал ему четыре стихотворения: два оригинальных и два переводных. Основная тематика его оригинальных посвящений – истинная дружба, быстротечность времени, душевное общение с родными и близкими людьми. Переводные стихотворения

²³⁶Цит. по: Козлов И.И. Стихотворения / И.И. Козлов; [сост., вступ. ст. В.И. Сахарова]. М., 1979. С. 10.

имеют исторический и религиозный характер, которые являются, видимо, следствием их бесед. Через А.И. Тургенева произошло заочное знакомство И.И. Козлова с Ф. Шатобрианом, которого Тургенев хорошо знал.

Н.И. Тургенева И.И. Козлов очень ценил за его ум, начитанность, широкий кругозор. Дневниковые записи поэта свидетельствуют о том, что основные темы их бесед посвящены политическому устройству, экономике страны, культуре и искусству.

Братья Тургеневы ввели Козлова в литературный круг Петербурга. Через А.И. Тургенева, видимо, состоялось знакомство И.И. Козлова с Н.И. Гнедичем – русским поэтом, переводчиком, издателем. Во время обучения Гнедича в Московском университетском пансионе он сблизился с членами Дружеского литературного общества, среди которых был А.И. Тургенев. Приятельское общение Н.И. Гнедича и И.И. Козлова очень скоро переросло в крепкую дружбу. Н.И. Гнедич часто бывал у И.И. Козлова. Они читали отрывки из произведений, обменивались впечатлениями: «Я был у Муравьева. Прелестный вечер. Я читал своего «Чернеца», Лев (Пушкин) – «Цыганы». Были С.-При, кн. Трубецкой, молодой Бибиков, Дельвиг, Комаровские, Гнедич» (23 января 1825 г.) [Дневник: 12-13]; «Гнедич; потом милый Жуковский... (14 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13]; «Гр. Лебцельтерн и Гнедич... (25 апреля 1825 г.)» [Дневник: 14].

В 1825 г. Н.И. Гнедич уехал лечиться на Кавказские Минеральные воды. Во время его отсутствия между ним и И.И. Козловым установилась дружеская переписка. Из письма Н.И. Гнедича, написанного 17 января 1828 г. в Одессе: «Здравствуй певец, здравствуй милый человек, мой добрый друг Иван Иванович <...>! Жду не дождусь твоей «Долгорукой» <...>. В успехе этом я не сомневался; но, если б все слезы, «Долгорукою» извлекаемые, обратились в перлы и разом бы к стопам твоим прикатились: это было бы хорошо, и для тебя, и для твоей Алинки <...> Северное Сияние – предмет, достойный Музы твоей; но Сонетам Мицкевича она сделает честь, прочитав их <...>. Я еще не благодарил тебя за Вечерний Звон, он мне по сердцу; к Альпам также пиэса благодатная <...>».

Н. Гнедич. P.S. А поэта Козлова я знаю: иногда так царапнет за сердце, что не усидишь на месте»²³⁷.

Живое участие со стороны Н.И. Гнедича, его внимание и забота поразили И.И. Козлова. В 1825 г. он посвящает другу стихотворение «К Н.И. Гнедичу. Стансы на Кавказ и Крым». Следует отметить, что он посылает Гнедичу не традиционное послание другу, а стансы. К этому жанру поэт обращается впервые, но впоследствии будет к нему возвращаться не раз: «Новые стансы» (1826), «Стансы (Из лорда Байрона)» (1834), «Стансы («Настала тень осенней длинной ночи...»)» (1834), «Стансы (Из «Морского разбойника лорда Байрона)» (1837), «Стансы («Вчера я, мраком окружённый окруженный...»)» (1838), «Стансы («Тоскуя о подруге милой...»)» (год неизвестен).

Стансы И.И. Козлова, адресованные Н.И. Гнедичу, состоят из 15 строф. Каждая строфа – законченная мысль, которая завершается вопросительным или восклицательным знаком, тире, многоточием или точкой. Стихотворение состоит из трёх частей: первая часть посвящена Гнедичу и Кавказу, вторая – Гнедичу и Крыму, третья – Гнедичу и Греции. Части не пропорциональны. С описываемыми странами и местностью Козлов ассоциирует не только характерный колорит, но и образы: с Кавказом – Гомера и образы древнегреческих героев; с Крымом – А.С. Пушкина и его поэму «Бахчисарайский фонтан» (1821-1823), с Грецией – «меч свободы» [ПСС: 99] и вещего певца Дж. Байрона.

В первой части стихотворения И.И. Козлов описывает, каким он представляет Кавказ: «громады диких скал», «в долинах хлещут воды / Кипучим серебром», «в синих небесах снега вершин сияют», «ревуший водопад» [ПСС: 97]. Но не только красота горного пейзажа поражает воображение поэта. Козлов ассоциирует Кавказ с образом древнегреческого поэта-певца Гомера («Хиосского слепца внимал ли песнопенья / Восторженный Кавказ» [ПСС: 97]) и образами древнегреческой мифологии: Прометея («Там, где прикован был к утесу похититель / Небесного огня» [ПСС: 97]) и Зевса («Страдальцу гордому

²³⁷Гнедич Н.И. Письмо к Козлову И.И., 17 января 1828 г. Одесса / Н.И. Гнедич // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 189-190.

разгневанный дивился, / И гром в руке дрожал...» [ПСС:98]), тем самым вспоминая о переводе Н.И. Гнедичем древнегреческой поэмы Гомера «Илиада».

Вторая часть стихотворения – посвящение Крыму. И.И. Козлов видит его сквозь призму поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821-1823). Поэт называет А.С. Пушкина «северным певцом» [ПСС: 98], который задумчиво бродит по «садам Бахчисарая» [ПСС: 98]. И.И. Козлов вспоминает не только его поэму А.С. Пушкина, но и его стихотворение «Соловей и роза»: «Как пламенно поет над розой соловей, – / Но сладостный фонтан и соловей восточный / Не слаще, не звучней!...»²³⁸

И.И. Козлов видит Н.И. Гнедича поэтом-романтиком, называет его «Мечтателем пламенным, любимцем вдохновенья...» [ПСС: 97], поэтому в его послании встречается несколько романтических образов: «соловей», «роза», странник, стремящийся к «далеким берегам» [ПСС: 98]. Поэт не может не подчеркнуть природу Крыма: «Ах, ясный неба свод, и шум валов серебристых, / И розы пышные, и мирные леса, / И нега томная ночей твоих душистых, / И дев твоих краса...» [ПСС: 98]

Крым для Козлова – это желанная земля для многих народов («И мчат твоим сынам и гибель, и оковы / Армады кораблей...» [ПСС: 98]).

В третьей части стихотворения возникает образ «меча свободы», который разит «врагов родной земли» [ПСС: 99]. Вместе с «мечом свободы» поэт вспоминает «вещего певца» Дж. Байрона, чей «багровый луч» осветил «гробовую урну» [ПСС: 98] войны. К творчеству английского романтика обращались и И.И. Козлов, и Н.И. Гнедич. Последний перевёл несколько его стихотворений («К другу» (1819), «Разорваны струны» (1821)).

Интересным представляется полёт мысли И.И. Козлова. В своём воображении он летит на Кавказ, который у него ассоциируется с дикими громадами скал, снежными вершинами, утопающими в синих небесах, водопадом, горными жителями – отважными черкесами, древнегреческими образами Гомера,

²³⁸Пушкин А.С. Соловей и роза: («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3, кн.1. Стихотворения, 1826-1836. Сказки. М.; Л., 1948. С. 50.

Прометея и Зевса. Затем в своих мыслях он попадает в Крым. Крым в восприятии Козлова – это «прелестный край, где «розы пышные и мирные леса» [ПСС: 98], где «сладостный фонтан» и «соловей восточный» [ПСС: 98]. Крым и Турцию разделяет Черное море, поэтому поэт в своих мыслях переносится «через волны к далеким берегам» [ПСС: 98] Турции, где можно увидеть «гарем с решетками и кровлей золотой» [ПСС: 98], почувствовать нежный аромат роз, ощутить ночную прохладу. Из Турции Козлов переносится в Грецию, где погиб Дж. Байрон. В произведении наблюдается кольцевая композиция: автор в начале произведения говорит о Кавказе, но вспоминает через образ Гомера Грецию, в конце стихотворения он описывает кончину Дж. Байрона в Греции.

Общение И.И. Козлова и Н.И. Гнедича имело не только дружеский, но и творческий характер. Их объединяли общие литературные интересы: оба поэта занимались переводами, в том числе произведений Дж. Байрона. Н.И. Гнедич высоко ценил творчество И.И. Козлова, в чем открыто признавался в личной переписке. И.И. Козлов посвятил ему стихотворение «К Н.И. Гнедичу. Стансы на Кавказ и Крым». В произведении автор представляет друга на Кавказе, затем мысленно переносится с ним в Крым, после чего попадает в Грецию. Полёт мыслей, яркое воображение И.И. Козлова, тонкая закольцованность сюжета поразили Гнедича, еще раз убедившегося в незаурядном таланте И.И. Козлова.

А.И. Тургенев, хорошо знавший русского дипломата, поэта И.А. Бека, по всей видимости, познакомил его с И.И. Козловым. Повесть в стихах «Безумная» вызвала восторженные отзывы у И.А. Бека. В 1831 г. он выразил свои впечатления в стихотворении, адресованном Козлову. Послание было опубликовано в Санкт-Петербургском вестнике (Том I, №11) под заглавием: «Ивану Ивановичу Козлову по прочтении повести его: Безумная». Это стихотворение – восторженная «правдивая хвала» поэту. И.А. Бек высоко оценил поэтический талант Козлова, был восхищён стойкостью его духа и терпением, проявленным в период болезни. Сокрыв мир земной, Бог не тронул мира души поэта. Молитва, упование на волю Творца, поддержка семьи помогли Козлову преодолеть это испытание. Он выстоял, получил в награду поэтический дар.

И.А. Бек удивленно спрашивает: «Тебя ль судьба сразила?»²³⁹ и сам же отвечает: «Тебе ниспослан дар – высокий дар Певца!»²⁴⁰.

В 1832 г. И.И. Козлов посвятил И.А. Беку ответное стихотворение, которое напоминает напутствие молодому поэту. В нём он рисует своё видение того, каким должен быть поэт-романтик: «мечтатель» с богатым «воображеньем» и «святым вдохновеньем», причем для поэта «святое вдохновенье» – это «дивный жар» [ПСС: 201] и «Творца доброт любимый дар» [ПСС: 201], то есть это дар Бога, который даётся далеко не всем. Его обладатель – певец («Зачем умолкли так давно / Твои приманчивые струны» [ПСС: 201]), сумевший уйти от городской суеты и поселиться «в приюте сельском и родном» [ПСС: 201]. Козлов представляет поэта-романтика, сидящим на морском берегу, смотрящим на волны, на мерцающую в небесах луну. Картина, изображённая поэтом, полна романтических образов: певец, море, шум прибоя, луна, «усопших тени», «эфирный шепот», «томный ропот» [ПСС: 201]. Это создаёт атмосферу творчества и вдохновения: «Ужели сердце не дрожит? / Ужель молодой певец молчит?» [ПСС: 202]. Но и этого недостаточно, чтобы стать истинным певцом. Поэт в представлении Козлова должен обязательно пережить трагедию или даже утрату: «Увы! на радость кто глядел / Сквозь слезы, – знай, того удел – / Поэзия...» [ПСС: 202].

И.И. Козлов видит в И.А. Беке в первую очередь поэта, а уже потом дипломата. Он называет его «мечтателем юным» [ПСС: 201] и «младым певцом» [ПСС: 202], пережившим разлуку с «сестрою милой» [202]. Послание И.И. Козлова к И.А. Беку – это своего рода поэтическое напутствие, которое он даёт молодому поэту (И.А. Беку на момент написания произведения было 25 лет). Тон напутствия задаёт эпитафия, взятый автором из стихотворения Ф. Шиллера «Тэкля»: «Wage du, zu irren und zu traumen!» («Дерзай блуждать и грезить» [ПСС: 201]). Вторя немецкому поэту, И.И. Козлов в последней строке говорит:

²³⁹Бек И.А. Ивану Ивановичу Козлову, по прочтении повести его: Безумная / И.А. Бек // С.-Петербургский вестник. 1831. Том 1, № 11. С. 296-297.

²⁴⁰Там же. С. 296-297.

«Вспоминай, люби и пой!», закольцовывая таким образом стихотворный текст. Этим поэт словно подталкивает И.А. Бека писать, творить. И у него это получается сделать. Через два года И.А. Бек опубликовал свои «Стансы» (1834).

Стихотворение И.И. Козлова к И.А. Беку примечательно ещё и тем, что в нём он определяет сущность поэзии, рисует портрет поэта-романтика и формулирует свою поэтическую концепцию: «Поэзия; в тиши безвестной, / Она объемлет мир чудесный / Прекрасных дел, злодейств, страстей; / Она сердечной жизни повесть, / Минувших и грядущих дней / Урок, таинственная совесть» [ПСС: 202].

Поэзия по И.И. Козлову – это священный Божий дар, который даётся только тому, кто пережил страдания.

Трагическая судьба И.И. Козлова, его незаурядная и талантливая личность привлекала в его дом не только поэтов и писателей, но и известных людей того времени, интересующихся литературой. Среди них – дипломат, государственный деятель П.Ф. Балк-Полев. Многие современники считали его довольно странным. П.А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» отзовется о нём: «Чудак, но умный и образованный чудак, Балк-Полев был министром нашим при бразильском дворе»²⁴¹. В 1828 г. И.И. Козлов адресует ему стихотворное послание «П.Ф. Балк-Полеву». Композиционно стихотворение делится на две части. В первой части автор поднимает тему памяти. «Невзначай» те или иные предметы, явления, запахи могут навеять воспоминания о прошлом, но, пробуждаясь от сладостного «дрема», приходит осознание того, что «всё опять отравлено» [ПСС: 146]. Первая строфа стихотворения, по всей видимости, является продолжением разговора поэта с П.Ф. Балк-Полевым. Для того, чтобы понять, о чём они говорили, достаточно обратиться к эпиграфу стихотворения: «Lorsque je sens le rezeda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme» (Когда я ощущаю запах резеды, мне кажется, что я сначала слышу звук, а потом вижу форму)» [ПСС: 146]. Судя по всему, речь идёт об осязании и воображении как о

²⁴¹Вяземский П.А. Старая записная книжка / П.А. Вяземский; [составление, статья и комментарий Л.Я. Гинзбург]. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1927. С. 88.

единственной форме постижения мира у Козлова. Он соглашается с тем, что говорит П.Ф. Балк-Полев («Друг, ты прав: хотя порой...» [ПСС: 146]), но не со всем. Автор стихотворения использует союз уступки «хотя», чтобы подчеркнуть неполное согласие с собеседником. В нём живёт «память сердца», потрясает «душевной тайной» совершенно обычные вещи: «Летний вечер, звук, цветок, / Песня, месяц, ручеек, / Ветер, море – и тоскою / Все опять отравлено...» [ПСС: 146].

Лишённый возможности видеть, И.И. Козлов их воспринимает качественно по-другому: через звук, аромат цветка. Голос поющего, шелест листьев от летнего ветерка, шум морской волны создают в его воображении полотна с красочными пейзажами. Он сожалеет, что эти видения предстают лишь на мгновение. «Молниеносной струей» они уходят безвозвратно, причинив поэту боль и страдание («снова сердце прожжено» [ПСС: 146]).

Во второй части стихотворения звучит мотив скорби об утраченном счастье. Образ тучи, грома, мрака свидетельствуют о пессимистическом настрое автора стихотворения. Поэт чувствует, что вновь оказался в состоянии плена: навечно обречён он жить в мире боли, страдания, мучения. Всё, что было дорого, что приносило радость, ушло безвозвратно: «Всё, о чём мы тосковали, / Что любили, потеряли, / Чем был красен Божий свет, / Всё, чего для нас уж нет» [ПСС: 146].

Стихотворение носит глубокий психологический характер: автор делится со своим адресатом сокровенным: рассказывает, как он «видит», чувствует мир. С потерей зрения главными формами для восприятия жизни стали слух, вкус, осязание и обоняние. Именно поэтому в эпитафии поэт замечает, что когда он ощущает запах резеды, то сначала слышит звук, а потом видит форму.

В 1838 г. И.И. Козлов посвятит П.Ф. Балк-Полеву ещё одно стихотворное послание «К П.Ф. Балк-Полеву». Написано оно в начале 1838 г., так как сохранились сведения о том, что цезурное разрешение на публикацию было получено 8 марта этого же года²⁴². В первой строфе произведения описывается

²⁴²Гликман И.Д. Вступительная статья и комментарий к полному собранию сочинений // Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 458.

жизненный путь П.Ф. Балк-Полева. Видимо, стихотворение создавалось перед его отъездом: «Надолго увлечен неверною судьбой, / Быть может навсегда расстался ты со мной...» [ПСС: 293].

Автор послания называет судьбу дипломата «неверной»: из-за государственной службы он не принадлежит себе, каждая их встреча может быть последней. Поэт печалится из-за этого, так как считает его «бесценным другом». Это выдает сердечную привязанность, соединяющую автора и его адресата. В стихотворении Козловым даётся характеристика Балк-Полева: «глубокий ум», «пламенные речи», «непритворная душа», снисходительно-понимающее отношение к творчеству поэта: «И как мои мечты и бред мой стихотворный / С улыбкой слушал ты, и дружно руку ждал...» [ПСС: 293].

Во второй строфе описывается деятельность Балк-Полева на государственном поприще. Рано став дипломатом, русским послом, он побывал во многих странах. Козлов рисует образ Парижа, который создаётся на контрасте с образом Санкт-Петербурга: «Столица чувств живых с столицей дум глубоких» [ПСС: 293]. Во время своей молодости он был причастен к литературно-художественному и политическому кругу Парижа: «Блестящий тот Париж, где вскоре над тобой / Завьётся, зашумит воспоминаний рой...» [ПСС: 293].

В третьей строфе И.И. Козлов говорит об очередной поездке Балк-Полева в Париж, которая, возможно, не подарит ему встреч с «прежними друзьями» [ПСС: 293]. Из стихотворения видно, что поэт хорошо осведомлён о близком круге общения друга в Париже, каждому он даёт свою характеристику: 1) французская писательница Анна-Луиза-Жермен де Сталь: «волшебница» с «пламенной душой», «милой остротою» и «вдохновенным даром» [ПСС: 294]; 2) французский государственный деятель, герцог Монморанси Матье-Фелисите: «Умел он, благородный, / Престол, законы чтить – и дух хранить свободный; / Он витязь прежних дней был нашею порой, / И жизнь свою венчал кончиною святой...» [ПСС: 294]; 3) хозяйка популярного литературно-политического салона, являвшегося интеллектуальным центром Парижа того времени; Жюли Рекамье: «Прелестная цветет и сердцем, и умом...» [ПСС: 294]; 4) французский писатель

Бернарден де Сен-Пьер Жак-Анри: «Там речь ведёт Saint-Pierre» [ПСС: 294]; 5) итальянская оперная певица, гастролировавшая в Париже, фаворитка Наполеона Бонапарта Грассини Джузеппина: «А здесь поёт Грассини» [ПСС: 294]; 6) французский писатель, публицист, государственный деятель Анри-Бенжамен Констан де Ребек: «мечтает Benjamin» [ПСС: 294]; 7) французская танцовщица Эмилия Биготини: «танцует Биготини» [ПСС: 294]; 8) французский романист и драматург Мерсье Луи-Себастиан; 9) аббат Булонь Этьен Антуан: «Я вижу, как идут на лакомый обед / Мерсье, 1 «abbe Vuologne...» [ПСС: 294]; 10) французский актер Франсуа-Жозеф Тальма: «Но бешенный Гамлет.../ Мятежник Манлий где? – Простая с здешним миром / Быть может, он теперь беседует с Шекспиром...» [ПСС: 294]; 11) Английский актёр Гаррик Давид: «...Иль спорит с Гарриком» [ПСС: 295]. Такая осведомлённость о «блистательном, разнообразном, круге» [ПСС: 294] Балк-Полева свидетельствует о том, насколько внимательно и с каким интересом слушал И.И. Козлов рассказы своего друга-дипломата («Отраду нахожу в рассказах тех весёлых. / Как прежде ты живал...» [ПСС: 294]).

Но не только людям даёт характеристику Козлов, но и городам и странам, в которых бывал Балк-Полев: 1) Париж: «Блестящий тот Париж», «столица чувств живых» [ПСС: 294]; 2) Санкт-Петербург: «столица дум глубоких» [ПСС: 294]; 3) Лондон: «Альбион, который мудрою свободой просвещен...» [ПСС: 295]; 4) Италия: «страна, где огненные горы / Под небом голубым твои встречали шоры – / Священных древностей чудесная земля, / Край песни и любви...» [ПСС: 295]; 5) Турция: «О друг, какая ночь! Блестят, мелькают челны, / И веет музыка с стамбульских берегов, / Роскошной Азии ты слышишь соловьёв; / С кинжалами, в чалмах вот турки удалые, / Вот пляшут сладостно гречанки молодые, / Нежнее роз своих, – и яркая луна / Ночную прелестью сама удивлена» [ПСС: 295]; 6) Бразилия: «Пленялся ты красой Бразильи изумрудной, / И блеском дивных птиц пестреет тёмный лес, / Огнистый ананас в открытом поле рдеет / И пальма над волной, как радость, зеленеет...» [ПСС: 295]. Никогда не бывавший за рубежом, Козлов очень точно подмечает особенность каждой страны: чувствительность Парижа, мудрость Лондона, огненность гор Италии, роскошный

стамбульский колорит, изумрудную красу Бразилии. Поэт признаётся, что с «детства обречен и выюгам, и туману» [ПСС: 295], то есть жить в России, но он не печалится об этом, а наоборот, преисполнен радости: «Мне сладостен и мил дым хижины родной: / Я взрос, я цвел душой, любил, страдал в отчизне, / И в ней хочу я ждать конца мятежной жизни» [ПСС: 295].

Несмотря на красоты других стран, ему важнее место, где он родился и вырос. Он называет Россию «Русью святой» [ПСС: 295]. На контрасте выступает святость родной земли и суэта всего мира. Очевидно, что поэту не нужен блестящий свет чужбины. Ему дорога Россия, потому что она своя, простая, близкая и понятная.

И.И. Козлов делится с П.Ф. Балк-Полевым своим предчувствием: скорее всего, вернувшись из заграничной поездки, он не застанет его живым. Поэт просит друга навестить его могилу: «Тогда, как будешь ты в родимой стороне, / Тень друга навести вечернею зарею...» [ПСС: 295]. В последних строках произведения И.И. Козлов рисует то, как он видит свою кончину и погребение. Ему важно быть похороненным на родной земле, вдали от шумной столицы: «У храма сельского, под ивою густою, / В кустах шиповника, дубовый крест простой...» [ПСС: 295].

Мысли И.И. Козлова созвучны с пушкинскими строками: «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836): «Осеннею порой, в вечерней тишине, / В деревне посещать кладбище родовое <...> / На место праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит / Стоит широко дуб над важными гробами, / Колебясь и шумя...»²⁴³.

Поэтическое завещание о погребении А.С. Пушкина и И.И. Козлова схоже: оба хотят покоиться не на «публичном кладбище»²⁴⁴, а найти умиротворение в лесной тиши, у сельского храма: Козлов – под плакучей ивой, Пушкин – у могучего дуба.

²⁴³Пушкин А.С. Соловей и роза: («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3, кн.1. Стихотворения, 1826-1836. Сказки. М.; Л., 1948. С. 423.

²⁴⁴Там же. С. 422.

Заключительные три строчки стихотворения И.И. Козлова – переход к встрече с Богом: «Надеждой озарит подземный ужас мой, – / И там я буду спать до вечного свиданья / В безоблачном краю любви и упования» [ПСС: 295].

И.И. Козлов был дружен не только с главой семейства Балк-Полевых. Теплые приятельские отношения, а впоследствии и литературный диалог установится у И.И. Козлова с зятем П.Ф. Балк-Полева – с И.П. Мятлевым – русским поэтом, камергером, светским человеком. Личность Мятлева неоднозначна. Издатель А.Ф. Смирдин включил поэта в список 100 лучших литераторов, а В.Г. Белинский дал негативную оценку его творчеству, но отметил искренность и народность некоторых стихотворений. И.П. Мятлев дружил с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, М.Ю. Лермонтовым. В 1834 и 1835 гг. издал два сборника стихотворений, а в 1840-1844 гг. юмористические путевые записки «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», которые принесли ему большую популярность. Он известен как автор стихотворений, ставших романсами: «Как хороши, как свежи были розы...», «Фонарики-сударики».

В 1834 г. Козлов посвятил ему стихотворное послание «И.П. Мятлеву» (впервые в «Сборнике на 1838 год»). Послание строится в диалогической форме: «ты» и «я». Козлов по-своему воспринимал И.П. Мятлева. Известно, что Мятлев был весельчаком, балагуром, светским человеком. Нельзя сказать, что он был счастлив в семейной жизни. В послании И.И. Козлова он предстает иным: в романтическом образе поэта-философа адресат послания «вечернею зарею» сидит на берегу финского залива в своем имении Знаменское на Петергофской дороге и созерцает гармонию мира. Он «полон жизни вдохновенной» [ПСС: 246], мечтает, чувствует, любит. Его жизнь сложилась счастливо. Лирический герой мысленно отправляется в отчий дом, где ждёт его семья: «Там ждёт тебя и друг, и мать, / И дети с милою женою. / Любви семейной благодать, / О, что равняется с тобою!..» [ПСС: 246]

Вторая часть стихотворения соотносится с лирическим субъектом, который равен авторскому «я»: «я к тебе лечу», «пожить я в Знаменском хочу», «почти

забыл я, сумасбродный, / Что я без ног и без очей», «я иду в твой сад приветный», «На Божий храм золотоголовый / Стремлю я с умилением взгляд» [ПСС: 246]. Лирическое «я» автора показано через мотив сна и полета (ср. «К Италии» (1825): «Лети со мной к Италии прелестной, / Эфирный друг, фантазия моя» [ПСС: 101]):

Смотреть с тобой помчался я
 На взморья зыбкие равнины,
 На бег неверный корабля
 И как, надеждою маня,
 Играет им волна морская [ПСС: 246].

Теперь уже они вместе идут через сельское кладбище. В послании И.И. Козлов упоминает стихотворение И.П. Мятлева «Артамоныч» (1831), в котором изложена история покойника, вышедшего из могилы и просившего прохожих починить разбитый бурей зеленый крест: «Идем чрез сельское кладбище; / Там вижу вновь зеленый крест, – / И вспомнил я твою балладу...» [ПСС: 246].

Таким образом, в творческом восприятии И.И. Козлова И.П. Мятлев предстает счастливым человеком: он счастлив в любви, в семье, у него есть дом, он талантлив: «Кто знает, что в житейской доле / Любовь – прекрасному венец, / И каждый день кто любит боле, / Как сын, как муж и как отец» [ПСС: 246].

В своём дневнике 1 июня 1834 г. И.И. Козлов записал: «Иван Мятлев, довольный моим посланием» [Дневник: 20]. Запись была сделана небезосновательно: 18 июня 1834 г. Мятлев написал письмо-благодарность Козлову: «Посылаю вам, милый, любезный и добрый друг, стихи, внушенные мне, вероятно, тою поэтической атмосферою, которой я имел счастье дышать близ Вас»²⁴⁵.

Известно, что «Стансы» («Настала тень осенней длинной ночи...») (1834) И.И. Козлов читал наизусть Мятлеву. О чем свидетельствует дневниковая запись поэта от 1 июня 1834 г.: «Я ему <Мятлеву> сказал наизусть свои стансы "На

²⁴⁵Мятлев И.П. Письмо к Козлову И.И., 18 июня 1834 г. / И.П. Мятлев // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 191-192.

несчастье"» [Дневник: 20]. Вскоре Мятлев обратился с письмом к Козлову (от 18 июня 1834 г.) с просьбой прислать ему это стихотворение: «Я вполне очарован, восхищен и влюблен в ваши прекрасные стихи о несчастьи; пожалуйста, не заставляйте меня долго томиться в ожидании их <...>. Потрудитесь прислать мне ваши великолепные стихи, мне нужны они как воздух, как луна ночью – это самая искренняя потребность души моей. Если у вас есть свободная минута, прибавьте словечко о вашем мнении касательно этой безделицы или, как говорят, искорки (bluette), при сем прилагаемой. Обнимаю вас сердечно и душевно. Самый горячий из ваших ценителей и друзей Иван Мятлев. Знаменское, 18 июня 1834 г.»²⁴⁶.

Сердечность послания к Мятлеву находит свое отражение в творческом диалоге, который отразился в переписке. Между поэтами сложилось и дружеское, и литературное общение: они делились впечатлениями о прочтении новых творений, искренне радовались успехам друг друга на поэтическом поприще.

В 1840-х гг. И.И. Козлов поддерживает тесное общение и с Андреем Николаевичем Муравьевым. Знакомство их состоялось, вероятно, через В.А. Жуковского или графиню Лаваль, хорошо знавших Муравьева. В дневниковых записях Козлова они часто посещали его: «Вечером Андрей М., Жуковский и я, – мы рассказывали легенды, сколько интересные, столько и религиозные (8 января 1832 г.)» [Дневник: 7]; «Графиня Лаваль и Андрей Муравьев часто сходятся по вечерам... (27 декабря 1832 г.)» [Дневник: 18]; «Муравьев (Андрей) читал мне о Валаамском монастыре... (12 января 1833 г.)» [Дневник: 19]; «Андрей Муравьев мне читал еще одно интересное письмо Beautain'a (религиозные вопросы). Он говорит там и обо мне. Муравьев мне переписет эти строки сочувственные и благочестивые, которая аббат Beautain обратил ко мне (2 апреля 1837 г.)» [Дневник: 24].

А.Н. Муравьев – поэт-романтик и религиозный мыслитель. В 1827 г. издает сборник стихов «Таврида», написанных на основе впечатлений от путешествия по Крыму. В 1832 г он публикует книгу «Путешествие по Святым местам в 1830

²⁴⁶Мятлев И.П. Письмо к Козлову И.И., 18 июня 1834 г. / И.П. Мятлев // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 191.

году». Эта книга стала событием для русского общества, потому что русскому человеку впервые представилась возможность «побывать» в Царьграде, Александрии, Каире, Иерусалиме, Вифлееме и др. Понятно, что Муравьев не первый человек, который посетил Святую землю, но именно он первым решил подробно и полно описать свое путешествие в Святые места.

Ещё до издания рукопись книги была рекомендована для прочтения митрополиту Филарету, который отредактировал её и оставил одобрительную рецензию. Положительно отзывается о труде А.Н. Муравьева и В.А. Жуковский, также прочитавший книгу в рукописи. Публикация «Путешествие по Святым местам в 1830 году» вызвало «умиление и невольную зависть» у А.С. Пушкина, о чем признавался сам поэт. По всей вероятности, произведение было прочитано и И.И. Козлову. В дневнике нет точного свидетельства об этом, но записи, касающиеся личности А.Н. Муравьева, часто содержат пометы о том, что Муравьев читал свои произведения Козлову: «Он читает свои произведения: трагедию «Битва при Тиверияде», «Михаил Тверской», свою поэму – о Потопе... (27 декабря 1832 г.)» [Дневник: 18-19].

Во время отсутствия А.Н. Муравьева в Петербурге, что было довольно часто в силу его любви к странствиям и путешествиям, между ним и И.И. Козловым устанавливалась переписка. Существует письмо А.Н. Муравьева к И.И. Козлову, написанное на французском языке без указания даты и времени: «Передайте мой христианский привет благородному слепцу-поэту. Скажите ему, что есть вечный свет, сияющий для всего мира – это свет, принесенный на землю Иисусом Христом и о ниспослании которого ему (поэту) я буду молиться. А.М.»²⁴⁷. Сохранилась и записка И.И. Козлова к А.Н. Муравьеву, сделанная им карандашом на французском языке без указания даты и времени (предположительно, письмо отправлено в период: с 1830–1840 гг.): «Вы забыли меня, милый странник, приходите обнять вашего друга...»²⁴⁸.

²⁴⁷Муравьев А.Н. Записка и письмо к И.И. Козлову / А.Н. Муравьев // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 192.

²⁴⁸Козлов И.И. Письмо к А.Н. Муравьеву // Вестник всемирной истории. 1900. №6 (май). С. 89 (по материалам для истории новой русской литературы Берлинской библиотеки, фонд №29а).

Козлов очень ценил дружбу с А.Н. Муравьевым, видел в нём умного, высокообразованного, духовного человека. В дневнике 17 ноября 1837 г. он напишет о нём: «Андрей Мур. много рассказывал мне о крестовых походах. Это человек выдающийся и по уму, и по воображению: он – поэт даже в своей прозе» [Дневник: 26]. Своё отношение к другу поэт выразит в небольшой, но много о чём говорящей фразе: «Почтенный Муравьев, мною так любимый, обещал мне также свою помощь во всякое время... (7 ноября 1839 г.)» [Дневник: 29]. А.Н. Муравьев находился с И.И. Козловым до самой его кончины. В последних записях И.И. Козлова упоминаются почти ежедневные его визиты: «Андрей Муравьев приехал от графини Лаваль... (18 января 1840 г.)» [Дневник: 33]; «Пришли графиня Лаваль, Жуковский и почтенный Муравьев... (19 января 1840 г.)» [Дневник: 33].

В это время А.Н. Муравьев – фигура известная в общественных кругах, популярность ему принесла написанная им книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году». Также он пробовал свои литературные силы в качестве драматурга, но его «Битва при Тивериаде», поставленная на сцене Александрийского театра, потерпела неудачу. В.А. Жуковский в письме И.И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 г. просит утешить Муравьева: «Требую от Муравьева, чтоб он не обращал внимания на неудачу <...> он поэт в благородном смысле сего слова и писать должен»²⁴⁹.

В 1833 г. И.И. Козлов написал стихотворение-притчу «Два челнока», с посвящением «А.Н.М.». – Андрею Николаевичу Муравьеву.

Скорее всего, стихотворение было написано, как ответ беседе на религиозную тему, которая состоялась между И.И. Козловым и А.Н. Муравьевым. Стихотворение совмещает в себе сразу два плана: романтический и религиозный. Романтический связан с образами девы (счастье), страдальца (несчастье), челнока (жизни); религиозный – с осмыслением земной жизни (река), смерти (бездна), переходом в вечность (море) и посмертной жизни. Суть притчи, которая явилась

²⁴⁹Жуковский В.А. Письмо Козлову И.И., 27 января (8 февраля) 1833 г. / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. М.; Л., С. 600-601.

источником стихотворения, видится в том, что и счастливый, и несчастный в земной жизни человек заслуживает рая.

В стихотворении представлена характерная для романтизма контрастная картина – белый и черный челнок, несущих двух совершенно разных путника – легкую прекрасную деву и «бледного страдальца». Каждый из пловцов рассказывает, как ему живется на свете. Из белого челнока раздаётся песнь молодой девы о том, как легко и отраднo жить на свете, как радостно плыть по реке, как приятны лучи солнца, как изумляет свет месяца в темную ночь. Она счастлива: «сбылись мечты...младые». Вместе с милым она делит чувства, сердцу дорогие» [ПСС: 223].

Совсем иной ответ раздаётся из чёрного челнока. Это уже не песнь, а стон страдальца, рассказывающего о том, как «ужасно плыть рекою» [ПСС: 223], как некрасив и «угрюмен» виднеющийся бор, как страшит ночная мгла. Но удручают не только внешний мир: «И тяжко мне на свете жить, / Где облилося сердце кровью, / Где, бедный, я, стремясь любить, / Обманут дружбой и любовью...» [ПСС: 223].

Угадывается жизнь двух совершенно разных людей, которые по-разному относятся к жизни: молодая дева живёт радостно, легко, красиво; кажется безоблачным её счастье и нескончаемой её песнь жизни, которая весело течет под белым парусом; иной представляется судьба другого пловца – угрюмый, разочарованный в любви и дружбе, с разбитыми бурей мечтами и надеждами, он не живет, а лишь существует под чёрным парусом. Оба пловца понимают, что впереди их ждёт бездна, т.е. смерть, которая поглотит их челноки (жизни) навечно. Молодая дева, изведав радость жизни, боится, что навсегда придется расстаться с земною сладостью, чувствами, людьми. Страдалец из чёрного челнока жаждет поскорее нырнуть в эту бесконечность, чтобы забыться вечным сном, навсегда расставшись с обидой на себя и на других, невероятной болью от потерь и безысходности. Финал для обоих пловцов неожиданный: их действительно поглощает бездна, но каждый из них счастлив: они перешли в иной мир. Тот, кто прожил свою жизнь под белым парусом, радуясь, любя, надеясь и

веря – обрел то же самое и в ином мире, только в большей степени и с ощущением не хрупкости, но надежности счастья. Второй, чей земной путь был ознаменован чёрным парусом, обрёл всё то, что был лишен: любовь, радость, спокойствие, вера и надежда на то, что весь последующий путь будет светлым и счастливым. Очевидно, что поэт ассоциирует себя со страдальцем, но искренне верит, что он, как и пловец из чёрного челнока, через свои страдания обретет в ином мире счастье и радость.

Стихотворение «Два челнока» И.И. Козлова очень созвучно со стихотворением «Забвение» А.Н. Муравьева, опубликованном в первом его поэтическом сборнике «Таврида» (1827). В этом произведении А.Н. Муравьев поднимает тему страдания человека, предчувствовавшего одиночество и «забвение грядущих лет»²⁵⁰. Автор в качестве метафорического сравнения приводит образ «слабого челна», которого вот-вот поглотит бездна: «Так, бурные удвоив силы, / Глокает море слабый челн!»²⁵¹.

А.Н. Муравьев свои впечатления от знакомства и общения со многими литераторами-современниками изложил в книге «Знакомство с русскими поэтами» (1871). Безусловно, одна из ключевых фигур в этом труде – личность И.И. Козлова. Автор книги вспоминал, что, оказавшись в литературном круге Петербурга, он познакомился с автором «Чернеца» И.И. Козловым. Он предстал перед ним «на болезненном одре», но в окружении родных и В.А. Жуковского. А.Н. Муравьев отмечает, что в доме поэта часто собирались писатели, люди культуры и искусства. Оценивая состояние самого И.И. Козлова, он запишет: «Козлов был поэт в душе и, несмотря на истощение физических сил, только и мечтал о поэзии и беспрестанно сочинял стихи, которые с большим воодушевлением говорил нам наизусть на своих вечерах...»²⁵². И.И. Козлов в свою очередь в дневниковой записи от 12 января 1833 г. даст А.Н. Муравьеву

²⁵⁰Муравьев А.Н. Забвение / А.Н. Муравьев // Муравьев А.Н. Таврида. М.: В типографии С. Селивановского, 1827. С. 101.

²⁵¹Там же. С. 101.

²⁵²Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами / А.Н. Муравьев. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1871. С. 19-20.

следующую характеристику: «Это человек выдающийся и по уму, и по воображению: он поэт – даже в своей прозе» [Дневник: 26].

Влияние А.С. Пушкина – главного литературного ориентира для русских поэтов-романтиков 1820-30-х гг. – на творческое становление И.И. Козлова неоспоримо. Известны отклики поэта на творчество Козлова: прямые (личная переписка, послание «Козлову» (1825)) и косвенные (письма Л.С. Пушкину и О.С. Пушкиной, П.А. Плетневу, А.А. Дельвигу и другим о Козлове и его творчестве). Они носят дружеский, сочувственный характер. В адресованном И.И. Козлову стихотворении А.С. Пушкин, назвав его «другом» и «братом» по призванию, авторитетно заверил, что появился еще один настоящий поэт. И.И. Козлов высоко оценил похвалу А.С. Пушкина и в письме признался, что он и В.С. Жуковский – его главные ориентиры в литературе. Это дало начало творческому диалогу поэтов, который отчётливо проглядывается, например, в стихотворении «К морю» (1828) И.И. Козлова, вторящему пушкинскому «К морю» (1824).

И.И. Козлов убежден, что для русской поэзии А.С. Пушкин имеет такое же значение, как Дж. Байрон для западноевропейской. Стихотворение «Бейрон» (1824), написанное на смерть английского романтика, посвящено Пушкину, значимо в идейном плане, несмотря на композиционное и стилистическое несовершенство (на это справедливо указывают В.А. Жуковский и В.Г. Белинский). Своё восторженное отношение к Дж. Байрону И.И. Козлов выражает не только в этом стихотворении, но и во многих произведениях, выбранных для перевода. Поэт (во многом под идейным влиянием А.С. Пушкина и В.А. Жуковского) становится одним из первых его переводчиков в России.

Творческий диалог И.И. Козлова с А.С. Пушкиным и поэтами его круга свидетельствует о том, что современники высоко ценили самобытность поэтического гения Козлова, ставили его фигуру в один ряд с ведущими литераторами того времени. Однако это не даёт прямых оснований отнести И.И. Козлова к поэтам пушкинской плеяды, но невозможно не увидеть косвенных точек соприкосновения: переписка, отзывы А.С. Пушкина о его произведениях,

упоминание имени И.И. Козлова в письмах к П.А. Плетневу, А.А. Дельвигу, Л.С. Пушкину, посвящения друг другу стихотворных посланий – всё это позволяет говорить о причастности И.И. Козлова к поэтам пушкинского круга.

В общении с литераторами Петербурга происходило развитие поэтической индивидуальности И.И. Козлова. Ярко выраженное доверительное, искреннее, эмоциональное, признательное отношение сложилось у И.И. Козлова к братьям Александру и Николаю Тургеневым: они ввели его в литературный круг, были свидетелями его первых шагов на поэтическом поприще. Александр Тургенев был первым критиком поэта (см.: «К А.И. Тургеневу», 1821) и одним из первых адресатов его стихотворных посланий. Поэтический диалог состоялся у И.И. Козлова с И.А. Беком. В адресованном ему послании И.И. Козлов представляет свою поэтическую концепцию: поэзия для И.И. Козлова – это священный Божий дар, который даётся только тому, кто пережил страдания. Несмотря на это, автор призывает адресата – молодого поэта И.А. Бека «вспоминать, любить и петь», вдохновляет его на творчество. Глубокий психологический и философский характер носило общение И.И. Козлова с дипломатом и литератором П.Ф. Балк-Полевым. Поэт делится с ним сокровенным: рассказывает, как он «видит» и чувствует окружающий мир, признаётся, что, милее России для него нет страны, оставляет ему свое поэтическое завещание. В общении И.И. Козлова с И.П. Мятлевым проявилось самобытное, отличное от оценок многих современников восприятие личности поэта. И.И. Козлов видит его не балагуром, а поэтом-романтиком, вдохновлённым мечтателем и счастливым семьянином. Размышления поэта о земном пути человека в последние годы жизни нашли отражение в религиозно-философском диалоге с А.Н. Муравьевым. Он посвятил ему стихотворение «Два челнока», в котором отразил своё понимание христианского рая.

Глава 4. Искренность чувств и искусство светского общения в посланиях И.И. Козлова к женщинам-современницам

В творчестве И.И. Козлова можно найти более десятка стихотворных посланий, адресованных женщинам-современницам. Среди них – хозяйки литературных гостиных и известные всему миру певицы, талантливые переводчицы и жёны видных политических деятелей. В дневниковых записях можно встретить имена таких ярчайших представительниц светского общества первой половины XIX века, как А.А. Воейкова, З.А. Волконская, А.Г. Хомутова, Д.Ф. Фикельмон, А.Г. Лаваль, А.Г. Голицына, М.А. Голицына, С.Д. Радзивил, Е.М. Завадовская, А.А. Оленина, Т.С. Вейдемейер, З.И. Лепцельтерн, П.А. Бартенева, М.А. Потоцкая и др. Все они познакомились с И.И. Козловым в разные периоды его жизни. Каждая из них по-своему поддержала поэта: кто-то своим удивительным пением, кто-то прекрасным музицированием, кто-то замечательными стихами, а кто-то просто добрым словом и нахождением рядом в трудные минуты. Поэт не мог остаться равнодушным к такому участию в его судьбе и благодарил их в своих стихах.

Значительная часть посланий И.И. Козлова посвящена Александре Андреевне Воейковой. Дочь А.И. и Е.А. Протасовых, младшая сестра Марии Андреевны Протасовой, любимая крестница В.А. Жуковского, хозяйка литературной гостиной, в свете славилась умом, образованностью, музыкальным и художественным дарованиями. Её знакомство с И.И. Козловым относят к 1818–1819 гг. Состоялось оно, видимо, с лёгкой руки их общего друга и наставника – В.А. Жуковского, а укрепилось и переросло в сердечную дружбу с обоюдного согласия и взаимного расположения друг к другу. Продолжению этого знакомства не помешало то обстоятельство, что Козлов к началу 1820-х гг. оказался прикованным к постели вследствие паралича ног и практически потерял зрение.

Родственность, даже семейственность отношения проявляла А.А. Воейкова к И.И. Козлову. В письмах она называла поэта «дорогим кузеном» и «дорогим

другом», признаваясь: «От всего сердца, полного дружбой и участием, подаю вам руку на верную дружбу! Вы и Ваша жена имеете во мне сестру»²⁵³. А.А. Воейкова часто навещала Козлова, стараясь своим вниманием и участием скрасить его жизнь: «Ваши страдания заставляют меня страдать сильнее, чем я могу вам сказать! Мне так тяжело не иметь возможности ухаживать за вами, сидеть около вашего одра болезни так часто, как я бы того желала!»²⁵⁴. В мучениях поэта она видела христианский подвиг: «Ваш венец терновый будет детям благословеньем. Моя мать, говоря мне о вас, спрашивает меня, часто ли я вижу Богом избранного мученика»²⁵⁵. А.А. Воейкова ценила литературное дарование И.И. Козлова, радуясь каждому новому творческому успеху: «Удовольствие, мне доставили ваши [стихи], неопишимо, я плакала над ними...»²⁵⁶. Они отправляли друг другу произведения любимых авторов («Вот стихи Гете, которые, без сомнения, вам понравятся, любезный и добрый мсье Козлов»²⁵⁷), устраивали литературные обсуждения, планировали «проекты чтений». Переписка Воейковой и Козлова отражает характер их взаимоотношений, представляет круг литературных интересов её кружка. Н.В. Соловьев отмечает: «Чрезвычайно трогательными рисуются нам отношения Светланы к слепому поэту Козлову, с которым так много общего имела её мечтательная романтическая натура»²⁵⁸. Содержание записок даёт много новых данных о биографии и творчестве поэта и весьма интересно в историко-литературном отношении.

В 1821 г. И.И. Козлов посвящает А.А. Воейковой дружеское послание, которому даёт название «К Светлане». Таким именем окрестили её в литературных кругах после выхода в свет баллады «Светлана», которая стала свадебным подарком В.А. Жуковского своей крестнице.

²⁵³Воейкова А.А. Письма к И.И. Козлову / А.А. Воейкова // Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. (Бумаги А.А. Воейковой). Петроград: тип. Сириус, 1916. Т.2. С. 192.

²⁵⁴Там же. С. 192.

²⁵⁵Там же. С. 193.

²⁵⁶Там же. С. 192.

²⁵⁷Там же. С. 192.

²⁵⁸Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. (Бумаги А.А. Воейковой) Н.В. Соловьев. Петроград: тип. Сириус, 1916. Т.1. С. 97.

Послание можно условно разделить на две части. В первой – автор говорит о своём отношении к адресату, описывает чувства, которые возникают в его душе после каждой встречи с ней: «Как вводишь радость ты с собой, / То сердце будто рассмеется; / В нем на приветный голос твой / Родное что-то отзовется ...» [ПСС: 55].

Он не даёт внешнего портрета адресата: этого не требуется, ведь она – родной и близкий человек. У поэта образ Воейковой ассоциируется с лучом света, «радостью», веселостью сердца, «приветным голосом» и сердечностью.

Вторую часть послания можно назвать исповедью И.И. Козлова. В ней автор рассказывает о своих муках, испытываемых из-за болезни. Но он не жалуется на судьбу, а лишь огорчается от того, что она, Светлана, о нём «слишком много сожалеет». Поэт признаётся, что страдает, но большее мучение ему доставляет страх за будущее своей жены и детей: «Увы! Что сердцу милых ждет? / И что им рок приготовляет?» [ПСС: 55]. Ему остаётся только верить, что своими страданиями он искупит грехи свои и потомков: «И за терновый венец мой венец / Невинным даст благословенье!» [ПСС: 56]. Молитва облегчает его душевную боль, «согревает сердце» и даёт надежду на прощение грехов. В стихотворении возникает образ «прощенья книги», которая может открыться только милостью Бога. Козлов верит, что когда-нибудь наступит «день светлый, как душа Светланы», «книга прощенья» откроется и для него: «Быть может, благостью Его, / В ней имя и мое найдется...» [ПСС: 56]. Его мечта – счастье вечное, где он будет с теми, кого любил при жизни. Верит поэт и в то, что и Светлана останется его «другом сердечным» и в этом мире, и в небесном.

В стихотворении впервые возникают образы, которые в дальнейшем будут часто встречаться в произведениях Козлова: «беспарусный челнок, попавший в бурю», «свирипая волна», «рано закатившееся солнце», «кормчий без ветрила» и другие. Через них поэт показывает отчаянность и безвыходность своего положения, но и в этом состоянии уверяет А.А. Воейкову: «Ещё люблю, ещё мечтаю...» [ПСС: 55].

В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» (1822) И.И. Козлов сравнивает А.А. Воейкову с ангелом, появление которого изменило его жизнь: «И безутешного меня / Отрадой первой подарила» [ПСС: 65]. Он выделяет одну из главных её добродетелей – разделять с другом боль и страдание: «Я слезы лил, – тогда, мой друг, / Светлана плакала со мною...» [ПСС: 65]. Автор отмечает, что она «своим <...> сердцем отгадала», как поддержать его в первые годы болезни, именно поэтому её образ поэт воспринимает как святыню: «И вслед за ней явились мне / Те добродетели святыя...» [ПСС: 65].

В 1822 г. И.И. Козлов публикует стихотворение с заглавием: «К С-е». Личность адресата не вызывает сомнения – А.А. Воейкова. Через некоторое время в текст были внесены некоторые правки, изменения коснулись и названия. В 1823 г. произведение появилось в печати с заглавием «В альбом». 21 февраля 1822 г. А.И. Тургенев писал П.А. Вяземскому: «Вот газета и стихи слепого Козлова в *album* ангела-Воейковой»²⁵⁹.

Посвящённое А.А. Воейковой стихотворение «В альбом» (1823) представляет собой вольный перевод сочинения Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте», 1809). Как и в оригинале, И.И. Козлов сохраняет ритм стиха – 4-стопный ямб, но ему не удаётся оставить форму: у Байрона – два четверостишия, у Козлова – две октавы. Трансформируется и образ адресата: Байрон обращается к возлюбленной, Козлов – к другу А.А. Воейковой. Любовный акцент смещается на дружеский. Посвящено оно Воейковой не случайно. В образе надгробного камня поэт узнаёт себя: не сочувствие, а жалость порой слышал он от окружающих, будто его уже похоронили. Болезнь фактически лишила И.И. Козлова возможности жить полной жизнью, но уверяет адресата, что под могильной плитой бьётся живое сердце: «Ты мертвым уж считай меня. / Чем жизнь цветет, мне миновалось; / Лишь верь тому, что у тебя / Мое здесь сердце всё осталось» [ПСС: 70].

²⁵⁹Тургенев А.И. Письмо к П.А. Вяземскому от 21 февраля 1822 г. / А.И. Тургенев // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823. СПб, 1899. С. 246.

Эти строки созвучны с посланием «К Светлане», в котором тоже присутствовал образ «живого сердца»: «Но, ах! Не вовсе отжил я, / Ещё люблю, ещё мечтаю...» [ПСС: 65].

Стихотворение «В альбом» интересно не столько мастерством перевода байроновского текста, сколько своей идеей: поэт видит себя надгробным камнем, но с живым сердцем.

16 июля 1822 г. И.И. Козлов пишет стихотворение «На рождение Андрюши В<оейкова>, посвящённое новорождённому сыну А.А. Воейковой. Особый мелодичный ритм текста, использование автором слов: «сон», «колыбель», «баю», завершающий каждую строфу рефрен («Спи, спи, малютка наш родной / Спи, Ангел Божий над тобой!» [72]) позволяют говорить о жанре колыбельной песни. В этой колыбельной поэт желает младенцу благословения Творца и счастливой жизни, называет его «невинным, милым и прелестным», «небесным подарком» для всех. Он призывает его цвести в божественной «святой любви» на радость родителям и всем окружающим, просит считать его «родным», так как его появление стало праздником и для него.

В стихотворении возникает образ матери. И.И. Козлов отмечает, насколько счастье матери зависит от благополучия её ребёнка: «Так сердце матери твоей / С тобою вместе расцветает...» [ПСС: 73]. Он надеется, что душевную доброту А.А. Воейковой унаследует её сын. В заключении И.И. Козлов желает мальчику счастья, любви, прекрасной жизни: «И в жизнь прекрасную лети, / Как к солнцу мотылек стремится!» [ПСС: 73].

6 января 1825 г. поэт закончил работу над вольным переводом отрывка из поэмы «Рокби» Вальтера Скотта. В своём дневнике он отметил: «Я перевел прелестную балладу Вальтера Скотта» [Дневник: 17]. Произведение будет опубликовано под заглавием «Разбойник» с пометой, что оно посвящено А.А. Воейковой. 17 марта 1825 г. П.А. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Сейчас нашел балладу «Разбойник» и отдал в «Телеграф»²⁶⁰. В стихотворении

²⁶⁰Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 17 марта 1825 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб, 1899. С. 106.

повествуется о прекрасной девице, которая томится в высокой башне, ждёт своего возлюбленного. Она поёт одну и ту же песню, что хочет любить, а «не царский сан носить», мечтает перенестись в луга, к реке, где слышен «Брайнгельских вод <...> приветный шум», где живет Эдвин. Появляется незнакомец, готовый забрать деву с собой, но её попытки, узнать, кто он, остаются тщетными. Произведение строится на диалоге прекрасной девицы и юноши, который впоследствии окажется разбойником.

Интересен вопрос, почему И.И. Козлов посвящает эту балладу А.А. Воейковой. Возможно, в образе девицы он увидел юную А.А. Воейкову, а в разбойнике – её мужа, А.Ф. Воейкова. Современники отмечали его тяжёлый и сумасбродный характер. Сама же Воейкова поздно поняла, что он совсем не тот человек, за которого себя выдавал при знакомстве. Поэт знал о разногласиях супругов, которые в 1824 г. чуть не привели их к разводу. 6 января 1825 г. он адресовал ей балладу «Разбойник», в которой через сюжет о прекрасной девице и разбойнике проглядывается история А.А. Воейковой и её мужа.

В феврале 1829 г. И.И. Козлов адресует А.А. Воейковой перевод стихотворения «Сельский субботний вечер в Шотландии» Р. Бернса. Оно состоит из двух частей: первая часть – авторская, адресованная А.А. Воейковой; вторая – вольное подражание стихотворению «The cotters saturday night» («Сельский субботний вечер в Шотландии», 1796) шотландского поэта. Эпиграф взят из «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея. После эпиграфа указано, кому посвящено произведение: «Ал. Ан. В...к.вой», хотя до этого в своих посланиях и дневниковых записях поэт обращался к ней Светлана. Появляется образ светлой души в виде ясного луча, который «была пора – сиял». Поэт не говорит о нём в настоящем времени – А.А. Воейкова умерла (16 февраля 1822 г); он пишет стихотворение на её кончину. И.И. Козлов вспоминает, что источником их дружбы послужил его недуг: «И, может быть, недаром мы узнали, / Как много есть прекрасного в печали!» [ПСС: 161]. Эта дружеское общение обогатило поэта. Воейковой – нет, но он чувствует присутствие её души: «Но дружбою, но памятью твоею / Как воздухом душистым

окружен...» [ПСС: 161]. В стихотворении возникает мотив памяти: «Могу ль тебя, могу ль не вспоминать?» [ПСС: 162]. Он не может перестать о ней думать, сравнивает её с «яркой звездой на темных небесах» [ПСС: 162], видит её свет, чувствует её присутствие. Он болезненно переживает сначала болезнь Воейковой, затем отъезд на лечение за границу, теперь её кончину.

Последняя строфа стихотворения очень эмоциональна. Через многоточие передана недоговорённость, взволнованность, стремительность и одновременно какая-то растерянность автора: «Я ждал ее, я мчался к ней душою, / Я для нее сквозь слезы песни пел, / Я пел, – она ... была уж не земною...» [ПСС: 162]. Он не может написать, что Воейкова умерла, так как постоянно чувствует присутствие её души: она здесь, но стала небесной. Поэт не в силах ничего изменить, он может только петь, но его земное пение не долетает до неё: «Звук томных струн, он к ней не долетел...» [ПСС: 162]. Козлов грустит, что у него нет возможности посетить её могилу: Воейкова была похоронена в Италии («Тиха её далекая могила...» [ПСС: 162]). Единственным утешением для него является осознание того, что её светлая душа обрела покой. Он называет Воейкову «святой тенью» и просит её молить там, «в надзвездной стороне» [ПСС: 162].

Стихотворение полно лиризма, скорби, безысходности и даже некоторой растерянности поэта. Козлов говорит о Воейковой, как о чем-то светлом, бестелесном, ангельском, святом, но живом.

Значение личности А.А. Воейковой для И.И. Козлова трудно переоценить. Умная, образованная, хорошо понимающая литературу и искусство, Воейкова своей личностью произвела на Козлова неотразимое впечатление. Зная его совсем немного времени, она смогла найти те важные слова, которые явились для поэта спасительным утешением. В творческом наследии Козлова можно обнаружить целый ряд произведений, ей посвящённых. Диалог И.И. Козлова с А.А. Воейковой выделяется своим личным доверительным характером. Адресованные ей стихотворные послания порой напоминают исповедь, в которой автор рассказывает о своих переживаниях и мечтаниях, что говорит об особой сердечности и сокровенности связи между двумя родственными душами. Он

называет её «ангелом-утешителем», «святой тенью» и «Светланой», но не из-за баллады Жуковского, а потому что сердцем чувствует её светлую ангельскую душу.

Такой же исповедальный и сердечный характер носило общение И.И. Козлова с Анной Григорьевной Хомутовой, автором нескольких повестей и стихотворений, адресатом стихотворных посланий И.И. Козлова («Другу весны моей после долгой-долгой разлуки» (1838)) и М.Ю. Лермонтова («А.Г. Хомутовой» (1838)).

И.И. Козлов и А.Г. Хомутова были знакомы задолго до болезни поэта. Она приходилась ему двоюродной сестрой и другом. Однако известно, что А.Г. Хомутова испытывала к Козлову сердечные чувства. Её племянница, Е.И. Розе, отмечает: «Одна из самых сильных ее привязанностей в первой молодости была к двоюродному брату, поэту-слепцу Козлову. Сходство в пылкости характеров, в любви к поэзии, в сочувствии ко всему высокому их тесно связывало. Они оба были молоды, счастливы и часто вместе увлекались светскими веселостями; но, когда страстная любовь запала в душу Козлова [к С.А. Давыдовой, впоследствии его жене] и долго, отчаянно его волновала, Анна Григорьевна сделалась ему постоянным, неизменным другом-утешителем, со всею женственною преданностью»²⁶¹. В 1812 г. они расстались почти на двадцать лет.

Их встреча после долгой разлуки произошла лишь в 1838 г. Она произвела на Козлова сильное впечатление: это не только встреча с другом, это встреча с самим собой, но здоровым и счастливым. Воспоминания о прошлом, сильное эмоциональное впечатление послужило источником для написания стихотворения «Другу весны после долгой, долгой разлуки» (1838), посвящённого А.Г. Хомутовой. Уже в самом названии автор удвоением слова «долгой» подчеркивает, как давно он не видел А.Г. Хомутову. Он называет её «другом весны»: именно с этим временем года у него ассоциируется юность, любовь,

²⁶¹Розе Е.И. Анна Григорьевна Хомутова (биографический очерк) / Е.И. Розе // Русский архив. 1867. № 7. С. 1050-1051.

радость, Хомутова. Стихотворение композиционно делится на четыре части. Первая часть посвящена тому чувству, которое возникло при встрече с Хомутовой. Она очень эмоциональная: «О, удались!.. полуживого / В томленьи горестном забудь...»; «Оставь меня!.. О нет... побудь, / Побудь со мною, друг бесценный...» [ПСС: 291]. Автор использует многоточие, через которое передаётся его метание. Он не хочет, чтобы Хомутова видела его таким, и в то же время желает побыть с ней рядом, чтобы вновь пережить свою юность. Встреча с ней пробудила в нём «рой впечатлений» [ПСС: 291] и воспоминаний. Он пытается описать нахлынувшие с её появлением чувства: «Привет надежд, судьбы угрозы, / Волненье чувств, веселье, слезы, / Сердечной бездны глубина / Всё то, чем жизнь мрачна, ясна / И не сказать чего словами, / Что блещет радуги огнями – / Тревоги, нега, пыл страстей – / Воскресло всё в душе моей...» [ПСС: 292].

Во второй части поэт говорит о себе. Он вспоминает Москву, в которой прошло детство и юность («Прелестный край, где начал жить...» [ПСС: 292]), свои прогулки по Воробьевым горам и побережью Москвы-реки, где он любил бродить, предаваясь мечтам и размышлениям («Обворожало где раздумье...» [ПСС: 292]). Но самые яркие впечатления связаны с любовным чувством и «сердечным безумьем» («Где жизнь лишь тем хотел ценить, / Чтоб быть любиму и любить...» [ПСС: 292]). И.И. Козлов с волнением вспоминает те часы, которые они проводили вместе с А.Г. Хомутовой: «Бывало, мир в оно сливая, / Сижу, к тебе мой взор склоня...» [ПСС: 292]. Поэт признаётся, что его главным стремлением было любить. В памяти поэта воскресает всеобщая, на которой он молился перед ликом Богородицы о даровании ему возможности любить и быть любимым. И он обрёл желаемое: «Сбылись, сбылись мечты молодые, – / И мне мелькнули дни златые, / И радость мне была дана!..» [ПСС: 292].

Третья часть посвящена непосредственно самой А.Г. Хомутовой. Поэт называет её «верной в печали» и «участницей его весны». Он не даёт внешнего портрета адресата, не приводит сравнения с цветами, как в других посланиях к женщинам-современницам. Здесь нет романтических клише и восхваления её добродетелей. Козлов только отмечает необыкновенное женское очарование

Хомутовой, благодаря которому она никогда не была обделена мужским вниманием.

В последней четвёртой части описано примирение И.И. Козлова со своей судьбой. Он успокаивает А.Г. Хомутову, понимая, что той трудно видеть его в таком положении: «Мой друг! Быть может, мрак унылый, / Который жизнь мою страшит / Тебя страшит, – но тайной силой / Мою он душу озарил» [ПСС: 293].

Автор уверяет адресата в том, что не «убит судьбою». Боль и страдания никуда не делись, но он научился с ними жить («Поладить с горем я умел...» [ПСС: 293]). Как и много лет назад, так и сейчас смысл его жизни заключается в любви: «Все сердце любит, что любило, / Всё так же, тем же хочет жить...» [ПСС: 293]. Но только сейчас Козлов познал ценность божественной любви и милосердия, выйдя совершенно на другой уровень мирозерцания: он почувствовал любовь Бога к нему: «Любовь вдали земных тревог – / Краса блаженств, – в любви сам Бог!» [ПСС: 293].

Стихотворение, которое И.И. Козлов посвятил А.Г. Хомутовой, очень трогательно, лирично и исповедально. В нём много боли и печали, но есть и принятие своей судьбы. Поэт не жалеет о той жизни, которую прожил, и просит Хомутову не жалеть его. Болезнь открыла ему любовь – к Богу, жизни, семье, друзьям, творчеству.

Несмотря на то, что стихотворение посвящено А.Г. Хомутовой, центральным образом произведения является не сам адресат, а то чувство, и переживания, которые испытал И.И. Козлов при встрече с ней: юность, любовь, счастье, волненье, прогулки, молитва Богородице, раздумья о жизни, пробуждение вдохновения. Это стихотворение созвучно с пушкинским стихотворением «К ***<КЕРН>» («Я помню чудное мгновенье...», 1825), тютчевским «К.Б.» («Я встретил вас – и все былое...», 1870).

Стихотворение «Другу весны после долгой, долгой разлуки...» И.И. Козлова, воспоминания А.Г. Хомутовой об их встрече потрясли М.Ю. Лермонтова. Он откликнулся на это событие своими строками. В том же, 1838 г., появляется стихотворение «А.Г. Хомутовой» (1838). М.Ю. Лермонтов

очень чутко почувствовал и передал, что пробудила в душе И.И. Козлова встреча с А.Г. Хомутовой. Её речь, голос, взор оживили воспоминания поэта о счастливом беззаботном прошлом: «Тогда признательную руку / В ответ на ваш приветный взор, / Навстречу радостному звуку / Он в упоении простер...»²⁶².

Автор становится случайным «поверенным» «надежд и дум» И.И. Козлова. Он понимает, что их давняя история любви была неслучайной. Он верит, что А.Г. Хомутову ждёт благословение небес, потому что она одним своим появлением облегчила страдания человека, на мгновение забывшего о недуге и трагедии жизни и воскресившего счастливое прошлое.

В 1830-х годах И.И. Козлов тесно общается с Авдотьей Ивановной Голицыной, урождённой Измайловой. Это одна из красивейших женщин своего времени, хозяйка литературного салона, который посещали Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков. А.С. Пушкин посвятил ей два стихотворения: «Краев чужих неопытный любитель...» (1817) и «Кн. Голицыной, посылая ей оду "Вольность"» (январь-февраль 1818). В обществе её называли «Princesse Nocturne» («ночная княгиня»), «Princesse Minuit» («княгиня полуночи») и Пифией. И.И. Козлов отзывался о ней с трогательностью и уважением: «...elle a le ciel dans son coeur» [Дневник:18] (небо в её сердце), признаваясь на страницах дневника: «она как мать для меня (10 января 1832 г.)» [Дневник:17-18]. А.И. Голицына в какой-то степени взяла поэта под свою опеку, часто навещала его, вела с ним долгие беседы, поддерживала в минуты отчаяния. Её визиты отмечены в дневнике Козлова: «Приехала милая княгиня Голицына. Для меня это было истинным счастьем <...>. Мы много беседовали <...> Жуковский и кн. Голицына сделали для меня этот день действительно отрадным и прекрасным (10 января 1832 г.)» [Дневник:17-18]; «Я чувствовал себя плохо. Княгиня Голицына пришла в мою комнату. Её дружба – благодеяние для меня <...>. В Великий Четверг (день причастия), в великий праздник Светлого Хр. Воскресения, в день

²⁶²Лермонтов М.Ю. <А.Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...») / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832– 1841 / М.Ю. Лермонтов – М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 115.

именин дочери моей – она оставалась у меня долго и была все так же благочестиво-добрая, утешающая, услужливая» [Дневник:24]. Она часто навещала его вместе со своей сестрой – графиней Растопчиной. В дневнике И.И. Козлова есть запись от 15 сентября 1837 г.: «Княг. Голицына была со своей сестрой, граф. Растопчиной, женщиной высокого благочестия: она святая, и пылкая миссионерка...» [Дневник: 25].

Поэт посвятил А.И. Голицыной «Стансы» на французском языке. Они были опубликованы в «Русском архиве» (№2, 1886 г., С. 201-202) вместе с русским переводом, который был осуществлён, вероятно, самим автором, так как в них угадывается авторский стиль и художественная манера изложения.

«Стансы» состоят из пяти строф, каждая строфа – законченная мысль автора. Тема произведения очень созвучна с той молитвой, которую княгиня Голицына подарила Козлову. Молитва записана в дневнике поэта: «Дочь моя перечитывала мне чудную молитву, которую она дала мне: «*Forcez nous Seigneur à être heureux malgré nous mêmes* (2 мая 1837 г.)» [Дневник: 24] («Боже, заставь нас быть счастливым вопреки нам самим»). Стихотворение не имеет датировки, но, судя по всему, оно было написано в последние годы жизни поэта. Если в ранних стихотворениях Козлова центральным образом был разбитый бурей «беспарусный челнок», то здесь появляется образ корабля, полного сил, беспечно движущегося вперёд по морским волнам. Бушующие волны судьбы, стихия остались – боль и страдание тоже, но изменилось отношение к ним. Поэт научился управлять своим кораблём, научился думать о хорошем, научился быть счастливым, к чему и призывала его Голицына своей молитвой. На контрасте выступают описания болезни и мучений поэта в раннем и позднем творчестве. В послании «К другу В.А. Жуковскому. По возвращении его из путешествия» (1822) они носили характер трагичности и безысходности: «Угас, угас луч светлый дня, / И сердце кровью обливалось, / И всё в грядущем для меня / Как бездна гибели являлось. / Навеки окружен я тмой!» [ПСС: 65]. Спокойно и безбоязненно он говорит о своих страданиях сейчас: «Люблю я с шумом грозных волн / Сливаться

души моей стенанья; / И, среди ночи, грусти полн, / Свою же слышать песнь
страданья!» [ПСС: 432].

Поэт бесстрашно движется «по грозной прихоти морей», потому что знает, что стихия не погубит его, он доплывет до берега.

В «Стансах», посвящённых А.И. Голицыной, нет описаний адресата, главная идея автора – показать изменившееся отношение к себе и своему недугу. Здесь представлено совершенно иное, отличное от раннего творчества, осмысление поэтом себя и своей трагедии: «И мне не страшны той порой / Крушенья, бури, непогоды; / Мирюся я с своей судьбой, / И милы мне мои невзгоды!» [ПСС: 432].

Поэт искренне благодарил Голицыну за участие в его судьбе: слова поддержки, частые визиты, дружбу. Он удивлялся её способностью каждый раз находить для него новые слова ободрения. В зрелом возрасте княгиня Голицына стала религиозна и набожна, поэтому многие её слова носили религиозно-философский характер. Поэт порой специально записывал их дословно, переносил в свой дневник, чтобы потом вновь перечитать и обрести спокойствие: «Ежедневный крест – есть ежедневный, насущный хлеб христианина», – сказала она мне. Её спокойствие, полное любви – всегда для меня нравственная помощь и поддержка, когда я грустен и возбужден» [Дневник: 24]. В дневниковой записи от 7 июня 1837 г. он записал слова, сказанные ему княгиней в этот день: «Княгиня Голицына сказала мне ещё: «Мы по-настоящему жили именно в тот день, когда мы все более страдали» [Дневник: 24]. Эта, на первый взгляд, светская дама тонко чувствовала истинную основу христианства, горячо верила в Бога и сострадала ближним.

Княгиня навестила поэта за несколько дней до его кончины. 18 января 1840 г. он отметил в своём дневнике: «Княгиня Голицына (C-sse Alexis G.). Эта святая женщина своей строгой положительностью умягчает сладость христианского милосердия; однако она всегда имеет святое влияние на мою душу, и я её люблю и почитаю чрезвычайно. Моя легенда её шокировала <...>. Я лёг спать в вере, надежде и любви к моему Спасителю» [Дневник: 33]. Речь идёт о

«Легенде» (1840), написанной поэтом почти за месяц до смерти. Основная его тема – спасение души через главную заповедь Христа: возлюби Господа Бога и возлюби ближнего твоего, как самого себя. В стихотворении рассказывается о святой обители, в которой монахи молились о спасении души. Они смиренно и благочестиво несли своё служение. Но один инок выделялся своей кротостью и неустанной горячей молитвой: «Зари луч огнистый едва заблестит, / А он уж в пустыню молитвой летит...» [ПСС: 304]. Многие сравнивали его с преподобным Павлом Фивейским, образцом монашества и аскетизма. Появление португальца с прекрасной женой изменило привычную жизнь обители. Инок, увидев прекрасную Инессу, не смог устоять. Охваченный страстью, он похищает жену португальца, увозит её и прячет среди турок: «И веру забыл он, и, в пагубной тме, / Меж турок живет он и ходит в чалме» [ПСС: 304]. Не вытерпев мук совести, через семь лет он возвращается в обитель и кается в своём страшном грехе. Настоятель собирает братию на молитву об иноке, которая длится три дня и три ночи, но божественного знака о прощении нет: «Но ах! Ни днем светлым, ни в мраке ночей / Христос не являет им воли своей!» [ПСС: 305]. Тогда настоятель берет страшный грех инока на себя, спасая его и тем самым спасает себя:

И волю святую Спаситель явил –
 В лучах милосердный явился.
 «О старец! Молитва святая твоя
 Мне в сердце проникла, в ней заповедь вся;
 И ею подобен ты мне самому,
 Любовью твоею прощаю ему!» [ПСС: 305]

Здесь отражена главная заповедь христианства: «Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12:29-31). Именно в этой заповеди Козлов видит спасение для себя. Возможно, своим двадцатилетним страданием и покаянием он искупил грехи свои и, возможно, даже близких.

Не случайно сюжет «Легенды» «шокировал» княгиню Голицыну. Иллюстрационный материал неоднозначен: здесь много неправдоподобного. Но автору идея важна была больше, чем сам сюжет. Кроме этого, следует подчеркнуть литературность «Легенды». Обращение И.И. Козлова к романтическим образам «африканских диких гор», далекой «святой обители», прекрасной Инесы свидетельствует о том, что до конца своей жизни он остаётся поэтом-романтиком.

Княгиня оценила другие произведения поэта, о чём свидетельствует его дневник: «Моя большая молитва ее тронула, равно как и малая» [Дневник: 33]. Незадолго до смерти И.И. Козлов написал стихотворение «Молитва» (3 декабря 1839 г.), которое по своей форме напоминает сонет. В нём он говорит о покаянии и спасении души. Ориентирами в духовной жизни для поэта становятся Магдалина и Иоанн Богослов. Теперь свои страдания он несет не только безропотно, но даже с благодарностью: «Не страшны мне мои страданья: / Они залог любви святой...» [ПСС: 303]. Козлов чувствует свою близкую кончину, но не боится её; просит у Бога только одного: «Дай мне донести венец мой тленный / Под игом тяжкого креста / К ногам Спасителя Христа» [ПСС: 303].

Стихотворение, которое княгиня Голицына назвала «большой молитвой» [Дневник: 33], написано в 1833 г., опубликовано с заголовком «Моя молитва». Центральный образ – образ Бога, который в восприятии Козлова «Творец всего», «Спаситель», «Крушитель зла», «Судья верховный», «Царь миров» и «Вечный Бог» [ПСС: 225-226]. Здесь также звучит тема покаяния, прощения, спасения и святой Божьей любви. По сути, стихотворение «Молитва» 1839 г. стало лаконичным и зрелым осмыслением поэтом своего духовного опыта, отражённого ещё в стихотворении «Моя молитва» (1833).

Общение И.И. Козлова с А.И. Голицыной носило духовно-религиозный характер. Они много беседовали о христианстве, нравственности, истинном благочестии. Он посвятил ей стихотворение «Стансы», в котором выразилось зрелое и осмысленное отношение к жизни, к самому себе и к своей трагедии. Княгиня в свою очередь подарила ему молитву, через которую призывала поэта

быть счастливым даже в том положении страдания и мученичества, в котором он пребывал много лет.

Близким другом И.И. Козлова была Татьяна Семёновна Вейдемейр, урождённая Херхеулидзева, в литературных кругах известная как Темира. Она интересовалась литературой и переводческой деятельностью, была знакома с А.С. Пушкиным, дружила с его сестрой – О.С. Пушкиной. Её воспел А.А. Дельвиг в стихотворении «К Темире» (1815), описал А.Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» (1814-1830), причем часть, посвященная «Женскому отделению» была написана по просьбе Т.С. Вейдемейер²⁶³.

Она была частым гостем в доме Козловых и активной участницей литературных бесед, о чем свидетельствуют дневниковые записи поэта: 7 мая 1825 г. «Были Алекс. и Сергей Тургеневы, Жуковский и г-жа Вейдемейер, и Ал. Перовский» [Дневник: 14]; 3 июля 1830 г. «Г-жа Вейдемейер читала мне Вальтер Скотта» [Дневник: 15]. Она бывает почти ежедневно и занимает меня долгим и разнообразным чтением» [Дневник: 15]; 20 марта 1830 г. «Г-жа В. (Вейдемейер) прочла мне великолепный отрывок из Жуковского о Карамзине и чудное письмо нашего славного историографа графу Каподистрии» [Дневник: 21]; 28 декабря 1839 г. «Г-жа Вейдемейер. Я с нею занялся своей легендой» [Дневник: 31]. О тесном дружеском, даже родственном общении И.И. Козлова, В.А. Жуковского и Т.С. Вейдемейер свидетельствуют и письма Жуковского к Козлову: «Обнимаю тебя, твоих и Темиру, от которой также прошу письма. Она очень меня одолжит» (Эмс, 15 июля 1827); «Обнимаю детей, дружеский поклон всем нашим знакомым, милой Темире и Софье Андреевне» (Эмс, 8 августа 1827); «Татьяну Семеновну обнимаю» (Верне, 27 января 1833); «Кланяйся своим домашним и любезной Татьяне Семёновне» (Турин, 9 февраля 1839 г.)²⁶⁴.

Т.С. Вейдемейер в 1827 г. И.И. Козлов посвятил перевод стихотворения «Вечерний звон». Оригинал «Those evening Bells» (дословно – «Те вечерние

²⁶³Кошелев В.А. Татьяна Ларина и «Русская традиция». (К постановке вопроса) / В.А. Кошелев // Проблемы современного пушкиноведения. 1991. С. 34-35.

²⁶⁴Жуковский В.А. Письмо И.И. Козлову от 27 января 1833 г. / В.А. Жуковский // Русский архив. 1867. № 1-12, кн. 1-3. С 832-842.

колокола») принадлежит перу ирландского поэта Томаса Мура, который включил произведение в цикл «Russian Airs» («Русские песни»). У стихотворения был подзаголовок: «Air: The bells of St.Petersburg» («Мелодия: Колокола Санкт-Петербурга»). Перевод И.И. Козлова был опубликован в 1828 г. (Цензурное разрешение было получено 3 декабря 1827 г.). Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева отмечают: те обстоятельства, что поэт при публикации стихотворения не указал, что это перевод, и то, что он посвятил его Т.С. Вейдемейер, «позволяют предполагать, что Козлов считал «Вечерний звон» вполне оригинальным авторским произведением, выросшим из художественного преломления творческих находок Т. Мура»²⁶⁵. Сразу после появления текста в печати А.А. Алябьев положил музыку на стихи. Романс «Вечерний звон» вскоре приобрел огромную популярность.

Главная идея стихотворения – жизнь и смерть. Автор приходит к пониманию того, что ничего нет вечного на земле: «В долине ветер разнесет; / Другой певец по ней пройдет, / И уж не я, а будет он / В раздумье петь вечерний звон» [ПСС: 125].

Центральный образ – колокольный звон. В православной традиции ему отводится особая роль: он не только сообщает верующим о начале богослужения, но и служит выражением общего ликования и торжества от праздника или грусти от печальных событий. В стихотворении «Вечерний звон» Козлова описывается колокольный звон перед началом Всенощного бдения. Первая строчка произведения напоминает мерный удар в большой колокол – именно так ознаменовывается благовест. Далее протяжный удар сменяется звоном – радостным звоном во все колокола в три приема. У Козлова этот меняющийся звук отразился в трёх строфах. Первая строфа передаёт звук главного колокола. Это навевает ему воспоминания о детстве, проведённом в отчем доме. Второй звон вызывает у автора грусть и тоску: не дано поэту больше «видеть светлых дней» и тех, кого навеки окутал «могильный сон». В третьей строфе он говорит о

²⁶⁵Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Томас Мур и И.И. Козлов: диалог культур // Известия УРГУЮ. Серия «Филология». № 52. С. 102.

том, что у всего есть конец, и вот уже ему суждено «лежать <...> в земле сырой». Стихотворение мелодично, написано в минорной тональности.

Общение И.И. Козлова и Т.С. Вейдемейер было продолжительным (более 10 лет) и насыщенным, о чем свидетельствуют дневниковые записи поэта и письма В.А. Жуковского. Они читали друг другу произведения, обсуждали, делились впечатлениями. Характер и тематика бесед, посвящённое Т.С. Вейдемейер стихотворение «Вечерний звон» свидетельствует о том, что их диалог носил литературный, религиозный и философский характер.

В 1820-30-е годы культура салонного общения Петербурга была развита особенно. Она переживала подъём, развивалась в различных областях и направлениях искусства. Палий Е.Н. отмечает, что «деятельность дворянско-аристократической интеллигенции в России (в том числе и благодаря салону) способствовала последующему мощному культурному и художественному развитию страны»²⁶⁶. И.И. Козлов, будучи человеком, ценящим искусство, одаренным музыкальным слухом и эстетическим вкусом, и после случившейся с ним трагедии не остался в стороне от культурной жизни столицы. Показательным является диалог И.И. Козлова с одной из хозяек литературной гостиной Петербурга – Дарьей Фёдоровной Фикельмон, урождённой Тизенгаузен. Она создала свой салон, о котором П.А. Вяземский писал: «Вечера <...> графини Фикельмонт неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать...»²⁶⁷. Кроме этого, графиня Фикельмон обстоятельно вела дневник на французском языке с 1829 по 1837 г., который впоследствии стал уникальной хроникой пушкинского Петербурга. В нём содержатся сведения, касающиеся дуэли и гибели А.С. Пушкина, подробная характеристика тех, кто составлял его окружение. Кроме этого, дневник обладал ещё одним достоинством: прекрасным авторским стилем и художественностью речи, что позволило ему стать своеобразным литературным памятником пушкинской эпохи.

²⁶⁶Палий Е.Н. Салон как феномен культуры России XIX века: Традиции и современность: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 / Е.Н. Палий. М., 2008. С. 3.

²⁶⁷Вяземский П.А. Старая записная книжка / П.А. Вяземский; [составление, статья и комментарий Л.Я. Гинзбург]. Л., 1927. С. 238.

Нет точных указаний, когда могло произойти знакомство Козлова и графини Фикельмон; в её дневнике нет ни одного упоминания о поэте. В записях И.И. Козлова 1830-х гг. имя Долли Фикельмон, как называли её в обществе, встречается не единожды. В записи от 30 сентября 1837 г. отмечен визит самой графини: «Графиня Фикельмон выказывает мне нежность, чарующую мое сердце. Она умно говорит обо всем – рассказывает много чудного» [Дневник: 25]. И.И. Козлов сразу даёт своей собеседнице точную характеристику: она обладает острым умом, широким кругозором и добрым сердцем.

Козлов посвятил ей четыре стихотворения: стихотворение на итальянском языке «Alla contessa Fiquelmont» (год не указан), стихотворение на английском языке «To countess Fiequelmont» (год не указан), «Сон» (1832), «К***» (1838). Русский перевод первых двух стихотворений, по мнению И.Д. Гликмана, осуществлён самим автором, так как «в них легко обнаруживается художественная манера Козлова, особенности его стиля»²⁶⁸. Но, возможно, перевод был осуществлён кем-то по просьбе А. Хомутова, впервые опубликовавшего иноязычные стихи поэта в «Русском архиве» («Alla contessa Fiquelmont» – «Русский архив» №2, 1886 г., С. 202; «To countess Fiequelmont» – «Русский архив», №3, 1886 г., С. 309), так как кажется не совсем обоснованным то, что автор осуществил перевод произведений, которые намеренно создавались на итальянском и английском языках.

Объяснить то, что стихи написаны на итальянском и английском языках, можно тем, что И.И. Козлов, во-первых, хорошо знал, что Д. Фикельмон после многолетнего проживания за границей, в основном говорила на европейских языках (в совершенстве владела итальянским и французским языками), во-вторых, чтобы подчеркнуть светский характер общения.

Первое стихотворение «Alla contessa Fiquelmont», написанное на итальянском языке, является образцом светской поэзии и по своему жанру напоминает мадригал. В первой строфе показано восприятие поэтом графини: она

²⁶⁸Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 488.

для него «стройна», «прекрасна», общительна («звезда приветная»). Во второй строфе И.И. Козлов сожалеет, что не может видеть её красоты, но заверяет, что представляет графиню в своём воображении.

Второе стихотворение «To countess Fiequelmont», сочиненное на английском языке, представляет собой дружеское послание, о чём свидетельствует более тёплый и сердечный тон автора. По всей видимости оно является ответом на переданный И.И. Козлову привет от графини («Так твой мне дружеский привет / В разбитом сердце мир вселяет» [ПСС: 434]). В дневнике поэта находится подтверждение этому: «Был молодой граф Литта и много говорил о Манцони, он же передал мне много приятного от имени гр. Фикельмон... (12 января 1833 г.)» [Дневник: 17]. В этом стихотворении поэт сравнивает графиню с розой «среди пустыни», тем самым выделяя её среди других светских дам. Он желает ей «любви, красоты, благословенья», благодарит за то, что в его судьбе она «прошла как ангел утешенья».

17 декабря 1830 г. И.И. Козлов в дневнике отметил: «Я послал свое Мечтание (Reve) графине Фикельмон» [Дневник: 17]. В примечании к этой записи К.Я. Грот пишет: «Стихотворение «Мечтание» о Наполеоне» [Дневник: 17]. Есть основание предполагать, что К.Я. Грот мог ошибаться, и поэт в своём дневнике говорит не о стихотворении «Мечтание», а о стихотворении «Сон». Стихотворение «Мечтание» было написано в 1832 г., а запись сделана поэтом 17 декабря 1830 г. Причиной его создания стала весть о смерти сына Наполеона Бонапарта – Франца, герцога Рейхштадтского (1832), в 1830 г. он был ещё жив. Свидетельств того, что поэт пишет именно о нём не зафиксировано, но в самом тексте есть прямые отсылки на «тень его отца» – Наполеона Бонапарта: «дым московского пожара» [ПСС: 221], «прежних битв победный шум», «неслись чрез дальний океан / К нему на гробовой курган...» [ПСС: 222] (место погребения Наполеона на острове Святой Елены).

Скорее всего, И.И. Козлов имеет в виду стихотворение «Сон», которое было опубликовано в «С-Петербургском вестнике» в 1831 г. (№ 16. С. 50-53), где есть помета о том, что оно адресовано Д. Фикельмон. Интересным является то

обстоятельство, почему в своём дневнике он даёт ему заглавие «Мечтание». В словаре языка Пушкина слово «мечтанье» означает «состояние воображающего, размышляющего о чем-нибудь»²⁶⁹, а также «сновидение, видение, призрак»²⁷⁰. Указанное в скобках французское слово «Reve» переводится как сон, что вновь подтверждает, что именно стихотворение «Сон» подразумевает в дневнике поэт.

В комментарии К.Я. Грота допущена фактическая ошибка, но в идейном плане его версия справедлива. В стихотворении «Мечтание» поэт описывает трагическую кончину сына Наполеона Бонапарта, скончавшегося в возрасте 21 года от туберкулёза («Исчез в боренье роковом, / Как дым московского пожара...» [ПСС: 222]). Стихотворение посвящено сыну Наполеона, но в нём присутствует и образ его отца («И тень колосса утешали...» [ПСС: 222]), который узнаёт о смерти сына: «Теперь в могиле он узнал, / Как бедный сын его увял...» [ПСС: 222]. «Судьба сына – последний удар славе Наполеона. Автор сочувствует, но не отцу, а сыну, называет его «бедным»: всю его недолгую жизнь он был лишь тенью великого отца. Быть сыном Наполеона, быть всегда в тени славы, – определило его судьбу: Наполеон II никогда не будет ему подобен.

И.И. Козлов знал, что графиня с симпатией относилась к личности Наполеона II. В дневниковой записи от 28 февраля 1829 г. Долли Фикельмон отмечает красоту герцога Рейхштадского, его благородное лицо, прекрасные глаза, в которых «невозможно прочесть его будущее, <...> написано так много, что просто не знаешь, следует радоваться или же трепетать за него»²⁷¹. Она не разделяла негативных отзывов и насмешек в его адрес: «Едва ли кому в будущем придёт в голову считать Наполеона лишь только чудовищем и варваром, также не следует и на сына перекладывать ответственность за злосчастный рок, поборовший в отце гения»²⁷². И.И. Козлов солидарен с ней. Он вспоминает

²⁶⁹Словарь языка Пушкина: в 4 т. [Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов]. Т.2. 3-Н. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. С. 573.

²⁷⁰Там же. С. 574.

²⁷¹Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М.: Минувшее, 2009. С. 39.

²⁷²Там же. С. 47.

последние слова самого герцога о себе: «Увы! Лишь скажут про меня, / Что родился – что умер я!» [ПСС: 222].

И Козлов, и Фикельмон сочувственно относились к судьбе сына Наполеона. Узнав о его кончине, графиня 1 августа 1832 г. отметит в своём дневнике: «Он подавал надежды, но угас так рано <...>. Его участь в отблеске грандиозной судьбы отца волновала всех...»²⁷³. Поэт в том же году напишет стихотворение «Мечтание», которое, возможно, могло быть адресовано Д. Фикельмон. Он видел в ней не только светскую даму, переживающую смерть герцога Рейхштадского, но и внуку фельдмаршала М.И. Кутузова. 1832 г. – 20-летие со дня начала Отечественной войны и Бородинского сражения, год смерти единственного законного сына и наследника Наполеона Бонапарта.

Посвящённое И.И. Козловым графине Фикельмон стихотворение «Сон» в Полном собрании сочинений поэта 1960 г. датировано <1832> г. [ПСС: 188-191]. Сам И.Д. Гликман, подготовивший это издание, отмечал, что большая часть сочинений Козлова не имела датировки, поэтому в угловых скобках обозначался «год, не позднее которого, по тем или иным сведениям, написано данное произведение, в том числе и год первой публикации»²⁷⁴. В связи с этим дневниковая запись поэта от 17 декабря 1830 г, первая публикация стихотворения «Сон» в «С-Петербургском вестнике» в 1831 г. свидетельствует о том, что оно было написано в 1830 г. Скорее всего, поводом для его создания явился реальный сон поэта, в котором он увидел Д. Фикельмон. Стихотворение делится на три части. Первая часть – это сон, имеющий литературный подтекст. В нём он увидел ад, описанный Данте в «Божественной комедии». Вместе с ним Козлов путешествует по кругам «страны мученья», где видит «плач и вопль» «страдальческих теней». На шестом круге им встречается «мятежник горделивый» Фарината дельи Уберти, на девятом – Уголино делла Герардеска, мечтающего отомстить Руджиеру за смерть детей («злодея череп гложет»).

²⁷³Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 227.

²⁷⁴Там же. С. 442.

Внезапно перед их взором предстает «в слезах чета прекрасная, младая» – Франческа и её возлюбленный Паоло, погибшие от рук мужа Франчески: «Погибло все – и юность, и краса, / Утрачены Франческой небеса!» [ПСС: 189]. Интересно, что во сне сюжет из «Божественной комедии» Данте Алигьери переплетается с сюжетом из романа «Рыцарь телеги, или Ланселот» французского писателя Кретьена де Труа. Поэт вспоминает историю любви рыцаря Ланселота к королеве Джиневре: «Как Ланселот томился страстью нежной. / Бледнели мы, встречался взгляд мятежный...» [ПСС: 189]. История любви Франчески и Паоло, Ланселота и Джиневры для И.И. Козлова являются зеркальными: возлюбленные поддались греховной страсти и за это попали в ад.

Во второй части стихотворения поэту снится второй сон, который на этот раз оказывается «чудесным». Он видит замок, в котором «всё блещет и горит», играет музыка и резвится «нежный хор красот молодых». Неожиданно появляется графиня Фикельмон в образе Франчески из первого сна. И.И. Козлов может детально описать её внешний облик: прекрасная дева с «пленительными очами», с «улыбкою стыдливой на устах...», в чёрном бархате с «богатою узорной бахромой», поясом цвета радуги, шелковистыми локонами и жемчугом на груди.

В третьей части стихотворения поэт пробуждается. Несмотря на чудесность второго сна, ему мерещится «то страшное, что было в первом сне» [ПСС: 190]. Он начинает молиться за графиню, прося Творца о даровании ей счастливых дней, радостной жизни и «любви невинности святой», под которой И.И. Козлов понимает не пыл страстей, а любовь матери к младенцу: «Как чувство то, с каким тебя лаская, / Младенец-дочь смеется над тобой» [ПСС: 191]. Поэт желает графини найти своё счастье в материнстве.

Стихотворение «Сон» интересно литературным контекстом, в который погружается даже не сам поэт, а его сознание. И.И. Козлов видит себя во сне вместе с Данте, который является его проводником в «стране мученья» [ПСС: 188]. Обращают на себя внимание две зеркальные истории о страстной греховной любви героев. Важен выход, который предлагает поэт – материнская любовь.

Через несколько лет И.И. Козлов адресует дочери графини Елизалекс (Елизавете-Александре) Фикельмон стихотворное послание «Милой дочери графини Фикельмон» (23 апреля 1837 г.), прозвучавшей, как песня-благословение юному созданию (девочке на тот момент было 12 лет). Уже в названии автор подчеркивает душевность, которая исходит от этой девочки. Поэт видит её сердце: оно чистое («Блестящая чистотой небесной...»), доброе («Отрада есть добро творить...»), невинное («Сияй, невинностью пленяя...»), полное «чувств святых». Он слышит её робкий нежный голос, называет её «лилеей молодой», «звездой надежды и любви», радостью «семьи благословенной», милым ангелом, слетевшего с небес, чтобы «облегчить венец терновый» страдальца. Поэт даёт девочке наставление: цвести, сиять, радовать, быть «красой-душою», подобно матери, и не забывать певца, молящего Творца о её счастливом будущем: «Да сбудется любви мой / Молитва вечная с тобою...» [ПСС: 291].

В 1838 г. И.И. Козлов посвятит графине Фикельмон послание «К***» (1838), по своему характеру напоминающее стихотворение-ободрение, стихотворение-сочувствие. После многолетнего проживания в Италии холодный и сырой климат северной столицы оказался неподходящим для графини: она стала часто и продолжительно болеть. Автор старается поддержать и утешить адресата: мучения неизбежны как для грешников, так и для невинных, бояться не стоит – за неё молятся. Стихотворение строится на контрасте «я – ты», «моё страданье – твоё страданье». В своих мученьях он видит закономерность: к ним привёл его «огонь страстей»; её страданье поэт считает несправедливым – она чиста и невинна, как «эфирный ангел любви». Автор задаётся вопросом: «Ужели та должна страдать, / В чьём сердце дышит благодать» [ПСС: 296]. Он понимает, что не в силах ничего изменить, поэтому старается ободрить адресата: «Но не страшись: опять день ясный / Проглянет после тмы ненастной» [ПСС: 296]. Важно не отчаиваться и помнить, что страдание – это искупление грехов тех, кого любит Бог: «И мрак, летящий на тобой, / Нам веет тайною святой» [ПСС: 296]. Козлов уверен, что Фикельмон ждёт счастливое будущее, потому что её душа –

обитель: «Тебя лелеет Искупитель! – / Томленье мук пройдет как сон, / Твоя душа – Его обитель, / Везде, всегда с тобою Он!» [ПСС: 296].

В стихотворении присутствует религиозный аспект, поэт делится с Фикельмон своим видением страдания: ему неизвестно, почему болеют люди, но, по его мнению, это свидетельствует о том, что они не оставлены Богом, а «томленье мук пройдет, как сон» [ПСС: 296].

По проблематике произведение носит философско-религиозный характер, но пафос его – оптимистичный: это стихотворение-оправдание страданий, стихотворение-поддержка и ободренье друга в период его болезни.

Общение И.И. Козлова и Долли Фикельмон пришлось на 1830-е годы. Об этом свидетельствуют дневниковые записи поэта и адресованные ей послания. Его учтивое светское отношение к ней, которое отразилось в первом стихотворении-мадригале, переросло в дружеское сердечное отношения.

Ещё одним близким другом И.И. Козлова была княгиня З.А. Волконская, урождённая Белозерская. Она играла значительную роль в культурной жизни России первой трети XIX века. Известная не только на родине, но и в Европе своим удивительным контральтовым голосом, она помимо этого дарования обладала необыкновенной красотой, умом и начитанностью. Самой известной характеристикой Волконской и её салона стала фраза П.А. Вяземского из письма к А.И. Тургеневу о «волшебном замке музыкальной феи», где «мысли, чувства, разговор, движения – всё было пение»²⁷⁵. Лучшие поэты посвящал ей свои произведения. Она и сама писала на русском, французском и итальянском языках.

Нет точных сведений, когда могло произойти знакомство И.И. Козлова и З.А. Волконской. Возможно, оно состоялось в 1813 г. перед отъездом княгини, сопровождавшей Александра I во время его заграничной кампании, или в промежутке между 1817 и 1821 г.: в это время Волконская вернулась в Петербург и оставалась там до 1822 г. Очевидно, что они не могли познакомиться после 1821 г., так как к этому времени поэт окончательно ослеп, а в стихотворении

²⁷⁵Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 6 февраля 1833 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб, 1899. С. 223.

«Княгине З.А. Волконской» И.И. Козлова подтверждается, что он её видел: «Я только помню, что видал / Певицы образ несравненный. / О помню я, каким огнем / Сияли очи голубые» [ПСС: 103]. С момента знакомства общение И.И. Козлова и З.А. Волконской не прерывалось. Когда княгиня уезжала в Москву или за границу, их диалог продолжался в переписке.

И.И. Козлов посвятил княгине Волконской четыре стихотворения, три из них опубликованы: «Княгине З.А. Волконской» (1825), «Плач Ярославны» (1825), «Княгине З.А. Волконской. В ответ на её послание» (1838), «Песнь соловья»²⁷⁶ (дата неизвестна, приблизительно в промежутке с 1830-1838 гг.).

В стихотворении «Княгине З.А. Волконской» (1825) И.И. Козлов представляет своё восприятие её образа. Другие в ней ценят только голос («Мне говорят: «Она поёт – / И радость тихо в душу льётся...» [ПСС: 103]), он же видит в ней нечто большее: «А я, я слез не проливал, / Волшебным голосом плененный...» [ПСС: 103]. Её «образ несравненный» [ПСС: 103] складывается из нескольких особенностей: «волшебный голос», «очи голубые», «чело младое», «кудри золотые». Автор сравнивает её с мелодической и романтической Пери, которая в иранской мифологии символизировала доброе существо в виде крылатой прекрасной женщины²⁷⁷. Образ пери впервые был воспет ирландским поэтом Томасом Муром в поэме «Лалла-Рук» (1817). В поэтическом языке русских романтиков он олицетворялся с девой чарующей красоты: у А.С. Пушкина: «Можно краше быть Мери, / Краше Мэри моей, / Этой маленькой пери...»²⁷⁸ («Из *Barry Cornwall* («Пью за здравие Мери...»), 1830); у М.Ю. Лермонтова: «Как пери спящая мила, / Она в гробу своём лежала...»²⁷⁹ («Демон», 1839). Но первым к нему обратился В.А. Жуковский, осуществив перевод отрывка из поэмы «Лаллы Рук», опубликованный в журнале «Сын Отечества» (№ 20, 1821, С. 243-265) под заглавием «Пери и ангел». И.И. Козлов в

²⁷⁶ Не опубликовано, находится в отделе рукописей библиотеки Гарвардского университета Хоттон (Houghton).

²⁷⁷ Словарь языка Пушкина: в 4 т. [Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов]. Т.3. О-Р. М., 1957. С. 341.

²⁷⁸ Пушкин А.С. Из *Barry Cornwall* («Пью за здравие Мери...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. М.; Л., 1947. С. 259.

²⁷⁹ Лермонтов М.Ю. Демон: Восточная повесть / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Поэмы, 1835-1841. 1955. С. 212.

своём стихотворении даёт отсылку именно к этому произведению. У Жуковского: «Однажды Пери молодая... / Обитель роскоши и мира / Свежа долина Кашемира...»²⁸⁰; у Козлова: «Звучит о Пери молодой / Долины светлой Кашемира...» [ПСС: 103]. Оба поэта созвучны в понимании этого образа.

Именно такой – женщиной неземной, волшебной красоты – представляется И.И. Козлову З.А. Волконская. Её мелодичность он связывает с голосом: «И помню звук её речей, / Как помнят чувство дорогое; / Он слышится в душе моей, / В нем было что-то неземное» [ПСС: 103]; романтичность – с легкостью, воздушностью, автор чувствует в ней состояние полёта: «Она, эфирная, летит, / Чуть озарённая луною...» [ПСС: 104]. Поэт выделяет ещё одну особенность образа княгини: «Звезда любви над ней горит...» [ПСС: 103], тем самым, вероятно, отмечая её отношения с Императором Александром I.

В заключительной строфе И.И. Козлов рисует портрет княгини: «Из лилий с розами венки / Небрежно волосы венчает, / И локоны её взвевает / Душистой ночи ветерок» [ПСС: 104].

Нарисованный автором образ не кажется вымышленным, наоборот, чувствуется некая фотографичность. Есть основания полагать, что именно такой он увидел её и запомнил. Представленный в стихотворении словесный портрет напоминает реально существующий портрет З.А. Волконской, сделанный художником Мюнере в 1814 г. На полотне представлена юная Волконская в лёгком белом платье с нежными кружевами, на голове – венки из нежно-сиреневых и розовых цветов. А.С. Пушкин в 1827 г. посвятил Волконской стихотворение, в котором назвал её «царицей муз и красоты» с «волшебным скипетром вдохновенным», с «двойным увенчанным венком»²⁸¹, символизирующего музыку и поэзию. Восприятие образа З.А. Волконской И.И. Козловым и А.С. Пушкиным совпало. Это стихотворение И.И. Козлова,

²⁸⁰Жуковский В.А. К Филалету Пери и ангел: Повесть / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.4. Стихотворные повести и сказки. М.: Языки русской культуры. 2009. С. 19.

²⁸¹Пушкин А.С. Княгине З.А. Волконской («Среди рассеянной Москвы...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. М.; Л., 1948. С. 54.

посвящённое З.А. Волконской, можно по праву считать гимном красоте и таланту русской певицы.

Те характеристики, которые И.И. Козлов даёт княгине Волконской в стихотворении 1825 г., отмечены им и в дневнике: «Эта прелестная Зинаида высказала мне трогательную нежность. Я ей сказал стихи, ей посвящённые. Она меня восхитила, спев мне арию из *Parsi* и романс *Isolina Veluti*. Она поёт чудесно: голос, молодость, душа, и она пела для меня... Сердце радовалось. Я ей прочёл наизусть «Венецианскую ночь». Она разговаривала со мной с такой грацией, эта мелодичная Зинаида, романтическая Пери!.. (16 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13-14]. Судя по дневниковым записям И.И. Козлова, его отношения с княгиней З.А. Волконской имели очень трогательный и тёплый характер: «Мы вместе пили чай. Затем она отправилась к графине Лебцельтерн, а я пошёл к себе с сердцем, наполненным ею. Она тоже обещала мне навсегда нежную дружбу... (16 апреля 1825 г.)» [Дневник: 13-14]. И своё обещание княгиня сдержала. Известно, что она приняла самое живое участие в судьбе поэта во время его болезни. Бывая в Петербурге, она несколько раз навещала И.И. Козлова, что отмечено в его дневнике: «Вечером приехала ко мне кн. Зинаида Волконская с кн. Софьей Волконской и её дочерью Алиной. Зинаида обнаружила такое трогательное ко мне участие; её дружба для меня – истинное счастье. Наша привязанность, надеюсь, продолжится всю жизнь» [Дневник: 13-14].

З.А. Волконская увлекалась древнерусской историей и литературой. Ей принадлежит историческая повесть «*Tableau slave du cinquieme siecle*» («Славянская картина пятого века»), впоследствии в русском переводе П.И. Шаликова выдержавшая два отдельных издания (М., 1825, 1826), была напечатана в Париже в 1824 г. анонимно...»²⁸². В 1825 г. она стала первой женщиной, удостоенной права избрания в члены московского Общества истории и древностей российских. З.А. Волконская написала четыре новеллы на французском языке – «*Quatre nouvelles*» (1819), драматическое либретто к

²⁸²Сайкина Н.В. Московский литературный салон кн. Зинаиды Волконской / Н.В. Сайкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: М., 2002. С. 118.

собственной театральной постановке «Giovanna d'Arco» (1821), которое впоследствии подарила Пушкину в 1826 г. <...>, и несколько стихотворений. Её новым замыслом стало эпическое сказание о княгине киевской Ольге, являющееся, по словам её сына, А.Н. Волконского, «поэмой в прозе, совокупностью наблюдений народных нравов и обычаев ...»²⁸³.

Видимо, общение И.И. Козлова и З.А. Волконской на темы древней истории и литературы Руси подтолкнуло его на создание стихотворения «Плач Ярославны» (1826). Этот вольный перевод древнерусского текста, написанное в духе романтизма, автор адресует З.А. Волконской. И.Д. Гликман предполагает, что идея о переводе отрывка из «Слова о «Полку Игореве» была подсказана Козлову Жуковским, закончившим перевод всей поэмы в 1819 г.²⁸⁴ Но не менее убедительной является версия о том, что княгиня Волконская напрямую попросила Козлова перевести «Плач Ярославны» на современный русский язык. В связи с этим понятным становится, почему в качестве адресата выступает Волконская, и дата написания произведения совпадает со временем их плотного литературного общения.

Последняя встреча И.И. Козлова с З.А. Волконской произошла, видимо, в 1828 г. П.А. Вяземский в письме И.И. Козлову отмечал интерес княгини к его творчеству и сообщал, что она скоро навестит его: «Я недавно читал наши сонеты на академическом обеде у княгини Зинаиды, которая слушала их с большим удовольствием. Она будет говорить об этом с Вами сама, так как собирается приехать в Петербург»²⁸⁵. В 1829 г. З.А. Волконская навсегда покинула Россию, но её общение с Козловым продолжилось в активной переписке. Оно носило не столько светский, сколько литературный характер. Поэт посылал свои стихотворения, желая услышать её оценку. Мнением З.А. Волконской, как человека, одарённого не только музыкально, но и литературно, он очень дорожил.

²⁸³ Сайкина Н.В. Московский литературный салон кн. Зинаиды Волконской / Н.В. Сайкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: М., 2002. С. 118.

²⁸⁴ Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 454.

²⁸⁵ Вяземский П.А. Письмо к И.И. Козлову от 2 января 1828 г. / П.А. Вяземский // Русский архив. 1886. № 2, кн. 1. С. 177-202.

Исследователь жизни и творчества З.А. Волконской Б.А. Арутюнова-Манусевич отмечает, что в архиве Волконской, который в настоящее время находится в отделе рукописей библиотеки Гарвардского университета, есть несколько томов сочинений Козлова²⁸⁶. Известно, что в 1830 г. поэт послал княгине свою повесть в стихах «Безумная». Об этом свидетельствует графиня А.Г. Лаваль, приходящаяся З.А. Волконской тёткой, в письме И.И. Козлову: «Получила письмо от Зенеиды, она читала Вашу "Безумную"; описание северного сияния ей особенно понравилось; она поручила Вам это сказать и благодарит за память о ней»²⁸⁷. Б.А. Арутюнова-Манусевич в своей книге «Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты», вышедшей на русском языке в 2017 г., приводит неопубликованное ранее и неисследованное литературоведами письмо И.И. Козлова к З.А. Волконской, написанное на французском языке 25 ноября 1825 г.²⁸⁸ В нём поэт благодарит княгиню за «любезное письмо» и за знакомство с Д.В. Веневитиновым, отмечает, что все её письма для него – это «цветы на окне узника»²⁸⁹. Письмо свидетельствует о высокой концентрации их литературного общения. В нём автор рассказывает, чем он занимается, делится своими литературными планами, отмечает любимых авторов: «Мне читали сцены из Годунова, есть места, достойные Шекспира, это настоящий гений»²⁹⁰.

Из письма видно, что Козлов и Волконская в переписке обменивались своими новыми произведениями. Поэт сообщает, что получил из рук Д.В. Веневитинова адресованный ему экземпляр книги Волконской: «Он передал мне Вашу Жанну Д'арк, и, поверьте, вы станете для нас обоих неиссякаемой темой интересных бесед»²⁹¹. Речь идёт о переводе Волконской пьесы Ф. Шиллера «Орлеанская дева», осуществлённый сначала с немецкого на итальянский в 1821 г., затем фрагментарно на русский. Перевод лёг в основу драматического

²⁸⁶ Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты / Б.А. Арутюнова-Манусевич. СПб: Русская культура, 2017. С. 60.

²⁸⁷ Лаваль А.Г. Письмо И.И. Козлову от 10 февраля 1831 г. / А.Г. Лаваль // Русский архив. 1886. Кн. 3-4, № 3. С. 317.

²⁸⁸ Козлов И.И. Письмо к З.А. Волконской от 25 ноября 1826 г. / И.И. Козлов // Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты. СПб, 2017. С. 62-68.

²⁸⁹ Там же. С. 62.

²⁹⁰ Там же. С. 63.

²⁹¹ Там же. С. 62.

либретто к собственной театральной постановке «Giovanna d'Arco» (1821), в которой сама Волконская исполнила главную роль. В октябре 1826 г. она отправила несколько страниц русского перевода А.С. Пушкину, а затем через Веневитинова передала копию этой работы Козлову.

Поэт, в свою очередь, отправляет ей через княгиню Белосельскую экземпляр его «Невесты Абидосской», вышедшей «два дня назад»²⁹². Это уже не первый раз, когда Волконская одна из первых получает опубликованную версию произведения Козлова. В его дневнике от 14 апреля 1825 г. отмечено, что, когда он получил от издателя первые копии своей поэмы «Чернец. Киевская повесть», то первый экземпляр отдал жене, а второй – «княгине Зинаиде» [Дневник: 13].

Кроме этого, в письме И.И. Козлов просит З.А. Волконскую высказать своё мнение относительно главной героини поэмы «Абидосская невеста»: «Что Вы думаете о моей Зулейке...»²⁹³. Ему нужно и важно её мнение: он видит в ней человека, понимающего литературу, чувствующего стиль и слог произведений, подчёркивает «грациозность выражений»²⁹⁴ княгини. Под словом «грациозные» автор, скорее всего, подразумевает «остроумные» (у А.С. Пушкина: «Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титул поэта, нежели все его драматические произведения»²⁹⁵.)

В конце письма автор интересуется здоровьем княгини Софии Волконской и её дочери, признаётся адресату в искренности его дружеского чувства: «А я, сердечно и душевно, с искренним уважением на всю жизнь Ваш Козлов»²⁹⁶.

Это неопубликованное письмо И.И. Козлова к З.А. Волконской свидетельствует о тесной переписке между ними, показывает характер дружеский и одновременно литературный характер их общения, проливает свет на творческие планы и интересы поэта в 1828 г. Это является особенно ценным в

²⁹²Козлов И.И. Письмо к З.А. Волконской от 25 ноября 1826 г. / И.И. Козлов // Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты. СПб, 2017. С. 62.

²⁹³Там же. С. 62.

²⁹⁴Там же. С. 62.

²⁹⁵Словарь языка Пушкина: в 4 т. [Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов]. Т.1. А-Ж. М., 1957. С. 550.

²⁹⁶Козлов И.И. Письмо к З.А. Волконской от 25 ноября 1826 г. / И.И. Козлов // Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты. СПб, 2017. С. 62.

связи с тем, что дневниковые записи и письма поэта этого периода не сохранились.

Активное литературное общение И.И. Козлова и З.А. Волконской продолжалось на протяжении многих лет, до самой кончины поэта (1840). В одном из своих писем 1838 г. княгиня Волконская посылает И.И. Козлову стихотворение, ему посвящённое: «Ты арфа страданья, / Ты арфа терпенья – / Ты арфа с душой!..»²⁹⁷

Ключевой образ стихотворения – арфа. З.А. Волконская находит Козлову очень емкое и глубокое сравнение и не хочет отпускать его: слово «арфа» употребляется в тексте четыре раза. Эта метафоричность говорит о Козлове как о поэте-страдальце, поэте терпенья, поэте с душой. Он не сочиняет стихи, а поёт их о мучениях, каждое его стихотворение – молитва: «Твой дух, твои струны / Поют хор мученья; / напев их – аминь!»²⁹⁸ Последние две строфы очень эмоциональны (автор использует два восклицательных знака): «Терпи, моя арфа! / Звучишь ты надеждой, / Пророчишь ты рай!»²⁹⁹. Волконская просит Козлова терпеть, потому что его поэзия – спасения для него. Она отмечает самобытность его голоса – голос страданья: «И ангел скорбящих / Твой голос узнает / И встретит тебя»³⁰⁰.

Подобранный Волконской образ арфы исключительно точен. Он восходит к древнегреческой мифологии (Аполлон изображался с золотой кифарой или лирой), но встречается и на страницах Священного Писания. У А.С. Пушкина в стихотворении «Часы забав иль праздной скуки...» (1830) возникает образ поэта и арфы: «И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе поэт...»³⁰¹. Встречается он в творчестве и самого И.И. Козлова: в стихотворении «Бейрон» (1824) поэт-певец изображался с арфой: «И звон его арфы чудесный...» [ПСС: 88], в стихотворении-фантазии «Венецианская ночь» (1825) – молодая дева сидит в челноке, подле нее – «арфа золотая» [ПСС: 94]; в переводных произведениях:

²⁹⁷Волконская З.А. И.И. Козлову / З.А. Волконская // Утренняя заря. 1839. С. 193.

²⁹⁸Там же. С. 193.

²⁹⁹Там же. С. 193.

³⁰⁰Там же. С. 193.

³⁰¹Пушкин А.С. «Часы забав иль праздной скуки...» / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. М.; Л., 1948. С. 212.

«Волшебных арф при звоне сладкострунном...» [ПСС: 74] («Фея Моргана к Оливьеру», 1822); «С ним арфа – жизни радость...» [ПСС: 77] («Молодой певец», 1823).

З.А. Волконская, обладавшая музыкальным талантом, прекрасно знала всю волшебность звучания арфы (есть основания полагать, что она сама играла на этом музыкальном инструменте), поэтому её стихотворение, посвящённое Козлову, носит очень мелодичный, лиричный и трогательный характер. По своей форме стихотворение необычно: оно написано двухстопным амфибрахийем и напоминает белый стих.

В том же году поэт адресует З.А. Волконской ответное дружеское послание «Княгине З.А. Волконской. В ответ на её послание». Он так же, как и княгиня в качестве ведущего образа выбирает арфу, но строит своё произведение на диалоге «я – ты». У каждой арфы свой голос. Козлов говорит о себе, как об «арфе тревоги», а адресата называет «арфой любви и радости мирной, небесной». Автор отмечает, что он звучит «напевом мятежной тоски», а она поёт «голосом чудесным» [ПСС: 301]. Он сокрушен своей «земною судьбою», но радуется «прекрасной звезде» Волконской, которая ассоциируется у него с «этому прекрасным, нетленным ангелом» [ПСС: 301].

Б.А. Аратюнова-Манусевич в своей книге «Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и ее корреспонденты» (2017) утверждает, что в архиве З.А. Волконской есть ещё одно стихотворение И.И. Козлова, посвящённое княгине, ранее не опубликованное. Произведение имеет заглавие: «Песнь соловья». Датировка отсутствует, но, судя по всему, это произведение позднее. Ведущим является мотив полёта и мечты. Если в ранних произведениях поэт легко в своём воображении переносился в любую точку мира к своему адресату («Лети со мной к Италии прелестной, / Эфирный друг, фантазия моя» [ПСС: 301], «К Италии», 1825), со временем он понимает, что этого сделать невозможно. Он

грустит, что не может быть рядом с Волконской: «Не полететь мне за тобой <...> / Куда всегда заветные мечты / И все желания стремились»³⁰².

Общение И.И. Козлова и З.А. Волконской носило по-родственному близкий и одновременно литературный характер. В адресованных ей посланиях он рисует «обворожительный образ, её романтический облик, её великолепный голос, её оживленный разговор»³⁰³. Их связывало чувство любви к музыке и литературе. Для поэта Волконская была романтической пери, арфой любви и радости, лучистой звездой и прекрасным и нетленным ангелом.

В близком окружении поэта находилась Александра Григорьевна Лаваль, урожденная Козицкая, хозяйка литературного салона, собирательница произведений искусства, благотворительница, одна из самых богатых женщин в России того времени.

С июня 1829 г. А.Г. Лаваль вместе с французским литератором Шарлем де Сен-Жульеном, служившем секретарем и библиотекарем в её доме, издавала газету «Le Furet» («Хорёк», «Проныра»). Газета выходила на французском языке и была рассчитана на аристократическую публику. В ней содержалась информация о новинках французской литературы, рецензии на спектакли. Впоследствии именно в ней будут публиковаться отзывы о произведениях русских писателей. Кроме издательской и переводческой деятельности А.Г. Лаваль активно занималась благотворительностью. На её средства была построена церковь святых бессребренников Космы и Дамиана в селе Большой Вьяс, в 1838 г. благодаря её поддержке в Петербурге был устроен приют для детей, названный впоследствии Лавальским.

Встреча Козлова и графини Лаваль произошла, вероятно, в её музыкально-литературном салоне, который регулярно посещали представители литературного мира: Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев и др. По воспоминаниям современников, в гостиной порой

³⁰² Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты / Б.А. Арутюнова-Манусевич. СПб, 2017. С. 60.

³⁰³ Там же. С. 60

собиралось до 600 человек. Здесь всегда велись самые живые беседы, высказывались мнения относительно литературы, музыки, искусства в целом. Графиня собрала вокруг себя всю просвещённую элиту российского общества первой трети XIX в., умнейших и талантливейших людей того времени. Огромную роль играла личность самой хозяйки гостиной. А.Г. Лаваль интересовалась литературой и искусством. Её отзывы ждали, её мнением дорожили. В письме к И.И. Козлову В.А. Жуковский писал: «Очень буду рад прочитать графине Лаваль мои новые стихотворные бредни»³⁰⁴. Залы её дома украшали полотна Рембрандта, Альбани, Рубенса, Дольчи, Бартоломео и других художников. На приемах пели Рубини, Виардо-Гарсиа, Тамбурины, Карадори, выступали известнейшие музыканты. Сама хозяйка гостиной, любительница всего прекрасного и в то же время ценительница истинного искусства, завораживал всех не только своим умом и вкусом, но и необыкновенными человеческими качествами: добротой, милосердием, состраданием и непосредственным участием в судьбе ближнего.

И.И. Козлов, скорее всего, впервые посетил салон графини вместе с В.А. Жуковским, который был частым гостем салона с 1819 по 1840 гг. В дневнике поэта в записи от 8 сентября 1830 г. отмечено: «Я был на концерте М-ше Зонтаг в ложе графини Лаваль, в первом ярусе, №2» [Дневник:17], а 9 марта 1832 г. отметит визит А.Г. Лаваль и Е.М. Завадовской-Влодек: «Графиня Лаваль с гр. Завадовской-Влодек» [Дневник:18]. Графиня Лаваль часто проводила вечера в доме Козлова, даря его хозяину необыкновенную радость и утешение. 27 декабря того же года графиня навестит поэта вместе с Андреем Муравьевым: «Графиня Лаваль и Андрей Муравьев часто сходятся по вечерам...» [Дневник:18]. Дневниковые записи свидетельствуют, что такие вечера проводились за чтением произведений, беседой на философские, религиозные и литературные темы. 12 января 1833 г.: И.И. Козлов отметит: «Муравьев (Андрей) читал мне о

³⁰⁴Жуковский В.А. Письма к Козлову И.И. / В.А. Жуковского // Русский архив. 1867. Кн.1-3, № 1-12. С. 823.

Валаамском монастыре. Графиня Лаваль слушала с большим интересом и оставалась очень поздно...» [Дневник:19].

Сохранились письма на французском языке А.Г. Лаваль к И.И. Козлову, которые свидетельствуют об их тесном литературно-творческом общении. В письме от 10 февраля 1831 г. графиня делится с поэтом своим впечатлением от записок Дж. Байрона, приводит имена Данте Алигьери, Людовика Ариосто, Алессандро Мандзони. Интересуется его мнением относительно перевода Дж. Байрона отрывка из «Божественной комедии» Данте, посвящённого Франческе да Римини: «Хочу просить у Вас некоторых разъяснений относительно перевода Байроном Данта Фанческо Римини; мне кажется, это великий авторитет для Вашего мнения противу *tredonne*. Хочу иметь разгадку и обращаюсь к Вашему сопернику, чтобы быть совершенно спокойной на этот счёт»³⁰⁵. Видимо, говоря о сопернике, графиня вспоминает фразу из критической статьи В.А. Жуковского «О басне и баснях Крылова»: «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* – соперник»³⁰⁶.

В другом письме от 20 июля (год неизвестен) она благодарит поэта за присланный им «прекрасный перевод Тасса»³⁰⁷. Она отзывается о нём: «Эти две строфы дышат свежестью розы, она распускается и тут же завядает, и на какие это наводит мысли»³⁰⁸. В ответ графиня отправляет ему испанские стихи XVI века и книги «видов Шотландии и Англии»³⁰⁹. Переписки Козлова и Лаваль имеет литературную основу. Она видит в нём переводчика Дж. Байрона и Т. Тассо, ему интересно мнение графини относительно его произведений. Они размышляют о том, что такое поэзия, трактуют вечные образы европейской культуры (например, Франчески да Римини).

В 1839 г. И.И. Козлов посвятил А.Г. Лаваль стихотворение, написанное ко дню её рождения (графине исполнилось 67 лет). Произведение носит светский

³⁰⁵ Лаваль А.Г. Письмо к И.И. Козлову / А.Г. Лаваль // Русский архив. 1886. Кн.3-4, № 3. С. 317.

³⁰⁶ Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова / В.А. Жуковский // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. М.; Л., 1960. С. 410.

³⁰⁷ Лаваль А.Г. Письмо к И.И. Козлову / А.Г. Лаваль // Русский архив. 1886. Кн.3-4, № 3. С. 318.

³⁰⁸ Лаваль А.Г. Письмо к И.И. Козлову / А.Г. Лаваль // Русский архив. 1886. Кн.3-4, № 3. С. 318.

³⁰⁹ Там же. С. 318.

характер. В нём автор отмечает, какими достоинствами обладает адресат послания, выделяя из них главное: именинница умеет дружить и знает истинную цену этому чувству: «Как дружбы пламенной твоей, / Верна безоблачная святость! [ПСС: 301]. Поэт искренне рад, что он знаком с ней, и очень дорожит их общением, которое обогатило поэта в различных областях.

Доброту, остроумие, литературный талант унаследовали дочери графини Лаваль. Старшая дочь – Екатерина Ивановна Лаваль – жена декабриста С.П. Трубецкого, последовавшая за ним в Сибирь и ставшая центральным образом поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины» (1826).

В круг общения И.И. Козлова входили многие декабристы (С.И. Муравьев-Апостол, К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер, Н.И. Тургенев, Н.А. Бестужев и др.), поэтому он с особым трепетом относился к теме восстания на Сенатской площади и связанными с ним событиями. Стихотворение «Обетованная земля» (1832) он посвятит А.Г. Лаваль – теще декабриста, матери жены декабриста, последовавшей за мужем в Сибирь. Автор отмечает, что это вольное подражание библейскому тексту. Он описывает события Ветхого Завета, рассказывает о том, как Моисей выводил еврейский народ из рабства: «И жертвуя собой, людей вести хотели / И к миру лучшему, и к благородной цели...» [ПСС: 197]. Интересно видение поэтом образа обетованной земли: «Но ближе волн морских, сквозь розовый туман, / Являлися холмы и нивы золотые, / Леса и грады, и поля, / И гор сторожевых вершины голубые. / И то была она – та светлая земля / И меда, и млека, земля благословенья, / Которую Творец пророку обещал...» [ПСС: 197].

К этой земле стремился Моисей и весь еврейский народ. Поэт отмечает, что «у века каждого своя Обетованная земля», каждое поколение ищет своей «прелестной стороны» [ПСС: 198]. Её искали и участники восстания на Сенатской площади: «О вы, кто давнею порой / Надеждой, мужеством, высокою душой / Свои века предупреждали / И мир тогдашний покоряли» [ПСС: 198]. Поэт обращается к ним: «Предтечи мудрые! откиньте мрак печали» [ПСС: 198]. Подобно Моисею, они пытаются найти для русского народа землю обетованную: «Они в ней видели, в пылу их вдохновений, / Порядок, истину, согласие, тишину»

[ПСС: 198], но им не суждено её обрести: «Но мирные её долины / Для них не будут зеленеть!» [ПСС: 198]. За библейским сюжетом и аллегорическими образами проявляется скрытая позиция отношения И.И. Козлова к декабристам: в политическом плане он с ними не соглашается, но искренне сочувствует им – власть их не поняла и жестоко покарала. Поэт не является сторонником радикальных мер по свержению монаршей власти, но идейно понимает программу декабристов. Справедлива точка зрения И.Д. Гликмана, который отмечал: «За библейскими символами сквозит сочувствие к деятелям декабризма, воодушевлённым идеями добра, просвещения, беззаветной и самоотверженной любовью к народу»³¹⁰.

В заключении поэт выходит на совершенно иной уровень: загробная жизнь и есть обетованная земля, к ней необходимо стремиться каждому христианину. Козлов знает, что А.Г. Лаваль, невольно вовлеченная в эту политическую историю, переживает за судьбу дочери (Екатерины Ивановны) и зятя (С.П. Трубецкого). Этим произведением поэт старается поддержать адресата: такова судьба её детей, их обетованная земля будет не здесь.

Вторая дочь А.Г. Лаваль – Зинаида Ивановна – в 1823 г. вышла замуж за графа Людвиг Либцельтерна, австрийского посланника в Петербурге. В обществе была известна своим умом, образованностью и удивительной добротой. В своём дневнике Д.Ф. Фикельмон в записи от 4 марта 1829 г. отмечала: «Зинаида полна добродетелей. Она очень умна, и ее большое достоинство в том, что, обладая экзальтированной до безумия душой, умеет быть рассудительной и благоразумной»³¹¹. Дважды И.И. Козлова навещала З.И. Либцельтерн: «Гр. Либцельтерн и Гнедич...» [Дневник: 14]; 29 января 1832 г.: «Графиня Либцельтерн по какому-то необыкновенному совпадению сообщила мне, что Вальтер Скотт желает иметь мою поэзию»³¹². И.И. Козлов посвятил ей стихотворение «Над темным заливом, вдоль звучных зыбей...» (1827) – вольный

³¹⁰Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л., 1960. С. 42.

³¹¹Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М., 2009. С. 40.

³¹²Там же. С. 18.

перевод произведения Андре-Мари Шенье «Pres des bords où Venise est reine de la mer...» («Близ берегов, где Венеция – королева моря...») и перевод хора из акта 4, сцены 1 трагедии «Adelchi» («Адельгиз») Алессандро Мандзони, опубликованного под заголовком «Умирающая Эрменгарда» (1831). По поводу последнего произведения А.Г. Лаваль писала И.И. Козлову: «Очень желала бы послушать Ваш перевод «Эрменгарды» Мацони»³¹³. Литературность бесед и характер адресованных переводных произведений свидетельствует о том, что между поэтом и второй дочерью графини Лаваль, З.И. Лебцельтерн, состоялся литературный диалог.

Третья дочь А.Г. Лаваль – Софья Ивановна, впоследствии Борх, как и её мать, активно занималась благотворительностью. С 1834 г. она стала членом Патриотического дамского общества – первой женской организацией в России. Именно её князь П.В. Долгоруков в своих «Петербургских очерках» назовёт одной из выдающихся женщин своего времени, обладающей «высоким умом, пронизательным в высшей мере и в то же время обаятельным, превосходным сердцем и благородным характером...»³¹⁴ Она была в составе Комитета Свято-Троицкой общины сестёр милосердия – первой в России общины сестёр милосердия, которая была учреждена 9 марта 1844 г.; являлась вице-президентом Совета детских приютов в Санкт-Петербурге. После смерти матери Софья стала попечительницей Лавальского детского приюта. На её попечении находился ни один православный храм. Она заботилась о нищих, обездоленных, вдовах и одиноких женщинах, сиротах и нуждающихся. И.И. Козлов в 1832 г. посвятил ей стихотворение «Разбитый корабль». Нет точных свидетельств о характере отношения между И.И. Козловым и С.И. Борх, в его дневнике нет упоминаний о ней. Но философский характер адресованного ей стихотворения свидетельствует о том, что оно было написано

³¹³ Лаваль А.Г. Письмо к И.И. Козлову / А.Г. Лаваль // Русский архив. 1886. Кн. 3-4, № 3. С. 317.

³¹⁴ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860-1867 / П.В. Долгоруков. М.: Новости, 1992. С. 375.

Семья Лавалей сыграла особую роль в судьбе И.И. Козлова. Графиня Лаваль не оставляла и поддерживала поэта до конца его дней. В последней дневниковой записи поэта отмечено: «Я прочел дорогой графине свою молитву-сонет, добрый Бек прочел ей мою длинную молитву; я был взволнован, но Бог мне дал достаточно спокойствия, чтоб насладиться столь занимательной беседой и самому разговаривать, как обыкновенно. Моя поэзия чрезвычайно растрогала дорогую графиню Лаваль, и я лег спать с сердцем сокрушенным, но с надеждой, что божественный Спаситель Иисус Христос во всем будет ко мне милосердным» [Дневник: 33]. С семьёй Лаваль у И.И. Козлова сложилось близкое дружеское и литературное общение. Переписка с графиней насыщена именами любимых поэтов и названиями понравившихся произведений. Они обмениваются мнениями, делятся впечатлениями от прочитанного.

И.И. Козлов был дружен с семьёй Олениных. Их знакомство состоялось в феврале 1825 г., о чём свидетельствует письмо А.Н. Оленина к дочери Варваре Алексеевне от 28 февраля 1825 г.: «Мы познакомились с милым и истинно, как говорят, преинтересным человеком. Это некто Иван Иванович Козлов, <...>, о котором ты часто слыхала от Н.И. Гнедича»³¹⁵. Опубликованная в этот год поэма «Чернец» произвела на Олениных неизгладимое впечатление, в восторг привела их и личность самого поэта: «Он у нас два раза был и наизусть свои сочинения читал <...>. Читал он мне такие вещи стихами, что два раза малое общество, которое его у нас слушало, в том числе, в первый раз, графиня и Лиза Строгановы плакали, а вчера графинин брат, князь Д.В. Голицын и наш Уваров беспрестанно утирали слезы, одним словом, этакой прелести я ещё не слыхал на русском языке»³¹⁶. А.И. Тургенев писал П.А. Вяземскому: «Не худо бы в "Телеграфе" порядочно разобрать, т.е. похвалить поэта. Теперь он бывает у графа Строганова, часто у Муравьева <Апостола> Ивана Матвеевича, у Оленина, и рой литераторов

³¹⁵РО ГПБ, ф. 542, № 884.

³¹⁶РО ГПБ, ф. 542, № 884.

около его постели кружится»³¹⁷. Сам А.Н. Оленин неоднократно навещал поэта в его квартире [Дневник: 12].

В семейном альбоме Олениных есть акварель неизвестного художника, на которой изображено оленинское общество в гостиной в их петербургском доме. Рядом с хозяином и хозяйкой – П.А. Вяземский, а на переднем плане в кресле сидит И.И. Козлов³¹⁸. Поэт бывал не только в доме Олениных на Мойке, но и в их пригородной усадьбе в Приютино. Об этом мы узнаём из стихотворного послания И.И. Козлова к дочери А.Н. Оленина – А.А. Олениной: «Благослови уединенье / Твоих Приютинских лесов!» [ПСС: 138].

А.А. Оленина – адресат многих стихотворений А.С. Пушкина («Её глаза» (1828), «Ты и Вы» (1828), «Не пой красавица при мне» (1828)) – в обществе славилась своим умом, образованностью, начитанностью, эрудированностью в области культуры и искусства. Она вела дневник литературного характера, в котором записывала подробности её общения с Пушкиным и другими современниками. В дневнике нет прямых упоминаний о Козлове, но есть цитаты из его произведений. В записи от 19 июля 1828 г. в качестве эпитафии А.А. Оленина приводит строчку из поэмы «Чернец»: «Случайно нас судьба свела»³¹⁹. В это же день она обратится к этому произведению поэта ещё раз, переписав в дневник отрывок из поэмы: «Иртыш кипел в крутых берегах, / Вздымались седые волны / И рассыпались с ревом в прах, / Бия о брег казачьи челны», отметив, что они положены ей на музыку³²⁰. А.А. Оленина использует этот фрагмент для пересказа биографии её знакомого – А.П. Чечурина, заинтересовавшего княжну тем, что он приехал из Сибири и был знаком с декабристами. Она находит общее в истории его жизни с линией героя из «Чернеца». А.П. Чечурин просит у А.А. Олениной адресованные ей стихи Пушкина «Её глаза». Она признаётся в дневнике: «Я ему их списала и имела

³¹⁷Вяземский П.А. Письмо к А.И. Тургеневу от 15 апреля 1825 г. / П.А. Вяземский // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб, 1899. С. 114.

³¹⁸Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина / Л.В. Тимофеев. Л.: Лениздат, 1983. С. 280.

³¹⁹Оленина А.А. Дневник "Annette" / А. А. Оленина; [Предисл. О.Н. Оом, с. 12-54]. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1994. С. 76.

³²⁰Там же. С. 78.

неблагоразумие подписать свою фамилию. То же сделала на стихах Вяземского, Козлова и других стихах Пушкина»³²¹. В записи от 17 мая 1829 г. княжна упоминает дочь Козлова – Александру Ивановну: «Мы приехали к Кушелевым. Варетта, эта прелестная девица, была с нами, а также мадемуазель Козлова»³²².

И.И. Козлов посвятил ей перевод стихотворения Дж. Байрона («К Тирзе», 1828) и стихотворное послание «К А.А. Олениной (при посылке элегии к Тирзе)», которое вписал в альбом княжны. Её рукой поставлена дата – 8 июля 1828 г. В послании поэт говорит о юности княжны, о «любви и жизни на рассвете», радости и «радужной мечте». Он даёт адресату напутствие: если грусть или тревога коснётся сердца, пусть вспомнит его судьбу, и поймёт, что никакая печаль не должна тревожить её светлой души. В последних строчках он призывает А.А. Оленину: «Благослови уединенье / Твоих Приютинских лесов» [ПСС: 138], что позволяет говорить о месте написания стихотворения.

Поэт адресует княжне Олениной вольный перевод стихотворения Дж. Байрона «Away, away, ye notes of woe!» (8 декабря 1811 г.) (Прочь, прочь, вы звуки скорби!), опубликованное у Козлова под заглавием: «К Тирзе». В нём передано состояние героя, потерявшего возлюбленную – Тирзу. Охваченный горем и тоской, он вспоминает звуки её голоса («Чей голос в струны радость лил, / Той нет, – и нет очарованья!..» [ПСС: 139]) и счастливые дни, проведённые вместе («Один напев теперь мне мил: / Надгробный стон и вопль страданья; / В нем отзыв наших вместе дней» [ПСС: 139]). В заключительной строфе крик души героя сменяется печалью и унынием. Он понимает, что Тирза была яркой звездой, освещавшей его существование на земле. Теперь ему суждено идти «во мраке грозных туч», и ждёт его лишь «жизни путь ужасный». И.И. Козлов посвящает это стихотворение А.А. Олениной, зная, что Дж. Байрон был в списке её любимых поэтов. Возможно, это произведение английского романтика было одной из тем их бесед.

³²¹Оленина А.А. Дневник "Annette" / А. А. Оленина; [Предисл. О.Н. Оом, с. 12-54]. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1994. С. 81.

³²²Там же. С. 144.

Семья Олениных была близка поэту по духу. Их объединял не только общий круг знакомых литераторов (П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич), но и творческие интересы. Оленины были потрясены сначала поэмой «Чернец», а затем личностью самого поэта. И.И. Козлов видел в них интересных собеседников и надёжных друзей. Общение И.И. Козлова с семьёй Олениных носило литературный и дружеский характер.

И.И. Козлова привлекало обаяние светских красавиц. Восхищался он и самой богатой невестой Европы своего времени Стефанией Доминиковной Радзивил, которая принадлежала к известному литовскому княжескому роду. Дочь Доминика Иеронима Радзивила, последнего представителя несвижской ветви Радзивиллов по мужской линии, фрейлина Марии Фёдоровны, наследница огромных владений на территории современных Литвы и Белоруссии.

В стихотворении «Паж, или пятнадцатый год» А.С. Пушкин назвал Стефанию Радзивил «севильской графиней» с томным гордым взором и тёмными ланитами. В восприятии поэта она строга и властолюбива, умна и ревнива.

Графиня Долли Фикельмон в дневнике писала о Стефании Радзивил: «Графиня Витгенштейн – высокая, стройная, с тонкими и нежными чертами, скромный, кроткий вид, бескрайне учтива, застенчива и очень молода... (5 сентября 1829 г.)»³²³. В записи от 26 ноября 1829 г. она отметит: «...Счастлирое выражение мадам Витгенштейн прелестно, а ее доброжелательная улыбка словно отражает близость ее сердца»³²⁴. И ещё раз в своём дневнике она выразит своё восхищение современницей: «Абсолютное отсутствие претенциозности красит графиню Витгенштейн, придаёт ей истинное очарование. Она – олицетворение чистоты и счастья (18 марта 1830 г.)»³²⁵.

В стихотворении «Княжне С.Д. Радзивил» (1825) И.И. Козлов описывает не светскую даму, а очаровательную юную княжну. На момент написания послания ей было всего лишь 16 лет, но уже тогда она покорила слепого поэта, который,

³²³Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М., 2009. С. 66.

³²⁴Там же. С. 78.

³²⁵Там же. С. 106.

кажется, своим зорким сердцем чувствовал невероятное обаяние, трогательность и нежность, которые исходили от Стефании Радзивил. И.И. Козлов восхищался её «безоблачной младостью», «пленительной красотой», «ясностью взора и души» [ПСС: 96] и улыбкой. Он не мог видеть, но чувствовал, что, когда С.Д. Радзивил улыбается, она излучает необыкновенную радость и теплоту («Ты улыбаешься как радость...» [ПСС: 96]). Ещё одна особенность отмечена в её образе – воздушность, лёгкость и эфирность: «Рукой ли белой и послушной / По звонким струнам пробежишь / Иль стройно в резвости воздушной / Кружишься, вьёшься и летишь» [ПСС: 96].

Танец Стефании Радзивил И.И. Козлов сравнивает с полётом, а каждое её появление – с радугой: такое неизгладимое и яркое впечатление она производила на него и всех окружающих. В его представлении княжна светится «разноцветными огнями». За метафоричностью образа скрывается многогранность и разносторонность Стефании Радзивил, связанная с её обширной деятельностью: княжна играла, танцевала, увлекалась поэзией, занималась благотворительностью. Поэт называет её «участницей в чужих бедах», зная, что княжна жертвовала бедным немалые денежные суммы, обеспечивая приданное молодым горничным и назначая ежемесячный пансион состарившимся слугам.

В заключении И.И. Козлов сравнивает Стефанию Радзивил с душистой белой лилией, сверкающей капельками росы на нежных лепестках, которая распустилась очень рано, но не смогла порадовать всех своей красотой: смерть настигла ее в двадцатидвухлетнем возрасте.

Послание написано И.И. Козловым в 1825 г., но опубликовано будет только в 1833 г. после смерти Радзивил. Плетнев добавил постскрипtum к этому стихотворению, в котором обратился к Радзивил и назвал её «привиденья идеалом». Он говорит о том, что Козлов увидел в ней идеал, его кисть «срисовала» её воздушные черты. Козлов выступает словно провидец: он сердцем видит её душу, её ясный образ, её истинную красоту.

Ранняя смерть Радзивил тронула Козлова. Он отозвался на него стихотворение «Жалоба» (1832). Это стихотворение-оплакивание. Поэт

признаётся, что хочет «тосковать» и «слезы проливать», потому что ему нужно оплакивать тех, кто рано ушёл. Он называет обманом надежду на жизнь. Те, кто должен был жить, ушли так рано: «Обман пленительной мечте, / Обман святому вдохновенью, / Обман любви и красоте, / Обман земному наслажденью!» [ПСС: 219]

Поэт не понимает, почему так происходит: должны были цвести «младые розы», а теперь растёт на их могиле кипарис. Должен был петь юноша «с высокой, пылкою душой» и играть «оживленными струнами», а вместо этого раздаётся «в полночь дивный стон», т.е. его оплакивают. К венцу должна идти «чета младая», но вместо «факела любви» «зажегся факел погребальный».

За этими образами поэт вспоминает своих знакомых, ушедших из жизни очень рано. Но апогеем всего для него стала ранняя смерть Стефании Радзивил. Он называет её «младой прелестью», которая к своим двадцати двум годам имела все: «милую красу», «друга по сердцу», младенца, богатство и знатность. И вдруг она увяла «в блеске дней». Предпоследняя строфа наполнена многоточием, обрывающем фразы автора, который, кажется, захлёбывается от слёз, понимая, что её больше нет: «Увы!.. Как рано перед ней / Открылась тайна гробовая!..» [ПСС: 220]. Он вновь сравнивает её с лилией, только в стихотворении 1825 г. она цветущая, а здесь «увяла». Поэт знает, что Стефании Радзивил «страшно было умирать», но ещё сложнее ей было расставаться с родными и близкими. Эта мысль заставляет Козлова грустить ещё сильнее: всё заканчивается, у всего есть конец, и ничего нельзя изменить. Спасает только понимание, что на это есть воля Божья, что, расставшись с земным, человек обретет другой мир – небесный: «Когда б убитые сердца / Взор томный к небу не бросали / И нам, по благости Творца, / Бессмертьем звезды не сияли / Кто б смел желать? Кто б смел любить?» [ПСС: 220].

Поэт верит, что в этом небесном мире он, Стефания Радзивил и каждый человек вновь встретится с теми, кого любил на земле. В последних строках заключается философско-религиозная концепция посмертной жизни И.И. Козлова: «Но сердце с сердцем будет жить, / Сольётся вновь душа с душою!»

[ПСС: 220]. Он верит, что в ином мире души любимых и любящих сливаются в неделимое. Поэт созвучен во многом с В.А. Жуковским, который в письме А.П. Елагиной 1814 г. (лето, точной даты нет) отмечал: «милое вместе, за которое все можно было бы отдать». Но здесь Жуковский подразумевает неразлучных в земном мире, а для поэта важно быть с «милыми» не только в земном, но и в небесном мире.

И.И. Козлов видел в образе Стефании Радзивил что-то неземное, ангельское, лёгкое, даже эфирное. Он сравнивал её с радугой и нежной лилией. Для него она была какой-то исключительной («И слезы ангела в очах...» [ПСС: 96]), поэтому ранний уход княжны оставил глубокий след в душе поэта. Тепло и участие, на которое способно было сердце, она подарила И.И. Козлову и поддержала в трудное для него время. В памяти современников она осталась стройной, грациозной, с благородными порывами.

Восхищался поэт красотой, умом и добротой ещё одной светской дамы – Елены Михайловны Завадовской (в девичестве – Влодек). А.С. Пушкин посвятил ей стихотворение «Красавица» (1832), в котором отметил, что графине нет подобных в дамских кругах: «Ей нет соперниц, нет подруг; / Красавиц наших бледный круг / В её сияньи исчезает»³²⁶. Её современница М.Ф. Каменская называла Е.М. Завадовскую «первой красавицей Петербурга»³²⁷, отмечала, что на балу она «убивала всех своею царственной, холодной красотой» [Дневник: 31]. В дневнике И.И. Козлова имеется запись, где описывает посещение дома графини его сыном и В.А. Жуковским: «Сын мой видел великолепный и изящный дом графини Завадовской, который осматривал также и Жуковский. Это – перл художественного изящества и тонкого вкуса во всех мелочах, начиная с лестницы. Залы Людовика XIV и XV отличаются роскошью и законченностью; кабинет её – восхитителен. Жуковский сказал: «Так хорошо и мило, и изящно красиво, что не

³²⁶Пушкин А.С. Красавица («Все в ней гармония, все диво...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826-1836. М.; Л., 1948. С. 287.

³²⁷Каменская М. Ф. Воспоминания / М.Ф. Каменская. М.: Художественная литература, 1991. С. 136.

знаешь, как и быть: разве взять ноги в руки (28 декабря 1839 г.)» [Дневник: 31]. Вкус, изящество и утонченность были присущи и самой графине.

9 марта 1832 г. И.И. Козлов отметит в дневнике визит Е.М. Завадовской и графини Лаваль: «Графиня Лаваль с гр. Завадовской-Влодек» [Дневник: 18]. В том же году он посвятил ей стихотворное послание «Графине Завадовской, урождённой Влодек». Поэт подробно описывает портрет графини, хотя никогда её не видел: «светла», «пленительна», «нежна», «голос гибкий и прелестный», напоминающий собой одновременно и «небесную музыку», «и сладкую томность»; прекрасное, белоснежное лицо, «алые розы на щеках», «очи голубые», «улыбка на устах», «взор очей огнистых», «волны локонов душистых», «беломраморные плечи».

Такое точное описание адресата поэт делает скорее всего с чьих-то слов, например, его друга, графини Фикельмон, которая отзывалась о Завадовской на страницах дневника: «Мадам Завадовская полностью оправдывает свою репутацию красивой женщины. Высокая, статная, с великолепными правильными чертами, ослепительным цветом лица, но о ней можно сказать, как говоришь, стоя перед прекрасной картиной: «Как можно было бы полюбить ее, если бы в ней были жизнь и душа!» (22 июля 1829 г.)»³²⁸.

Кроме внешней привлекательности, И.И. Козлов отмечает красоту её души: «Она пленяет / Каким-то чувством доброты»; «везде все дышит сердцем нежным...» [ПСС: 206]. В стихотворении возникает мотив полета, мечты. Поэт в своём воображении переносит Завадовскую с пира к «зелёным невским островам». Она оказывается в «уютном челноке», которому «ветерок попутно веет» и «светит радостней луна», тем самым автор говорит о том, что Завадовская легко плывет по океану жизни, каждая волна «лелеет» графиню. Называя адресата «любимым мечтаньем» и «души очарованьем», он признаётся, что ему нравится представлять Завадовскую не в образе светской красавицы или прекрасной девы в челноке, а в образе «младой матери» [ПСС:207], прижимающей к сердцу младенца. В этом

³²⁸Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М., 2009. С. 53.

И.И. Козлов видит её главное счастье: «И у тебя взор нежный блещет / Сквозь слезы радостью живой, / И грудь лилейная трепещет / Любовью тихой и святой» [ПСС:207]. Несмотря на теплые и сердечные авторские ноты в заключительной строфе, в стихотворении присутствуют черты мадригальности, подчеркивающие светский характер общения между поэтом и адресатом.

Лишенный возможности воспринимать мир при помощи зрения, поэт особенно глубоко переживает те эстетические впечатления, которые мог доставить слух, поэтому так значимо для него искусство пения, приобщаться к которому он мог благодаря женщинам, обладающим музыкальным дарованием. Именно это привело И.И. Козлова и его семью в Малый театр на концерт Генриетты Зонтаг – известной немецкой певицы, гастролировавшей в то время в России. Её настоящее имя – Гертруда Вальпургис Зонтаг, по мужу – графиня Росси. Закончив Пражскую консерваторию, в 1821 г. она дебютировала на оперной сцене в Праге, а с 1824 г. начала гастролировать по городам Европы, где и получила огромный успех. Ей посвящали стихи Гёте, Гофман фон Фаллерслебен и даже сам король Баварии Людвиг I. Долли Фикельмон в своём дневнике писала о таланте певицы: «У неё действительно большое мастерство, большой талант, приятный и гибкий голос, волшебно чистый звук <...>. Зонтаг – настоящий соловей (11 августа 1830 г.)³²⁹. С 1830 г. по 1840 гг. Зонтаг жила в Петербурге, где давала концерты, на одном из которых был Козлов с семьёй. 15 августа 1830 г. в дневнике поэта отмечено: «Мы с женой и детьми были в концерте m-lle Зонтаг в Малом театре... Какое наслаждение мне доставило её прекрасное пение: свежесть, грация, законченность, невыразимая прелесть! Я всю жизнь буду помнить это наслаждение» [Дневник: 16]. На следующий день после концерта И.И. Козлов адресует немецкой певице стихотворное послание «К певице Зонтаг». Центральным образом стихотворения является даже не сама певица, сколько её голос. Известно, что она обладала гибким, красивым колоратурным сопрано, отличающимся своей лёгкостью и чистотой звучания.

³²⁹Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М., 2009. С. 125.

Через голос происходит восприятие Козловым души адресата: «Вчера ты пела, – голос нежный, / Рассеял мрак мой безнадежный, / Небесной дышит чистотой; / Он веет радость надо мной, / Он веет сладкое томленье...» [ПСС: 183].

Поэт восхищён голосом певицы. Эти звуки пробудили в нём воспоминания о самых главных и трогательных моментах жизни, о самом важном и прекрасном чувстве: «Бесценное души волнение – / Младую, первую любовь...» [ПСС: 183]. Козлов удивлён, что пение Зонтаг отозвалось в его душе, казалось, уже умершие чувства: «Я изумлён... мой дух трепещет...» [ПСС: 183]. Через многоточие показано волнение и радость автора: он с сих пор не верит, что за несколько мгновений можно воскресить то, что было давно забыто. Поэт чувствует в своём адресате свет, мечту, «что-то радужное» и ангельское.

Послание «К певице Зонтаг» – это стихотворение о звуках, памяти и любви: «В тех звуках мир непостижимый, / И нега чувств, и пыл страстей.../ Им быть навек мечтой любимой / Плененной памяти моей!» [183]. В нём поэт удивляется тому, как звук и воображение могут родить в душе столько чувств. Он признаётся Зонтаг, что никогда не забудет её пения. Стихотворению предшествует эпиграф на итальянском языке, в котором заключена главная авторская мысль: «Il tuo canto n'el anima si sente» («Твоё пение отдаётся в душе»). Чувствуется, что оно было написано в сильном эмоциональном состоянии – сразу после концерта (16 августа 1830 г.). Существует портрет Генриетты Зонтаг, написанный Ипполитом Деларошем во Франции в 1831 г. Художник изобразил задумчивый, мечтательный, несколько печальный, но одухотворённый взгляд певицы. Именно такой годом раньше застал её И.И. Козлов.

По поводу стихотворного послания И.И. Козлова к Г. Зонтаг, В.А. Жуковский писал Козлову: «Весьма радуюсь, что вы насладились трогательным песнопением девицы Зонтаг, имеющей право называться не только воскресеньем, но даже и светлым воскресеньем, понеже голос её воскрешает душу чувствительных особ. Ваше стихотворное изъяснение глубочайшей преданности сей певице я читал с трогательным колыханием сердца и желаю сердечно, чтоб сия превосходная воскресительница соблаговолила заглянуть в

поэтический приют ваш и огласить его тонами, льющимися из соловьиного горла...»³³⁰.

В близком окружении И.И. Козлова была Прасковья Арсеньевна Бартенева – известная русская певица, отличающаяся исключительным по красоте и силе голосом. За мастерство исполнения и высокую музыкальную чувственную культуру современники называли П.А. Бартеневу «русской Зонтаг» или «московским соловьем». Выступая на балах и литературных вечерах, она покоряла всех своим «металлическим» тембром и обширностью диапазона. Её репертуар включал русские народные песни, романсы отечественных композиторов, а также арии из итальянских опер. Она была знакома с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, И.П. Мятлевым, М.Ю. Лермонтовым. Последний посвятил певице несколько стихотворений: «Как небеса, твой взор блистает...» (1837), «Она поет, и звуки тают...» (1838), «Слышу ли голос твой...» (1840), «Есть речи – значенье...» (1841).

Неизвестно, когда произошло знакомство И.И. Козлова с П.А. Бартеновой, но совершенно точно, что она не раз бывала в доме И.И. Козлова. Об этом свидетельствуют записки В.А. Жуковского к И.И. Козлову: «Бартенева будет у тебя нынче ввечеру в 9 часов; следовательно, и я, и Виельгорский, и Вяземский»³³¹; «Благодарю за поздравление; в Четверг, буду в девять часов. Обещали быть: Бартенева, Виельгорский и Вяземский. Позову их ещё раз»³³².

16 февраля 1836 г. И.И. Козлов оставил в альбоме П.А. Бартеновой посвящённое ей стихотворное послание «Русская певица». Оно сопровождалось благодарственным письмом к адресату, написанном на французском языке: «Примите, сударыня, это слабое выражение высокого наслаждения, доставленного мне вашим восхитительным пением, сладкая мелодия которого звучит и будет всегда находить отзвук в моём сердце. Как был бы я счастлив услышать еще раз ваш звучный и в то же время такой нежный голос, от которого

³³⁰ Жуковский В.А. Письма к Козлову И.И., осень 1830 г. // Русский архив. 1867. Кн.1-3, № 1-12. С. 832-833.

³³¹ Жуковский В.А. Записочки к И.И. Козлову / В.А. Жуковского // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 181.

³³² Там же. С. 182

душа ощущает невыразимое, но полное прелести волнение»³³³. Следует отметить, что уже в названии стихотворения автор сразу обращает внимание на одну из главных особенностей адресата: она – истинно русская певица – поёт не только арии из итальянской оперы, но и русские народные песни, и романсы на стихи русских поэтов. Уже в этом проявляется её непохожесть и самобытность среди современниц.

В стихотворении «Русская певица» И.И. Козлову важен не столько сам адресат, сколько то, что переживает сам автор, когда слышит пение П.А. Бартеневой, которое он называет «пленительным». В нём пробуждаются воспоминания о счастливом прошлом: «О! как всё то, чем жизнь цвела, / Чем юность бурная мила, / В груди кипело и теснилось» [ПСС: 280]. Из прошлого голос Бартеневой переносит поэта в «мир тайный» и чудесный; поэт не в силах передать то, что происходит у него в душе: «Я в неге счастья, я в слезах, / Моё упорно сердце бьётся / И сжатое земным, несётся / Дышать любовью в небесах...» [ПСС: 280]. Автор в восхищении от волшебной силы таланта Бартеневой: она играет «пламенной душой», «пленяет сладкою тоской», лелеет «нежностью своей», «пылает, льёт очарованье» [ПСС: 281]. В её репертуаре есть и весёлые, и грустные песни. Когда он слышит грустные песни, у него рождается образ «бедного челна», пловца и грозы, сердце наполняется грустью и безысходностью: «печаль росит душевный цвет, / Не будь её – надежды нет!» [ПСС: 281]. Весёлые песни ассоциируются у него с любовью, «напевом радости живой», «светлыми мечтами», «обольстительными снами», «милыми страстями», «упоением чувств молодых», «прелестью певиц далеких», «песнями долин родных», «дивною, зыбкою стрелою» и «небесною красою» [ПСС: 281]. Он видит, как гармонично переданы эти чувства в её пении, как мастерки певица умеет погружать слушателей в разные состояния.

В альбоме П.А. Бартеневой стихотворению предшествует эпитафия – цитата из сочинения Дж. Байрона, который издатели сочинений Козлова по непонятным

³³³Козлов И.И. Письмо к П.А. Бартеневой / И.И. Козлов // Звенья. 1951 Т. 9. С. 485. Оригинал находится в альбоме Бартеневой в Государственном литературном музее (лист 27).

причинам не публикуют: «A song that said a thousand / And seem'd to say them all for me» («Пение, которое говорит тысячу вещей, и кажется, что всё это говорится для меня»)³³⁴. С этого поэт начинает, эта же мысль звучит в последней строке произведения: «В нём жизнь сердец – в нём целый мир» [ПСС: 281]. Так автор определил главную особенность пения Бартеневой: она поёт для всех, но каждому кажется, что она поёт лишь для него одного.

Восприятие образа П.А. Бартеневой И.И. Козловым схоже с восприятием его современниками. Писательница Е.П. Ростопчина в адресованном П. Бартеневой стихотворении «Певица» (1831), сравнивала её пение с «хором серафимов», передавала своё состояние, в котором она прибывала, когда слышала её голос: «Она поёт... и сердцу больно, / И душу что-то шевелит, / И скорбь невнятная томит, / И плакать хочется невольно»³³⁵. И.П. Мятлев в 1840 г. признавался: «Ты поёшь, как благодать, / Ты поёшь, как упование, / Как сердечное рыданье»³³⁶. Созвучен с И.И. Козловым и М.Ю. Лермонтов: «Она поёт и звуки тают / Как поцелуи на устах...»³³⁷ (1838); «При звуке том душа трепещет, / И в сердце кровь кипит»³³⁸ (1838); «Слышу ли голос твой / Звонкий и ласковый, / Как птичка в клетке / Сердце запрыгает...»³³⁹ (1838); «Как полны их звуки / Безумством желанья! В них слезы разлуки, / В них трепет свиданья»³⁴⁰ (1840).

И.И. Козлов высоко ценил мастерское исполнение музыкальных произведений П.А. Бартеневой, неоднократно признавался, как звуки ее голоса проникали в его душу, успокаивая волнение сердца, заглушая боль и отчаяние от жизненных невзгод. Они переносили его в прошлое, увлекали в неведомый мир, где он чувствовал себя счастливым. Поэт был поражён волшебной силой её пения,

³³⁴Козлов И.И. Письмо к П.А. Бартеневой / И.И. Козлов // Звенья. 1951. Т. 9. С. 485.

³³⁵Цит. по: Найдич Э. «Она поет – и звуки тают...» // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб: Художественная литература, 1994. С. 129.

³³⁶Мятлев И.П. «Ах, Бартенева-мамзель...» / И.П. Мятлев // Мятлев И.П. Стихотворения. Л.: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1969. С. 169.

³³⁷Лермонтов М.Ю. «Она поёт – и звуки тают» / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832– 1841. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1954. С. 112.

³³⁸Лермонтов М.Ю. «Как небеса твой взор блистает...» / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832– 1841. М.; Л., 1954. С. 111.

³³⁹Лермонтов М.Ю. «Слышу ли голос твой...» / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832– 1841. М.; Л., 1954. С. 110.

³⁴⁰Лермонтов М.Ю. «Есть речи – значенье...» / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1832– 1841. М.; Л., 1954. С. 144.

способного так воздействовать на человека. П.А. Бартенева входила в дружеский круг И.И. Козлова, часто навещая поэта вместе с В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, М.Ю. Виельгорским.

Ангелом утешения стала для И.И. Козлова и певица-дилетантка Мария Александровна Потоцкая, урождённая Салтыкова. В светском обществе её называли мадам Болеслав (муж – Болеслав Потоцкий). Близкий друг поэта графиня Долли Фикельмон так отзывалась о своей современнице на страницах своего дневника: «Мадам Болеслав была довольно красива; если смотреть на неё анфас – просто очаровательна, но в профиль хуже и даже скорее некрасива; у неё небольшие глаза, блестящие, со сладостным выражением, нежное лицо, изящный стан, одета весьма изысканно, приятные манеры, искусна в беседе, но говорит слишком медленно и чересчур монотонно (18 декабря 1830 г.)»³⁴¹. В другом своем воспоминании она отмечала следующее: «Красивая, болезненная, грациозная, лишенная естественности, сентиментальная, полуувядающая кокетка, со сверкающими глазами и вялым голосом, танцующая живо и вдохновенно; соблазнительная, в высшей степени умеющая владеть собой; вычурная, рассчитанная на эффект <...> без склонности к мнимой сердечности (6 февраля 1832 г.)»³⁴². Другой современник княгини П.А. Вяземский в стихотворном послании «Роза и кипарис» (Графине М.А. Потоцкой) назвал её «подобьем розы милой»³⁴³. Её красоту и талант воспели многие поэты того времени. И.И. Козлов не был исключением. Ещё до личного знакомства с графиней он услышал её пение и был очарован. В 1832 г. поэт адресовал ей стихотворное послание «Графине Потоцкой», в котором говорит о том, что никогда не видел певицы, но знает, что она «мила, ясна», «в речах <...> прелести полна; у неё «голос нежный», и в то же время «ум и чувства пламенеют» [ПСС: 204]. Он сравнивает графиню с «белоснежной лилией» и «пленительной красой» [204], а её пение – с трелями соловья. Это пробудило желание автора не только слышать пение, но и

³⁴¹Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. М., 2009. С. 138.

³⁴²Там же. С. 197.

³⁴³Вяземский П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский. Л.: Советский писатель, 1986. С. 248.

беседовать с певицей, голос которой нежностью и трогательностью отзывался в его сердце: «И голос нежный знаю я; / Он слышен в сердце у меня» [ПСС: 205]. И.И. Козлов не скрывает, что мечтает познакомиться с М.А. Потоцкой, найти в ней друга. Это желание подобно стремлению узника увидеть свет дневной, оказаться на свободе: «Так узник в мрачной тишине / Мечтает о красах природы, / О солнце ярком, о луне, / О том, что видел в дни свободы» [ПСС: 205].

Ответом на послание стало письмо М.А. Потоцкой к И.И. Козлову на французском языке от 11 мая 1832 г. (следовательно, стихотворение было написано не позднее 11 мая 1832 г.), в котором она признаётся, что была очень тронута стихами поэта, обещает взять их с собой на память при отъезде за границу как «образец всего самого грациозного, приятного и поэтического»³⁴⁴. Певица сожалеет, что не знакома с Козловым, но восторженно отзывается о нём и его творчестве: «...Своим вдохновением заставляет других делить с ним чувства прекрасной, истинной поэзии, словом, поэзии сердца»³⁴⁵.

Её знакомство с И.И. Козловым состоялось в его доме 12 января 1837 года. Встреча с певицей произвела огромное впечатление на поэта. В своем дневнике он отметит: «Была у меня графиня Потоцкая. Я был в восхищении от нее. Она будет также звездой для моего сердца: она высказала ко мне самое милое участие. Говорят, что она очень хороша собой, – сколько я смогу судить, она очень умна, соединяет большую чувствительность с пылкой душой. Она спела мне чудную арию Pignatelli и романс «Любила я твои глаза?» [Дневник: 23]. Потрясённый встречей с графиней и её пением поэт адресовал ей стихотворение «Первое свидание» (1837), которому В.А. Жуковского даст подзаголовок «Графине М.А. Потоцкой». Как и в дневниковой записи, так и в послании поэт называет графиню «звездой», осветившей «бор угрюмый, где бродят горе и тоска» своим появлением: «Ты вдруг блеснула мне звездой, / Ко мне влетела вдохновеньем...». В первом стихотворении 1832 г. и дневнике И.И. Козлов

³⁴⁴Потоцкая М.А. Письмо И.И. Козлову от 11 мая 1832 г. / М.А. Потоцкая // Русский архив. 1886. Кн. 3-4, № 3. С. 319.

³⁴⁵Там же. С. 319.

выделяет «пламенность» и «пылкость» образа Потоцкой: «Пленила пламенной душой...» [ПСС: 285] (в стихотворении 1832 г. – «ум и чувства пламенеют», в дневнике – «большая чувствительность с пылкой душой»). Он чувствует её: «привет надежд», «взлелеяна твоя краса», подчеркивает её доброту и сердечность: она отозвалась на его судьбу своим пением, оживив сердце поэта: «Зажгла мне сердце сладким пеньем...» [ПСС: 285]. Тонко чувствующий сущность людей, он сразу определил, что в звуках ее голоса нет фальши: «В душевных звуках нет обмана...» [ПСС: 285].

Ещё одну черту замечает И.И. Козлов: в пении Потоцкой много жизненной силы и душевной радости, которая заставила жить и самого поэта: «И ты, блаженства зная сладость, / Всегда, везде встречаешь радость...» [ПСС: 285]. Он отмечает, что в его недуге «есть отрада»: благодаря нему он приобрел в её лице нового друга «Недавний друг, но сердцу милый! / Отрада есть в печальной мгле...» [ПСС: 285]. Автор тронут участием Потоцкой в его судьбе, он ценит общение с ней надеется, что их дружба сохранится на долгие годы.

Последняя строфа носит исповедальный характер. Автор обращается к Потоцкой: «Недавний друг, но сердцу милый» [ПСС: 285], делится с ней двумя тайнами своей жизни. Первая заключается «в любви святой»: необходимо радоваться жизни и любить всё то, «чем мил нам мир земной» [ПСС: 286]. Вторая тайна – это терпенье (это слово выделено в тексте поэта), способное поменять «венец терновый» на «веночек из роз». Первое является для человека «райским мечтаньем», второе – «благодать в бедах». Именно этих двух тайн порой не хватает людям, чтобы жить в полной гармонии с самим собой и с окружающими людьми. Если эти чувства будут в сердце человека, то он справится с любыми бедствиями. Доказательством этого является его судьба, в которой появился княгиня Потоцкая, ставшая для поэта воплощением любви и терпения. В заключительных строках стихотворения он называет ее «небесным вестником – ангелом нежным», представшим для утешения и ободрения поэта.

Существует письмо В.А. Жуковского к И.И. Козлову от 4 ноября 1838 г., в котором он интересуется у друга новостями о состоянии здоровья Потоцкой.

Характер записи – дружеский, что свидетельствует о том, что Жуковский, Козлов и Потоцкая тесно общались: «Уведомь меня, прошу тебя, о нашей милой графине Потоцкой. Мне писали из Петербурга дурные вести о её здоровье; где она и что с ней делается. Ты должен знать»³⁴⁶. Княгиня страдала недугом, симптомы которого напоминали туберкулез, поэтому она часто уезжала лечиться за границу. Страдания способствовали помутнению её рассудка и скорой кончине (1845 г.).

Ещё не зная Потоцкой лично, Козлов был поражён её пением. Оно пробудило душу поэта, оживило его существование. Восхищение талантом перестает в дружеское общение, которое впоследствии примет исповедально-личный и сердечный характер.

По словам современников, поэт был творческой натурой: он обладал прекрасным слухом и хорошо танцевал, поэтому ему особо приятно было находиться в атмосфере, где царит музыка и творчество. Роль утешительницы и вдохновительницы в судьбе И.И. Козлова взяла на себя и известная польская пианистка Мария-Агата Шимановская. Она часто гастролировала по России и всегда по возможности навещала поэта и музицировала для него. В письме к И.И. Козлову В.А. Жуковский пишет: «Если можно будет, привезу Вяземского и Шимановскую, чтобы попотчевать тебя музыкаю. Вели приготовить фортепьяно, если только хочешь, чтоб они у тебя были»³⁴⁷. П.А. Вяземский в письме И.И. Козлову от 2 января 1828 г. сообщает: «Шимановская пишет мне, что бывает у вас довольно часто и всегда с новым удовольствием»³⁴⁸.

В 1829 г. И.И. Козлов адресует Марии Шимановской стихотворное послание. Оно написано в дружеском тоне, подчёркивает тёплые отношения между автором и адресатом. Поэт восхищён исполнительским талантом польской пианистки: «И я, невольно изумлённый, / Пленяюсь дивною игрой...» [ПСС: 178]. Звуки её игры напоминают ему «ропот вдохновенный», звучащие «сердечною тоской» [ПСС: 178]. Поэт слышит музыку, которая позволяет ему перенестись «в

³⁴⁶ Жуковский В.А. Письмо к И.И. Козлову, осень 1830 г. // Русский архив. 1867. Кн.1-3, № 1-12. С. 841.

³⁴⁷ Жуковский В.А. Записочки к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 181.

³⁴⁸ Вяземский П.А. Письмо к И.И. Козлову от 2 января 1828 г. / П.А. Вяземский // Русский архив. 1886. Кн.1, № 2. С. 183.

безвинный мрак тревожных дней» [ПСС: 178]. Возникает образ памяти в виде тайного свитка – автор вспоминает всё то, что было в его жизни. Он понимает, что так воздействовать на душу может человек, который сам много страдал и не раз испытывал душевную боль: «Не твой был жребий веселиться / На светлой, радостной игре...» [ПСС: 178]. Очевидно, поэт говорит здесь о браке пианистки с помещиком Йозефом Шимановским, который продлился недолго: супруг так и не смог принять увлечения музыкой его жены. После развода Мария-Агата Шимановская полностью посвятила себя воспитанию троих детей и искусству. Но несмотря на эти грустные обстоятельства И.И. Козлов уверен, что, если бы не эти страдания, она никогда не смогла так проникновенно играть: «Не та б мелодия дышала, / Не так бы чувством ты цвела, – / Когда б ты слёз не проливала, / Печаль душой не обняла» [ПСС: 178].

Вместе с В.А. Жуковским Мария-Агата Шимановская часто навещала И.И. Козлова, чтобы сыграть для него любимые мелодии, зная, что музыка её игры чарующим и исцеляющим образом действовала на него.

В близкий круг общения И.И. Козлова входила М.А. Голицына, урождённая Суворова, внучка великого полководца. Княгине были присущи необыкновенная красота, ум, изящество, исключительная музыкальность и прекрасный голос. Она была украшением любого общества. Её пением восхищались В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев. А.С. Пушкин посвятил ей стихотворение «Кн. М.А. Голицыной» («Давно об ней воспоминанье...», 1823), в котором признавался: «Я славой был обязан ей – / А может быть и вдохновеньем»³⁴⁹. Знакомство И.И. Козлова с М.А. Голицыной состоялось, вероятно, до её замужества (1820 г). В одном из писем В.А. Жуковского к И.И. Козлову (даты нет) отмечено: «Любезнейший друг, посылаю тебе письмо от княж. Суворовой, с посылкой»³⁵⁰. В другом письме В.А. Жуковского, отправленного из Эмса 3 июля 1826 г., отражено отношение М.А. Голицыной к И.И. Козлову: «Здесь между

³⁴⁹Пушкин А.С. Кн. М.А. Голицыной («Дано об ней воспоминанье...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 303.

³⁵⁰Жуковский В.А. Письма к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1867. Кн. 1-3, № 1-12. С. 823.

прочими русскими княгиня Голицына-Суворова. Я её вижу довольно часто и слушаю с большим удовольствием её милое пение <...>. Она тебя помнит и любит, и всегда говорит о тебе, да и собирается сама к тебе писать»³⁵¹.

В своих стихах он впервые говорит о ней «В послании другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>. По возвращении его из путешествия» (февраль 1822). Вместе с А.А. Воейковой М.А. Голицына стала для И.И. Козлова ангелом-утешителем, поддержавшим его в тяжёлое время болезни. Поэт называет её «сердца милым ободрителем», «прекрасным другом тоски», отмечает её добродетели: «небесная кротость», «сила нежный увещаний» [ПСС: 65], передаёт то состояние, которое возникает у него, когда она рядом: «Она мне сладость в душу льёт, / Ласкает, радуется, поёт, – / И рой моих воспоминаний, с цветами жизни молодой, / Как в блеске радужных сияний, / Летает снова надо мной» [ПСС: 65].

Через два года И.И. Козлов снова обратился к ней в стихотворении «К княгине М.А. Голицыной» (1824). Вероятно, это послание поэта – ответ на дружеский привет княгини, о чём говорится в самом тексте: «Так твое воспоминанье, / Твой пленительный привет / Для сердец очарованье / И прекрасного завет» [ПСС: 87]. Здесь вновь не наблюдается описание внешности Голицыной. В центре стихотворения – образ не самой княгини, а характер общения автора и адресата: «Ты видала, как играет / Солнце раннею порой / И лилея расцветает / Окропленная росой» [ПСС: 87]. Княгиня ассоциируется у него с восходом солнца, с цветущей «лилеей, окропленной росой» [ПСС: 87], ночным пением соловья весной, прозрачной рекой, душистой черемухой. Стихотворение написано в 1824 г. – время, когда поэт окончательно потерял зрение, и особенно переживал свой недуг. Он говорит о своей «увядшей душе», «томной лире» и «задумчивых струнах», «хладном камне гробовом» [ПСС: 87]. В заключительных строфах он желает адресату, чтобы у неё всё было благополучно: «В свете гостя молодая, / Жизнь весело играй; / Бурям издали внимая, / Обо мне вспоминай!» [ПСС: 87]. По тональности, отношению к адресату послание Козлова близко

³⁵¹Жуковский В.А. Письма к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. 1867. Кн. 1-3, № 1-12. С. 826.

стихотворению А.С. Пушкина: «Давно об ней воспоминанье / Ношу в сердечной глубине / Ее минутное вниманье / Отрадой долго было мне»³⁵². Восприятие образа М.А. Голицыной у поэтов схоже: она милая, добрая, душевная, сердечная.

В 1830-х гг. М.А. Голицына уехала во Флоренцию, где познакомилась с писателем, впоследствии переводчиком пушкинской лирики для итальянцев Чезаре Бочеллой. Очевидно, что через княгиню он познакомился с сочинениями И.И. Козлова и начал работу над переводом его поэмы «Чернец» на итальянский язык. Интересно, что он сначала обратился к произведению Козлова, а уже потом принялся за перевод пушкинских поэм. Следует отметить, что на творчество русских поэтов еще в 1829 г. обратил внимание итальянский революционер, философ и мыслитель Джузеппе Мадзини, который на страницах одного из европейских журналов сообщал, что новая европейская тенденция ощутима «и в России, стране, вышедшей из варварства», примером чего могут служить стихи А.С. Пушкина и И.И. Козлова³⁵³. 20 февраля 1832 г. С.А. Соболевский писал из Милана С.П. Шевырёву: «Манцони... желает узнать кое-что о русской литературе, называл мне Пушкина и Козлова...»³⁵⁴. В 1835 г. в Пизе Чезаре Бочелла издал отдельной книгой перевод поэмы «Чернец» И.И. Козлова на итальянский, в 1841 г. – перевод пушкинских поэм («Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Братья разбойники»), опубликованных под названием «Четыре главные поэмы Александра Пушкина, переведённые Чезаре Бочеллой». Есть основания полагать, что этот литературный диалог между русскими поэтами и тосканским переводчиком состоялся через княгиню М.А. Голицыну.

И.И. Козлов воспринимал М.А. Голицыну не столько как певицу, сколько как «милого, доброго друга», «ангелом-утешителем», поддержавшего поэта в тяжелое время болезни. Он видел в ней молодую, прекрасную, талантливую, умную, «в блеске радужных сияний» женщину. Их общение носило дружеский, душевный характер. После её отъезда из России они тесно общались в письмах.

³⁵²Пушкин А.С. Кн. М.А. Голицыной («Дано об ней воспоминанье...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л., 1947. С. 303.

³⁵³Mazzini G. D'una letteratura europea, in «Antologia», XXXVI, novembre-dicembre 1829. Pp. 91-120

³⁵⁴Цит. по: Алексеев М.П. Пушкин и западная литература / М.П. Алексеев // Литературная учеба, 1937. № 1. С. 121

М.А. Голицына способствовала распространению сочинений И.И. Козлова за рубежом.

Особую роль в популяризации творчества И.И. Козлова сыграла Анна Давидовна Абамелек – представительница известного древнего армянского рода Лазаревых, одна из красивейших и образованнейших женщин своего времени, талантливая переводчица. Её называли «звездой Востока» и «пушкинской Заремой». Слава о красоте, уме и образованности княжны А.Д. Абамелек (Боратынской) выходила далеко за пределы России. Она в совершенстве знала несколько языков, что позволило ей с юных лет заниматься переводческой деятельностью. Свои переводы она всегда подписывала «A Russian Lady», но вся интеллигенция Европы знала, что замечательные строчки русских поэтов перевела очаровательная княжна Абамелек. В семнадцать лет она перевела на французский язык поэму «Чернец» (1826) И.И. Козлова и стихотворение «Талисман» (1826) А.С. Пушкина, заслужив всеобщую похвалу от самых именитых литераторов того времени. Очень скоро в перечне её переводов оказались произведения М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова и других поэтов.

Духовные, литературные, творческие и дружеские нити связывали княжну с И.И. Козловым. Нет точных указаний, где они могли познакомиться. Но уже то, что в качестве первой самостоятельной работы юной Абамелек стал перевод на французский язык поэмы И.И. Козлова «Чернец», свидетельствует, что на княжну это сочинение поэта произвело особое впечатление. О.И. Михайлова отмечает: «Издание поэмы стало событием для всех Лазаревых. В расходных книгах торжественно и красиво выведено: «24 июня 1831 года. На счёт содержания дома: заплачено в типографию института за бумагу, печатание и переплет повести «Чернец», переведенной на французский язык княжной А.Д. Абамелек, – 180 руб. 70 коп.»³⁵⁵. Это творческое сотрудничество переросло в дружеское общение, основанное не только на литературных интересах, но и схожим мировосприятием.

³⁵⁵Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абамелек / О.И. Михайлова // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука, 1986. Вып. 20. С. 74.

Они относились к той категории людей, которые готовы отдать всё, чтобы помочь нуждающемуся.

Козлов ценил тонкий ум, талант и поразительную красоту юной переводчицы. В 1832 г. он посвятил ей стихотворное послание «Княжне Абамелек». Автор сравнивает её с «пери молодой» (образ пери – прекрасной крылатой женщины, символизирующий связь с искусством, встречался в послании «З.А. Волконской»). Поэт рисует внешний облик А.Д. Абамелек, отмечая улыбку и взор княжны: «Восток горит в твоих очах, / Во взорах нега упоенья...» [ПСС: 205]. Многие художники пытались передать выражение чёрных, глубоких, пронзительных, несколько печальных, мечтательных глаз А.Д. Абамелек. Одним из них был А.П. Брюллов, представивший акварельный портрет княжны («А.Д. Абамелек», 1832-1835 гг.). Кажется, строчки И.И. Козлова, описывающие взор княжны, являются предвестником этой известной работы мастера. На полотне художник изобразил именно тот взор, который видел в своём воображении И.И. Козлов. Он сумел передать восточные черты её лица и отражающуюся в них русскую душу.

Но больше всего автор подчеркивает незаурядный талант молодой княжны: «Напевы сердца на устах, / А в сердце пламень вдохновенья» [ПСС: 205]. И.И. Козлов предвидит блестящее будущее юной переводчицы. Но вместе с тем, зная её сердце, живой ум и чувство искреннего сострадания к другим, он предугадает, что эта «пери молодая» не найдет себе места в светском обществе, не обретёт счастья в ежедневных балах и увеселениях. Будучи фрейлиной Императрицы, А.Д. Абамелек старалась избегать придворной суеты, ей доставляло большее удовольствие в уединенье заниматься переводческой деятельностью. В её альбоме один из современников отметил: «Пусть другие следуют за тобой в ярком освещении мраморных зал, когда при звуках громкой музыки, в венце камней драгоценных, с искрою радости в глазах ты кружишься в порывах веселья. Пусть другие ловят блестящий взгляд твой и в шуме танца прислушиваются одному твоему разговору. Мила ты мне в тени уединения, о

черноокая дочь Востока... Царское Село, 12 июля 1835 года»³⁵⁶ (автор строк неизвестен).

Такой встречает её будущий муж – флигель-адъютант Николая I И.А. Баратынский, брат известного поэта Е.А. Боратынского. В ноябре 1835 г. состоялась их свадьба. Семейное счастье было омрачено лишь волнением за родных и друзей. В 1837 г. Боратынские тяжело пережили гибель А.С. Пушкина, а через несколько лет их ждала весть о ссылке на Кавказ их близкого друга, дальнего родственника княжны, сослуживца её брата М.Ю. Лермонтова. Есть сведения полагать, что А.Д. Абамелек пыталась заступиться за молодого поэта после дуэли с сыном французского посла Эрнестом де Барантом, но успеха в деле не имела. М.Ю. Лермонтов подарил княжне автограф стихотворения «Последнее новоселье» (1841).

После кончины мужа в 1859 г. А.Д. Абамелек часто ездила в Баден-Баден, где в тишине и спокойствии занималась литературной деятельностью. В Европе она стала известна как первая российская женщина-переводчица. «Пламень вдохновенья» не покидал княжну до последних дней её жизни.

Для И.И. Козлова А.Д. Абамелек – одна из самых красивых женщин Петербурга («младая пери»), «звезда Востока» с чарующим взглядом. Метафоричность выражения «восток горит в её очах» впоследствии легла в основу работ многих художников, писавших портрет княжны. Кроме внешней красоты, Козлов ценил её переводческий талант, поддерживал его «пламень вдохновенья»: ему приятна была мысль, что первый труд Абамелек, получивший высокую оценку в литературных кругах, – перевод на французский язык его поэмы «Чернец». Он чувствовал в ней сердце, наполненное любовью к Богу, родителям, мужу, друзьям, ближним. А.Д. Абамелек, в свою очередь», поняла его поэзию, поэтому её перевод «Чернеца» интересен не только в переводческом отношении, но в смысловом и художественном.

³⁵⁶ Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абамелек / О.И. Михайлова // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. Л., 1986. Вып. 20. С. 75.

Посвящённое княжне Абамелек стихотворное послание было создано в романтическом ключе в соответствии с представлениями Козлова о нравственном и эстетическом совершенстве личности, духовное сосредоточение которой являет собой чувство любви.

Общение И.И. Козлова с современницами было насыщенным и разносторонним, повлиявшее на раскрытие творческой индивидуальности поэта. В адресованных к ним дружеских посланиях наблюдается эстетическое любование, рисуется идеальный женский образ. В представлении поэта женский идеал заключается в прекрасной деве, похожей на лилею, в радужных цветах. Для поэта женщина – это источник творчества, искусства, вдохновения, милосердия, мечтательности, материнства, средоточие нравственных достоинств и добродетелей, воплощение любви земной и небесной. Один из излюбленных образов в посланиях – это цветок. И.И. Козлов сравнивает адресата с лилией, символизирующей чистоту и нежность. Его отношение к женщинам близко к сакральному, поэтому очень часто он использует слова: «святая», «священная», «небесная», «эфирная», «неземная». Женщины-современницы успокаивают, искренне сопереживают, поддерживают, вдохновляют, радуют его. Но главное их предназначение поэт видит в материнстве.

В общении с современницами происходило развитие творческой индивидуальности поэта. Каждому своему адресату он подбирал только ему свойственные характеристики, что свидетельствует о разностороннем характере общения: сердечном, родственном, дружеском, творческом, литературном, философском, религиозном, эстетическом. В целом, общение И.И. Козлова с современницами носило отпечаток восхищения и сердечного благодарения за участие в его судьбе, наряду с соблюдением светского этикета ему удалось передать теплоту своих чувств.

Заключение

Творческий путь И.И. Козлова как поэта начался с того момента, когда, по словам А.С. Пушкина, для певца «во мгле сокрылся мир земной»³⁵⁷. Потеряв возможность видеть всю красоту жизни, а также самостоятельно передвигаться, поэт определил для себя три пути спасения – вера в Бога, семья, в которую, кроме родных, входили и близкие друзья, и поэзия. Все составляющие находились в тесной взаимосвязи. Этим объясняется, что вся последующая жизнь И.И. Козлова проходила в кругу близких и родных ему людей, он занимался любимым делом – поэзией, а жизнь видел теперь исключительно сквозь небесную призму.

Личность и судьба И.И. Козлова интересовала многих его современников. Одни видели в нём человека с трагической судьбой, полной лишений и боли, поэтому относились к его творчеству с нескрываемым сочувствием, другие по достоинству оценили его литературный талант, музыкальность и лиризм стихов, духовный потенциал поэзии. И.И. Козлов не оставался в долгу перед современниками, своими стихами проявляя сердечное участие к окружающим. В его поэзии на первый план выдвинулось личностное начало, интимные чувства, переживании и исповедальность. Он первым, как отмечает И.Д. Гликман, «провозгласил право поэта на глубокие, личные, лирические излияния»³⁵⁸, которые стали основой его дружеских посланий. Своеобразие романтической поэтической системы и художественных исканий поэта во многом определила его трагическая судьба.

Одним из источников, кроме писем и стихов, представляющим жизненную летопись поэта в период болезни, является его дневник, особое место в котором занимает диалог поэта с Богом. И.И. Козлов фиксирует в дневнике эпизоды чтения Святого Евангелия, молитвы, участие в богослужениях, беседы с духовником и священными служителями. Здесь чётко обозначены ценностные

³⁵⁷Пушкин А.С. Козлову («Певец! Когда перед тобой...») / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 391.

³⁵⁸Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 17.

ориентиры И.И. Козлова: семья, дружба, вера, творчество, потенциал которого даёт душевные силы для преодоления физических страданий, заставляет переосмыслить и воссоздать её заново. Для его дневника характерна двуплановость: первый план – фиксация бытовых событий, второй – жизнь души. Благодаря первому – бытовому – плану можно определить достаточно широкий круг общения поэта, который включал литераторов, музыкантов, священников, актёров, политиков, государственных и политических деятелей, описывал места, в которых бывал Козлов, время и обстоятельства знакомства с современниками. Это важно для определения историко-культурной основы общения (дружеского, литературного, официального), понимания творческой личности поэта.

В.В. Афанасьев в книге о В.А. Жуковском так определит связь физического и духовного состояния И.И. Козлова: «На глазах у Жуковского этот человек одновременно терял здоровье и приобретал поэтическую силу. Из сочинителя французских мадригалов он – буквально через несколько лет – станет одним из известнейших русских поэтов»³⁵⁹. Жизненный и творческий диалог И.И. Козлова и В.А. Жуковского стал важным звеном в становлении Козлова как поэта. В самом начале творческого пути И.И. Козлов обращается к его романтической поэтике, перенимая образ пловца, разбитого бурей челнока, странника, моря, божественного Провидения, двоemiрия, мотив переживания божественного откровения о себе, мотив памяти, прошлого и утраченного счастья, мотив дружбы как родства душ и источника вдохновения, мотив спасения челнока от бездны житейских невзгод. Романтические образы и мотивы И.И. Козлов превращает в символы, через которые кодирует состояние своего внутреннего мира, жизнь своей души. Он делает это бессознательно, например, романтический образ челнока варьируется в разных описаниях (изображается с пловцом и без него), является выражением и отражением личной трагедии поэта. Этот образ-символ становится магистральным и проходит через всю поэзию. Под влиянием В.С. Жуковского-переводчика И.И. Козлов обращается к переводам произведений

³⁵⁹Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. М.: Молодая Гвардия, 1987. С. 188.

Дж. Байрона, В. Скотта, Р. Бернса, Т. Мура, Ф. Шиллера, которые в идейном плане были созвучны и самому И.И. Козлову. Козлов-переводчик добивается определенного успеха в этом, в XX в. литературоведы воспринимают его именно как переводчика и интерпретатора, внёсшего значительный вклад в развитие осмысления поэтического наследия британской литературы. И.И. Козлов повлиял на восприятие русским читателем Дж. Байрона как поэта-страдальца, заслужив право называться первым байронистом в России.

В.А. Жуковский определил литературные обращения поэта к членам Царской Семьи и митрополиту Филарету. В адресованных им произведениях Царская Семья предстаёт как идеал власти, семьи, христианского смирения и милосердия. Вслед за своим литературным наставником И.И. Козлов пишет митрополиту Филарету стихотворное послание, в котором представляет картину: Митрополит встречает Царя с крестом в руках, чтобы благословить его исполнить «долг страшный, долг священный». Поэт восхваляет образ идеального правителя и просит для него благословения владыки. В своём ответном послании митрополит Филарет наставляет Козлова: не на словах, а на деле надо показывать любовь. Необходимо исполнять главный долг христианина – молиться, это лучшая помощь как для царя, так и для обычного человека.

Потенциал поэтического дара И.И. Козлова нашел свое выражение в различных жанрово-тематических модификациях, прежде всего в посланиях, которые в первой трети XIX века зачастую являлись элементом светского общения, в том числе связанного с написанием стихотворных строк «в альбом». У И.И. Козлова жанр послания наполнился глубоким личным содержанием. Заметно новаторское влияние других жанров: оды, сонета, песни, романса, идиллии, фантазии, баллады, мадригала, притчи, колыбельной и посвящения, что говорит о вкладе И.И. Козлова в развитие жанра послания, о его расширении границ и возможностях жанра в зависимости от индивидуальности адресата.

На развитие поэтического дарования И.И. Козлова оказал особое влияние А.С. Пушкин. Сам И.И. Козлов признавался, что А.С. Пушкин и В.А. Жуковский – его главные ориентиры в творчестве. А.С. Пушкин, в свою

очередь, восторженно отозвался о поэме И.И. Козлова «Чернец», адресовав её автору стихотворное послание «Козлову» (1825), в котором назвал его «другом» и «братом» по призванию и включил в поэтическое братство. Н.В. Гоголь, определяя отношение И.И. Козлова к А.С. Пушкину, отмечает: «Козлов относится к Пушкину так, как часть к целому. Поэт понимает все достоинство последнего. Оно лестнее жаркой душе его и кадил, и безотчетных хвал»³⁶⁰. Нет прямых оснований говорить о соотнесении И.И. Козлова к поэтам пушкинского круга, но невозможно не увидеть косвенных точек соприкосновений поэтов: переписка, отзывы о произведениях друг друга, адресованные стихотворные послания друг другу.

Испытав благотворное влияние гения Пушкина и Жуковского на пути своего поэтического становления, Козлов шел собственным путём в поэзии. Он создал свою оригинальную творческую систему, ввёл в литературу новый образ романтического героя – «мятущегося страдальца, отрешённого от радостей со своим взглядом на мир, раздумьем о жизни, мыслями и переживаниями»³⁶¹.

Современники-поэты пушкинского круга высоко оценили личность и «поэтический гений» И.И. Козлова. А.А. Дельви́г публикует его произведения на страницах «Северного альманаха». Разностороннее образование, ум и начитанность привлекало в дом И.И. Козлова В.К. Кюхельбекера, Е.А. Боратынского, П.А. Плетнева, Н.И. Гнедича. Поэт много помнил наизусть и декламировал гостям стихи свои и чужие. Это делало его интересным собеседником. П.А. Вяземский написал предисловие к отдельному изданию «Крымских сонетов» А. Мицкевича, переведённых поэтом Козловым, и поставил его фигуру в один ряд с А.С. Пушкиным. Братья Александр и Николай Тургеневы ввели Козлова в литературный круг Петербурга. Однако И.И. Козлов, испытывая на себе влияние литературного окружения, не терял своей самобытности. Несмотря на схожесть художественных исканий, поэтических принципов,

³⁶⁰Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [Подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8. Статьи. 1952. С. 154.

³⁶¹Степанов Н.Л. Лирика пушкинской поры / Н.Л. Степанов // Степанов Н.Л. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1972. С. 12.

характер общения Козлова с каждым из петербургских поэтов носил индивидуализированный характер, предопределял темы, которые найдут отражение в дружеских посланиях: сущность поэзии и личность поэта (И.А. Бек, И.П. Мятлев), ценность дружбы (В.А. Жуковский, А.И. Тургенев), философские искания и размышления о христианском рае и душе человека (П.Ф. Балк-Полев, А.Н. Муравьёв), патриотические чувства и судьба России и русского народа (Н.И. Тургенев), творчество Дж. Байрона и древнегреческая поэзия (Н.И. Гнедич). Современники высоко оценили самобытность поэтического гения Козлова, музыкальность и напевность стихов, переводческий талант, искренность и субъективно-эмоциональную основу его произведений и ставили его фигуру в один ряд с ведущими поэтами своего времени.

На поэтическое становление Козлова огромное влияние оказало общение с современницами, которое носило насыщенный и разносторонний характер. Поэт выезжал в свет, посещал литературные и музыкальные салоны, устраивал приёмы дома. Современницы оказывали ему должное внимание: поэт был литературным явлением, «образцом» стоического преодоления своей судьбы. Сначала их влекло сочувствие, затем это чувство переходило в дружбу, которая длилась много лет.

Исповедальный, сокровенный, сердечный характер носило общение И.И. Козлова с А.А. Воейковой и А.Г. Хомутовой. В посвящённых им стихотворениях поэт доверяет свои страхи и опасения, мечты и желания. С их стороны наблюдается не просто дружеское, а даже родственное отношение к Козлову, они искреннее переживают за его судьбу.

Философско-религиозный и литературный диалог И.И. Козлова состоялся с А.Н. Голицыной и Т.С. Вейдемейер. Дневниковые записи поэта свидетельствуют о том, что в беседах с ними он поднимал тему жизни и смерти, покаяния, спасения души, делился своим представлением о христианском рае, рассуждал о жизненных ценностях, трагедии своей судьбы.

Литературно-творческий характер носило общение И.И. Козлова с хозяйками литературных гостиных – Д.Ф. Фикельмон, З.Н. Волконской, А.Г. Лаваль. В письмах он отправлял им свои произведения – ему было важно

узнать их мнение как ценителей литературы. Они обсуждали с ним творчество любимых поэтов (Джордж Байрон, Томас Мур, Данте Алигьери, Торквато Тассо др.), просили, чтобы он перевёл понравившиеся отрывки зарубежных авторов. Их переписка носит более литературный характер.

Тесное литературное общение сложилось у И.И. Козлова с семьей Олениных. Потрясённые поэмой «Чернец», Оленины часто приглашали И.И. Козлова, чтобы услышать его новые произведения. Козлов часто бывал в их петербургском и загородном доме в Приютино, стал активным участником оленинского общества, объединившего знатоков культуры и искусства. Посвящённые А.А. Олениной, адресату многих посланий А.С. Пушкина, стихотворения носили литературный и одновременно отеческий характер.

В период болезни музыка стала одним из главных утешений И.И. Козлова: она пробуждала в нём воспоминания, переносила в светлое будущее, ободряла и вдохновляла поэта. Об этом знали музыканты и певицы того времени – М. Шимановская, Г. Зонтаг, П. Бартенева, М. Потоцкая. Он был потрясён их талантом и тем, что делали звуки их голоса с его душой. Сердечность общения с ним, талант, голос, исполнение для него любимых музыкальных произведений – это возможность для поэта вырваться из плена «тмы», оживить прошлое, почувствовать жизнь.

М.А. Голицына и А.Д. Абамелек сыграли особую роль в популяризации творчества И.И. Козлова. Благодаря их переводам о русском поэте узнали в Европе.

И.И. Козлова видел в своих современницах женский идеал – источник красоты, творчества, вдохновения, искренности, самоотречения, воплощение земной и небесной любви, материнства. Благодарность за участие в его судьбе, тепло и поддержку, подаренные ими, легла в основу его поэтических посланий.

Искренний и самобытный поэт И.И. Козлов во многом определил духовный вектор развития русской культуры 1820-1830-х гг., повлиял на развитие национального самосознания и мировосприятия. Он стал образцом нравственного, физического и духовного подвига преодоления и смирения, чем

вызывал интерес современников. Формирование его творческой индивидуальности происходило в характерной для эпохи русского романтизма атмосфере дружеского сочувствия, эстетизации и идеализации человеческих взаимоотношений, что отразилось в творческом личном диалоге поэта с современниками и развитии жанра послания как одной из форм общения.

Список литературы

I. Источники.

1. Бек И.А. Ивану Ивановичу Козлову, по прочтении повести его: Безумная / И.А. Бек // С.-Петербургский вестник. – 1831. – Том 1, № 11. – С. 296-297.
2. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д.В. Веневитинов. – Москва: Наука, 1980. – 608 с.
3. Волконская З.А. И.И. Козлову / З.А. Волконская // Утренняя заря. – 1839. – С. 193.
4. Вяземский П.А. Письмо к И.И. Козлову от 2 января 1828 г. / П.А. Вяземский // Русский архив. – 1886. – Кн. 1, № 2. – С. 177-202.
5. Вяземский П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский. – 3-е изд., перераб. и доп. – Ленинград: Советский писатель, 1986. – 544 с.
6. Глинка М.И. Записки / М.И. Глинка. – Москва; Ленинград: Academia, 1930. – 568 с.
7. Гнедич Н.И. Письмо к Козлову И.И., 17 января 1828 г. Одесса / Н.И. Гнедич // Русский архив. – 1886. – Кн.1, № 2. – С. 189-190.
8. Даргомыжский А.С. Избранные письма / А.С. Даргомыжский; [вступительная статья, редакция текста и аннотированный указатель проф. М.С. Пекелиса]. – Москва: Музгиз, 1952. – Вып. 1. – С. 19-20.
9. Дельвиг А.И. Воспоминания. 1820-1870 / А.И. Дельвиг; [ред. и вступ. статья С.Я. Штрайха; предисл. Д.О. Заславского]. – Москва; Ленинград: Academia, 1930. – 590 с.
10. Жуковский В.А. Записочки к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. – 1886. – Кн.1, № 2. – С. 181-182.
11. Жуковский В.А. Письма к И.И. Козлову / В.А. Жуковский // Русский архив. – 1867. – Кн. 1-3, № 1-12. – С 820-842.
12. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / В.А. Жуковский. – Москва: Языки русской культуры. – 1999.

13. Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. / В.А. Жуковский. – Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959-1960. – Т. 1: Стихотворения, 1959. – 480 с.
14. Козлов И.И. Дневник / И.И. Козлов; [публ., вступ. ст. и комментарии К.Я. Грота]. – С-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1906. – 33 с.
15. Козлов И.И. Письмо к А.И. Тургеневу / И.И. Козлов // Русская старина. – 1875. – № 12. – С. 748-749.
16. Козлов И.И. Письмо к А.Н. Муравьеву // Вестник всемирной истории. – 1900. – № 6 (май). – С. 89 (по материалам для истории новой русской литературы Берлинской библиотеки, фонд №29а).
17. Козлова И.И. Письмо к Н.А. Полевому / И.И. Козлов // Русское обозрение. – 1893. – Т. XXI. – № 6 (июнь). – С. 821.
18. Козлов И.И. Письмо к П.А. Бартеневой / И.И. Козлов // Звенья. – 1951 – Т. 9. – С. 485. Оригинал находится в альбоме Бартеневой в Государственном литературном музее (лист 27).
19. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений / И.И. Козлов; [вступительная статья, подготовка текста и примечания И.Д. Гликмана]. – Ленинград: Советский писатель, 1960. – 506 с.
20. Козлов И.И. Стихотворения И.И. Козлова; [изд-е испр. и доп. А.И. Введенским]. – С-Петербург. Издание А.Ф. Маркса, 1892. – 344 с.
21. Козлов И.И. Стихотворения / И.И. Козлов; [сост., вступ. ст. В.И. Сахарова]. – Москва: Советская Россия, 1979. – 176 с.
22. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. (Литературные памятники). – Ленинград: Наука: Ленинградское отделение. – 1979. – 788 с.
23. Лаваль А.Г. Два письма к И.И. Козлову / А.Г. Лаваль // Русский архив. – 1886. – Кн. 3-4, № 3. – С. 317-318.
24. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. / М.Ю. Лермонтов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
25. Муравьев А.Н. Записка и письмо к И.И. Козлову / А.Н. Муравьев // Русский архив. – 1886. – Кн.1, № 2. – С. 192.

26. Муравьев А.Н. Таврида / А.Н. Муравьев. – Москва: В типографии С. Селивановского, 1827. – 518 с.
27. Мятлев И.П. Письмо к Козлову И.И., 18 июня 1834 г. / И.П. Мятлев // Русский архив. – 1886. – Кн.1, № 2. – С. 191-192.
28. Мятлев И.П. Стихотворения / И.П. Мятлев. – Ленинград: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1965. – 647 с.
29. Оленина А.А. Дневник "Annette" / А. А. Оленина; [Предисл. О.Н. Оом, с. 12-54]. – Москва: Фонд им. И.Д. Сытина, 1994. – 269 с.
30. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823 / [издание графа С.Д. Шереметева; под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова]. – С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 371 с.
31. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836; [издание графа С.Д. Шереметева; под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова]. – С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 530 с.
32. Памяти матери Нектарии (кн. Наталья Борисовна Долгорукая). Из стихов И.И. Козлова // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII-XIX вв. – 1996. – Сентябрь. – С. 389-423.
33. Плетнев П.А. К И.И. Козлову / П.А. Плетнев // Северный цветы. – 1825. – С. 339.
34. Погодин М.П. Письмо к В.Ф. Одоевскому, 2 марта 1827 г. Из переписки кн. В.Ф. Одоевского / М.П. Погодин // Русская старина. – 1904. – № 3. – С. 706.
35. Полевой Н.А. Стихотворения Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф – 1828. – № 24. – С. 481.
36. Потоцкая М.А. Письмо И.И. Козлову от 11 мая 1832 г. / М.А. Потоцкая // Русский архив. – 1886. – Кн. 3-4, № 3. – С. 319.
37. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: В 16 т. – Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1937-1959.

38. Раевский Н.А. Портреты заговорили. Пушкин, Фикельмон и Дантес / Н.А. Раевский. – Москва: Вече, 2018. – 448 с.

39. Розе Е.И. Анна Григорьевна Хомутова (биографический очерк) / Е.И. Розе // Русский архив. – 1867. – № 7. – С. 1050-1051.

40. Селиванов И.В. Мое знакомство с И.И. Козловым / И.В. Селиванов // Русский архив. – 1903. – Кн. 3, № 12. – С. 665-668.

41. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи. Т. 1-5. – Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1873. – Т. 1: 1803-1821. – 300 с.

42. Столбова Н.П. Охта. Окрина Санкт-Петербурга / Н.П. Столбова. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 430 с.

43. Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826) / А.И. Тургенев; [изд. подгот. М.И. Гиллельсон]. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 624 с.

44. Тургенев Н.И. Дневники и письма / Н.И. Тургенев // Архив братьев Тургеневых в 3 т. – Петроград, 1921. – Т. 3. – С. 312.

45. Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829-1837. Весь пушкинский Петербург / Д.Ф. Фикельмон. – Москва: Минувшее, 2009. – 1002 с.

46. Филарет (Дроздов Василий Михайлович); митрополит Московский и Коломенский. Слова и речи Синодального члена Филарета Московского: в 3 ч. / Филарет. – Москва: Типография А. Семена, 1845.

47. Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. – 1886. – № 2. – С. 177-200.

48. Хомутов А.С. Из бумаг поэта И.И. Козлова / А.С. Хомутов // Русский архив. – 1886. – № 3. – С. 309-311.

II. Архив.

49. Архив З.А. Волконской. ОРБ Хоттон.

50. РО ГПБ, ф. 542, № 884.

III. Литературная критика.

51. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В.Г. Белинский; [ред. Н.Ф. Бельчиков]. – Москва: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. Статьи и рецензии 1841-1844. – 863 с.

52. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В.Г. Белинский; [текст подгот., коммент. сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой]. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 7. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине 1843-1846. – 799 с.

53. Белинский В.Г. О творчестве И.И. Козлова / В.Г. Белинский // Отечественные записки. – 1841. – Т. VI. – С. 1-15.

54. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания / И.Ф. Буслаев; [изд. В.Г. Фон-Бооля]. – Москва, Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. – 402 с.

55. Бестужев-Марлинский А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России / А.А. Бестужев-Марлинский // Полярная звезда. – 1823. – С. 11-29.

56. Бестужев-Марлинский А.А. Взгляд на старую и новую словесность в России / А.А. Бестужев-Марлинский // Полярная звезда. – 1825. – С. 488-499.

37. Веневитинов М.А. К биографии поэта Д.В. Веневитинова / М.А. Веневитинов // Русский архив. – 1885. – Кн. 1, вып. 1. – С. 127.

38. Вяземский П.А. Старая записная книжка / П.А. Вяземский; [составление, статья и комментарий Л.Я. Гинзбург]. – Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1927. – 241 с.

39. Вяземский П.А. Чернец. Киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова / П.А. Вяземский // Московский телеграф. – 1825. – № 8. – С. 312-320.

40. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / П.А. Вяземский. – Москва: Искусство, 1984. – 463 с.

41. Гоголь Н.В. О поэзии Козлова / Н.В. Гоголь; [подгот. к печати Б.В. Томашевский] // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. – Т. 8. Статьи. – 1952. – С. 153-155.

42. Грот К.Я. К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова / К.Я. Грот // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1904. – Т. 9, кн. 2. – С. 88.
43. Грот К.Я. Вступительная статья и комментарии к дневнику И.И. Козлов / К.Я. Грот // И.И. Козлов Дневник. – Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 1-33.
44. Данилов Н.М. Иван Иванович Козлов / Н.М. Данилов. – Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1914. – 61 с.
45. Данилов Н.М. Материалы для Полного собрания сочинений И.И. Козлова / Н.М. Данилов. – Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1915. – 45 с.
46. Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860-1867. – Москва: Новости, 1992. – 592 с.
47. Дружинин А.В. Полное собрание сочинений Ивана Козлова / А.В. Дружинин // А.В. Дружинин Сочинения. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1865. – Т. VII. – С. 82-97.
48. Жуковский В.А. О стихотворениях И.И. Козлова / В.А. Жуковский // В.А. Жуковский-критик [Статьи и письма]. – Москва: Советская Россия, 1985. – 317 с.
49. Жуковский В.А. Предисловие к поэме Козлова «Чернец» // Пушкин и его современники. – Санкт-Петербург, 1911. Т. IX. С. 243.
50. Маслов В.И. Начальный период байронизма в России: (Критико-библиографический очерк) / В.И. Маслов. – Киев: тип. Императорского Университета св. Владимира, 1915. – С. 52-53.
51. Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами / А.Н. Муравьев. – Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1871. – С. 20.
52. Плетнев П.А. К И.И. Козлову / П.А. Плетнев // Северный цветы. – 1825. – С. 339.

53. Плетнев П.А. «Невеста Абидосская»: турецкая повесть лорда Байрона, перевел Иван Козлов / П.А. Плетнев // Московский телеграф. – 1826. – Ч. 12. – № 23. – С. 182-196.

54. Плетнев П.А. Сочинения и переписка в 3 т. [изд. и снабдил предисл. Я. Грот] / П.А. Плетнев. – Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1985. Т. 1. – 578 с.

55. Полевой Н.А. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Сочинение Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. – 1828. – № 4. – С. 553-555.

56. Полевой Н.А. Стихотворения Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф – 1828. – № 24. – С. 480-485.

57. Полевой Н.А. Собрание стихотворений Ивана Козлова / Н.А. Полевой // Московский телеграф. – 1833. – № 10. – С. 317-324.

58. Соколов В. Послание к В.А. Жуковскому, сочинение И.И. Козлова, напечатанное вместе с его же стихотворной Повестью: Чернец [перевод статьи из Санкт-Петербургской газеты на французском языке] / В. Соколов // Новости литературы. – 1825. – Кн. XIII. – С. 40-48, 101-109.

59. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. / Н.В. Соловьёв. (Бумаги А.А. Воейковой). – Петроград: тип. Сириус, 1915. – Т.1. – 269 с.

60. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. / Н.В. Соловьёв. (Бумаги А.А. Воейковой). – Петроград: тип. Сириус, 1916. – Т. 2. – 188 с.

61. Труш К.А. Очерк литературной деятельности И.И. Козлова (1779-1840) / К.А. Труш. – Москва: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1899. – 32 с.

IV. Энциклопедические и справочные издания, словари.

62. Словарь языка Пушкина: в 4 т. [Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов]. Т.2. З-Н. – Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956-1961. – 3232 с.

V. Научно-исследовательская литература.

63. Арутюнова-Манусевич Б.А. Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты / Б.А. Арутюнова-Манусевич. – Санкт-Петербург: Русская культура, 2017. – 272 с.

64. Айзикова И.А. Тема Святого Причастия в дневниках и записных книжках В.А. Жуковского 1840-х гг. / И.А. Айзикова // Русская литература в литургическом контексте. – 2012. – С. 25-36.

65. Айзенштадт М.Б, Айзенштадт В.Б. У поэта Козлова – в поисках забытого адреса // Нева. – 2005. – № 8. – С. 229-232.

66. Айхенвальд Ю.И. И.И. Козлов / Ю.И. Айхенвальд // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. И.И. Козлов. – Москва: Республика, 1994. – С. 526-531.

67. Алексеев М.П. Пушкин и западная литература / М.П. Алексеев // Литературная учеба. – 1937. – №1. – С. 114-136.

68. Алексеев М.П. Томас Мур и русские писатели XIX века / М.П. Алексеев // Русско-английские литературные связи (XVIII век– первая половина XIX века). – Москва: Наука, 1982. – С. 658-675.

69. Алиева Э.Н., Веденяпина Э.А. Секрет успеха одного романа / Э.Н. Алиева, Э.А. Веденяпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 (27), ч. 2. – С. 31-35.

70. Алпатова Т.А., Киселева И.А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы / Т.А. Алпатова, И.А. Киселёва // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 136-141.

71. Аношкина-Касаткина В.Н. Русский романтизм: В.А. Жуковский, А.С. Пушкин: монография / В.Н. Аношкина-Касаткина. – Москва: ИИУ МГОУ, 2014. – 400 с.

72. Афанасьев В.В. «Вечерний звон» и его создатель «поэт-слепец» Иван Козлов / В.В. Афанасьев // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. – 2002. – Вып. 4. – С. 37-38.

73. Афанасьев В.В. Жизнь и лира: Заметки о забытом поэте-классике Иване Ивановиче Козлове (1779-1840) / В.В. Афанасьев // Литературная учеба. – 2000. – № 4. – С. 84-91.

74. Афанасьев В.В. Жизнь и лира. Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове / В.В. Афанасьев. – Москва: Детская литература, 1977. – 192 с.

75. Афанасьев В.В. Жуковский / В.В. Афанасьев. – Москва: Молодая Гвардия, 1987. – 399 с.

76. Батунова Т.К. Страницы русских альманахов: Духовные искания литераторов пушкинского круга / Т.К. Батунова. – Москва: Век, 1998. – 107 с.

77. Бобылева С.В., Жаткин Д.Н. К вопросу о переводе И.И. Козловым произведений Томаса Мура / С.В. Бобылева, Д.Н. Жаткин // Литература в диалогах культур. – 2007. – № 5. – С. 34-35.

78. Букалов А.М. «Берег дальний». Из зарубежной Пушкинианы. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – 601 с.

79. Бышкина А.П. Образ воина в лирике И.И. Козлова и ее народно-песенных вариантах в контексте стихотворений о наполеоновских войнах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. Вып. 1. – С. 62-67.

80. Бышкина А.П. Ратная лирика И.И. Козлова / А.П. Бышкина // Филологические этюды. – 2013. – Вып. 16, кн. 1. – С. 21-25.

81. Вацуру В.Э. Козлов И.И. / В.Э. Вацуру // Русские писатели (1800-1917): биографический словарь. Ч. 3: К-М. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1994. – С. 5-8.

82. Введенский А.И. Вступительная статья и комментарии к полному собранию сочинений И.И. Козлова / А.И. Введенский // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. – С-Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1892. – С. 5-10.

83. Веденяпина Э.А. Мастерство И.И. Козлова-переводчика: (Особенности стиля) / Э.А. Веденяпина // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века. – 1988. – С. 26-33.

84. Веденяпина Э.А. Романтический герой в поэмах Козлова / Э.А. Веденяпина // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. – 1972. – С. 54-59.

85. Витушинская Л.А. Стихотворный диалог Пушкина и святителя Филарета / Л.А. Витушинская // Славянские чтения – 2008. – С. 155-159.

86. Гинзбург Л.Я. Эвфемизмы высокого: (По поводу писем людей пушкинского круга) / Л.Я. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1987. – № 5. – С. 199-206.

87. Гинзбург Л.Я. Застенчивость чувства: По поводу писем людей пушкинского круга / Л.Я. Гинзбург // Красная книга культуры. – 1989. – С. 183-201.

88. Гликман И.Д. Вступительная статья, подготовка текста и примечания к полному собранию стихотворений И.И. Козлова / И.Д. Гликман // Козлов И.И. Полное собрание сочинений. – Ленинград: Советский писатель, 1960. – С. 5-51, 441-490.

89. Горских О.В. Поэзия пушкинской поры: содержание и методика изучения / О.В. Горских // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 11-14.

90. Гузина С.В. Значение осмысления феномена И.И. Козлова для реконструкции историко-литературного процесса эпохи романтизма / С.В. Гузина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – № 6. – С. 83-88.

91. Гузина С.В. «Страданье верою цветёт...»: о христианском содержании поэзии И.И. Козлова / С.В. Гузина // Europ. social science j. = Европейский журнал социальных наук. – 2013. – № 9 (36), т. 1. – С. 136-142.

92. Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование / О.Г. Егоров. – Москва: Флинта: Наука, 2002. – 288 с.

93. Ефимова С.А. Мотивы жизни и смерти в стихотворении И.И. Козлова «Вечерний звон» / С.А. Ефимова // О вы, которых ожидает Отечество. – 1993. – С. 32-48.

94. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Восприятие И.И. Козловым творчества В. Вордсворта и С.Т. Кольриджа / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – Вып. 10. – С. 235-239.

95. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Д. Байрон и И.И. Козлов: из истории международных связей русской литературы / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Русь, Россия, Советский Союз: опыт и уроки развития международных связей. – 2007. – С. 37-40.

96. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И. Козлов и классики английской литературы (У. Шекспир, Р. Бернс): традиции и переводы / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – № 47. – С. 57-60.

97. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И. Козлов как интерпретатор поэтического творчества В. Скотта / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе. – 2007. – Вып. 4. – С. 96-100.

98. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И. Козлов как переводчик Томаса Кэмпбелла / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Поморского университета. – 2008. – Вып. 1(13). – С. 60-63.

99. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И. Козлов – переводчик произведений Р. Бернса / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Проблемы интерпретации художественного произведения. – 2007. – С. 216-220.

100. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. К вопросу о байронических мотивах и традициях творчества Дж.-Г. Байрона в поэмах И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Известия высших учебных заведений. – 2013. – №1(25). – С. 112-118.

101. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. К вопросу о переводческой интерпретации И.И. Козловым поэмы Дж.-Г. Байрона «Абидосская невеста» / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе. – 2008. – Вып. 5. – С. 101-107.

102. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников / Д.Н. Жаткин // Вестник

Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 6. – С. 176-192.

103. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Особенности отражения национального сознания при интерпретации И.И. Козловым поэзии английского романтизма / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Ефремовские чтения: концепция современного мировоззрения. – 2008. – С. 111-114.

104. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Р. Бернс и И.И. Козлов: диалог культур / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 163-166.

105. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Томас Мур и И.И. Козлов: диалог культур / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 52. – С. 97-105.

106. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции английской романтической поэзии в творчестве И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Интеграция образования. – 2007. – № 2. – С. 136-139.

107. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции Вальтера Скотта в литературном творчестве И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 1. – С. 348-352.

108. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г. Байрона и байронические мотивы в лирике И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 203-206.

109. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г. Байрона в поэмах И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Альманах современной науки и образования. – 2007. – Т. 1. – С. 110-111.

110. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Художественный образ эпохи в творчестве Вальтера Скотта и его преломление в поэтических переводах И.И. Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе. – 2007. – С. 153-156.

111. Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. «Вечерний звон» И.И. Козлова: опыт филологического анализа / Д.Н. Жаткин, Т.А. Яшина // Семантика. Функционирование. Текст. – 2007. – С. 142-146.

112. Жилина Н.П. Образ Натальи Долгоруковой как воплощение женского идеала в поэмах К.Ф. Рылеева и И.И. Козлова / Н.П. Жилина // Вестник Ленинградского государственного университета. – 2009. – Т. 1. – № 5. – С. 7-11.

113. Казакова Л.А. Диалогизация авторской речи в лирике и поэмах А.С. Пушкина / Л.А. Казакова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1999. – № 1. – С. 254-261.

114. Касаткина В.Н. Поэтический диалог А.С. Пушкина с Ф.Н. Глинкой и В.Ф. Раевским / В.Н. Касаткина // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе. – 1986. – С. 36-53.

115. Каменская М. Ф. Воспоминания [Подгот. Текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Боковой] / М.Ф. Каменская. – Москва: Художественная литература, 1991. – 383 с.

116. Канунова Ф.З. Проблема диалога в переводах В.А. Жуковского (с немецкого языка) / Ф.З. Канунова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 20-26.

117. Карушева-Елепова М.Ю. Святоотеческая идея божественной природы прекрасного в творческом диалоге А.С. Пушкина и В.А. Жуковского / М.Ю. Карушева-Елепова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – 2010. – С. 5-13.

118. Киреева Н.В. Особенности мироотношения поэтов пушкинского круга и логика развития литературного процесса в XIX веке: (К вопросу о синтетическом методе в литературе) / Н.В. Киреева // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 4. – С. 58-71.

119. Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система: монография / И.А. Киселёва. – Москва: ИИУ МГОУ, 2011. – 314 с.

120. Кожин В.В. Книга о русской лирической поэзии XIX века / В.В. Кожин. – Москва: Современник, 1978. – 304 с.

121. Кошелев В.А. Татьяна Ларина и «Русская традиция». (К постановке вопроса) / В.А. Кошелев // Проблемы современного пушкиноведения. – 1991. – С. 31-40.

122. Королева Д.А. Святитель Филарет и А.С. Пушкин: стихотворный диалог / Д.А. Королева // Православная культура в России: прошлое и настоящее: (По материалам Вторых Св. Филарет. чтений). – 2007. – С. 36-41.

123. Левин Ю.Д. Перевод из Шиллера И.И. Козлова / Ю.Д. Левин // Фридрих Шиллер: Статьи и материалы. – 1966. – С. 315-317.

124. Левченко Ю.В. "Song" В. Скотта (из поэмы "Rokeby") в переводах К. Павловой и И. Козлова (сопоставительный анализ) / Ю.В. Левченко // Учёные записки РОСИ. – 2005. – Вып. 6. – С. 82-88.

125. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма / Ю.В. Манн. – Москва: Наука, 1976. – 372 с.

126. Меграбян Л.Р. Лирика Байрона: перевод, разрушающий стиль // Университетские чтения – 2009: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – 2009. – Ч. 7. – С. 78-82.

127. Милованова О.О. Творчество А.С. Пушкина в осмыслении писателей пушкинского круга // Античный мир и мы. – Материалы и тез. конф., Саратов, 16-17 апр. 1998. Саратов. – 1999. – Вып. 5. – С. 9-15.

128. Михайлова Н.И. Поэтический диалог И. Козлова с митрополитом Филаретом / Н.И. Михайлова // Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский. – 2003. – С. 228-229.

129. Михайлова О.И. Портреты А.Д. Абабелек / О.И. Михайлова // Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкин. комис. – 1986. – Вып. 20. – С. 65-89.

130. Мойсевич В.Г. «В альбом» И.И. Козлова / В.Г. Мойсевич // Гуманитарное знание – 1998. – Вып. 2, кн. 2. – С. 92-96.

131. Мойсевич В.Г. Пушкин и Козлов / В.Г. Мойсевич // Вопросы фольклора и литературы. – 1999. – С. 115-121.
132. Мойсевич В.Г. Пушкин и Козлов / В.Г. Мойсевич // Славянские чтения. – 2001. – Вып. 7-8. – С. 36-41.
133. Мойсевич В.Г. Светлана (А.А. Воейкова) – муза И.И. Козлова / В.Г. Мойсевич // Гуманитарное знание: серия преемственность. – 1997. – Вып. 1. – С. 40-42.
134. Мойсевич В.Г. Тридцатый сонет У. Вордсворта в переводе И.И. Козлова / В.Г. Мойсевич // Славянские чтения – 4. – 2009. – С. 41-43.
135. Муравьева И.А. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга / И.А. Муравьева. – Санкт-Петербург: Книга, 2008. – 544 с.
136. Найдич Э. «Она поет – и звуки тают...» // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. – Санкт-Петербург: Художественная литература, 1994. – С. 123-132.
137. Непомнящий И.Б. Стихотворение Ф.И. Тютчева «Не раз ты слышала признание...» в свете реминисцентной поэтики / И.Б. Непомнящий // «Слово – чистое веселье...»: Сб. ст. в честь А.Б. Пеньковского. – 2009. – С. 311-333.
138. Непомнящий И.Б. Тютчев и Козлов (к постановке проблемы) / И.Б. Непомнящий // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – С. 163-168.
139. Орлов В.Н. Поэты пушкинской поры / В.Н. Орлов // Поэты пушкинской поры. Избранные стихотворения. – Москва-Ленинград: Государственное издательство детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1949. – С. 5-22.
140. Панфилов А.Ю. Неизвестное стихотворение А.С. Пушкина: (Источниковед. исслед.) \ А.Ю. Панфилов. – Москва: Спутник, 2008. – 170 с.
141. Пашкуров А.Н. Диалог о «поэте и поэзии»: М.Н. Муравьев и А.С. Пушкин / А.Н. Пашкуров // Ученые записки Казанского государственного университета. – 1998. – Т. 136. – С. 38-42.
142. Перкин Е.Н. Вокруг Пушкина: Встречи польских и русских поэтов / Е.Н. Перкин // Русская мысль = Lapenseerusse. – 1999. – № 4268. – С. 13-14.

143. Полуяхтова И.К. Данте в переводах И. Козлова / И.К. Полуяхтова // Проблема взаимовлияния в русской и зарубежной литературе XIX –XX вв. – 1986. – С. 100-109.
144. Поплавская Н.А. Послание в творчестве поэтов пушкинского круга / Н.А. Поплавская // Проблемы метода и жанра. – 1994. – Вып. 18. – С. 84-102.
145. Постоутенко К.Ю. «Вечерний звон»: Семантика ритма / К.Ю. Постоутенко // *Quinquagenario Alexandri Plusini oblata*. – 1990. – С. 19-22.
146. Прожогин Н.П. Переводчик Пушкина Чезаре Боччела // Временник Пушкинской комиссии. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 60-75.
147. Пятаева А.В. Агиографический канон в поэме И.И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» / А.В. Пятаева // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – 2007. – Т. 2. – С. 107-111.
148. Пятаева А.В. Жанр сонета в поэзии И.И. Козлова / А.В. Пятаева // Гуманитарные исследования = *Humanitaria studia*. – 2007. – № 1. – С. 38-42.
149. Пятаева А.В. И.И. Козлов и поэзия русского любомудрия / А.В. Пятаева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 116-120.
150. Пятаева А.В. К вопросу жанровых трансформациях в молитвенной лирике: (На материале поэзии Ивана Козлова) / А.В. Пятаева // Вопросы теории и практики. – 2008. – №1(1), ч. 1. – С. 147-149.
151. Пятаева А.В. Мотивы и образы английского романтизма в поэзии И.И. Козлова: к проблеме байронизма / А.В. Пятаева // Филологический поиск. – 2006. – Вып. 5. – С. 192-197.
152. Пятаева А.В. Осмысление экстремальной ситуации в поэме И.И. Козлова «Чернец»: к проблеме психологизма / А.В. Пятаева // Интернационализация региональных вузов: тенденции, стратегии, пути развития. – 2012. – С. 450-455.
153. Пятаева А.В. Хаос и гармония в поэтическом мире Ивана Козлова / А.В. Пятаева // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах. – 2006. – С. 512-517.

154. Пятаева А.В. Христианский романтизм Ивана Козлова / А.В. Пятаева // Альманах современной науки и образования. – 2007. – Т. 1. – С. 233-235.
155. Пятаева А.В. Эмоция страдания как доминанта душевной жизни лирического субъекта (по поэзии И.И. Козлова) / А.В. Пятаева // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова. – 2005. – С. 124-129.
156. Рождественский В.И. В созвездии Пушкина. Книга о русских поэтах / В.И. Рождественский. – Москва: Современник, 1972. – 224 с.
157. Рубинчик О.Е. «Вечерний звон у стен монастыря...»: об одном стихотворении Анны Ахматовой / О.Е. Рубинчик // Печать и слово Санкт-Петербурга – 2012: Петербургские чтения. – 2013. – Ч. 2. – С. 198-206.
158. Рудакова С.В. Мотив сна в лирике Е.А. Боратынского / С.В. Рудакова / С.В. Рудакова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2012. – № 3. – С. 8.
159. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. И.И. Козлов – переводчик произведений поэтов Озерной школы / А.А. Рябова, Д.Н. Жаткин // Литература в диалоге культур. – 2007. – № 5. – С. 196-197.
160. Савкина И.Л. Теории и практики автобиографического письма / И.Л. Савкина // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 92. – С. 284-289.
161. Самовер Н.В. «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году / Н.В. Самовер // Лица: Биогр. альм. – 1995. – Вып. 6. – С. 87-119.
162. Сахаров В.И. Поэзия светлой души: к 200-летию со дня рождения И. Козлова / В.И. Сахаров // Волга. – 1979. – № 4. – С. 176-181.
163. Сахаров В.И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили / В.И. Сахаров. – Москва: ИМЛИ РАН, 2004. – 255 с.
164. Сахаров В.И. Русский романтизм XIX века. Лирика и лирики / В.И. Сахаров. – Москва: Русское слово, 2006. – 320 с.
165. Сахаров В.И. Составление, вступительная статья и примечания к избранному собранию стихотворений Ивана Козлова / В.И. Сахаров // Козлов И.И. Стихотворения. – Москва: Советская Россия, 1979. – С. 4-10.

166. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры: Батюшков. Жуковский. Денис Давыдов. Вяземский. Кюхельбекер. Языков. Баратынский / И.М. Семенко. – Москва: Художественная литература, 1970. – 293 с.

167. Соломонова В.В. Поэма И.И. Козлова «Чернец» в оценке его современников / В.В. Соломонова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – 2009. – Ч. 2. – С. 52-56.

168. Степанищева Т.Н. Построение «пушкинской эпохи» по Вяземскому / Т.Н. Степанищева // Пушкинские чтения в Тарту. – 2011. – Ч. 1. – С. 206-223.

169. Степанов Н.Л. Лирика пушкинской поры / Н.Л. Степанов // Степанов Н.Л. Поэты пушкинской поры. – Москва: Художественная литература, 1972. – С. 5-40.

170. Строганов М.В. «Песни западных славян»: диалог с Мицкевичем / М.В. Строганов // Пушкин: проблемы поэтики. – 1992. – С. 24-41.

171. Сутаева З.Р. Теоретические проблемы мемуарной и автобиографической прозы Пушкина / З.Р. Сутаева // Пушкин и теоретико-литературная мысль. – 1999. – С. 107-112.

172. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина / Л.В. Тимофеев. – Ленинград: Лениздат, 1983. – 287 с.

173. Тихомирова Ю.А. Вокальная трансляция как жанровая разновидность романтического перевода: (На материале переводов И.И. Козлова с английского) / Ю.А. Тихомирова // Дергачевские чтения – 2008. – 2009. – Т. 1. – С. 128-134.

174. Тихомирова Ю.А. Иноязычная основа «оригинальной» романтической лирики: Переводы-присвоения И.И. Козлова / Ю.А. Тихомирова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 8. – С. 37-41.

175. Тихомирова Ю.А. К проблеме «своего» и «чужого» текста в эстетике романтического перевода / Ю.А. Тихомирова // Материалы XL Международной филологической конференции, 14-19 марта 2011 г., Санкт-Петербург: Актуальные проблемы переводоведения. – 2011. – С. 158-164.

176. Тихомирова Ю.А. Образы байроновской Италии в поэтических переводах И.И. Козлова / Ю.А. Тихомирова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 357. – С. 41-46.

177. Тихомирова Ю.А. Особенности поэтики перевода поэмы Байрона «Абидосская невеста», выполненного И.И. Козловым / Ю.А. Тихомирова // Художественный текст: варианты интерпретации. – 2006. – Ч. 2. – С. 235-239.

178. Тихомирова Ю.А. Переводы И.И. Козлова как лирический цикл и жанры перевода / Ю.А. Тихомирова // Бюл. оператив. науч. информ. – 2006. – № 84. – С. 25-31.

179. Тихомирова Ю.А. Стратегии адаптации поэтического текста и феномен переводческого мифа: (На материале переводов И.И. Козлова) / Ю.А. Тихомирова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 165-170.

180. Тодд Ш У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху: [Пер. с англ.] / Уильям Миллз Тодд Ш. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. – 205 с.

181. Федосеева Е.Н. «Что восхитительнее, краше свободных дружеских бесед...»: [Литературные диалоги поэтов пушкинской плеяды] / Е.Н. Федосеева. – Москва: ИИУ МГОУ, 2006. – 240 с.

182. Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма: Монография / Т.В. Федосеева. – Москва: ИИУ МГОУ, 2006. – 158 с.

183. Штерн М.С. Пушкин и Баратынский: диалог в пространстве культуры / М.С. Штерн // Пушкинский альманах: Юбил. выпуск. – 1999. – С. 145-158.

184. Kucharska E. [Recensio] / E. Kucharska // *Slavia orientalis*. – W-wa, 1985. – Rocz. 34, № 1/2. – S. 152-154.

185. Mazzini G. D'una letteratura europea, in «Antologia», XXXVI, novembre-dicembre 1829. – Pp. 91-120.

186. Maliszewski J. Tworczosc poetycka Iwana Kozłowa / J. Maliszewski. – Czestochowa, 1984. – 200 s.

VI. Авторефераты диссертаций.

187. Батунова Т.К. Альманахи литераторов пушкинского круга: религиозно-нравственные искания в поэзии и прозе: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01 / Т.К. Батунова. – Москва, 1999. – 44 с.

188. Бобылёва С.В. Творчество И.И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Бобылёва. – Саратов, 2008. – 23 с.

189. Веденяпина Э.А. Романтизм И.И. Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э.А. Веденяпина. – Москва, 1972. – 21 с.

190. Глушакова Т.С. Дружеское послание как вид художественной коммуникации в культуре позднесоветского андеграунда 1970-1980-х гг.: автореферат ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Т.С. Глушакова. – Ярославль, 2002. – 19 с.

191. Горских О.В. Организация внутрикультурного диалога в процессе изучения поэзии пушкинской поры: автореферат ... канд. пед. наук: 13.00.02 / О.В. Горских. – Томск, 2009. – 23 с.

192. Гузина С.В. Ценностные ориентиры художественного мира И.И. Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / С.В. Гузина. – Москва, 2013. – 28 с.

193. Мойсевич В.Г. И.И. Козлов – переводчик британских поэтов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.Г. Мойсевич. – Омск, 2006. – 28 с.

194. Моклецова И.В. Художественное творчество, публицистическая и просветительская деятельность А.Н. Муравьёва в контексте русской литературы и культуры XIX века: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / И.В. Моклецова. – Москва, 2013. – 38 с.

195. Палий Е.Н. Салон как феномен культуры России XIX века: Традиции и современность: автореферат дис. ... докт. культурологии: 24.00.01 / Е.Н. Палий. – Москва, 2008 г. – 41 с.

196. Пятаева А.В. Художественное своеобразие поэзии Ивана Козлова: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А.В. Пятаева. – Волгоград, 2007. – 30 с.

197. Сайкина Н.В. Московский литературный салон кн. Зинаиды Волконской: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н.В. Сайкина. – Москва, 2002. – 30с.

198. Тихомирова Ю.А. Жанровые разновидности романтического перевода: на материале переводов И.И. Козлова из английских поэтов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Тихомирова. – Томск, 2008. – 22 с.

199. Федосеева Е.Н. Литературные диалоги поэтов пушкинской плеяды: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.Н. Федосеева. – Москва, 2001. – 27 с.

200. Яшина Т.А. Творчество Томаса Мура в контексте литературного развития в России 1820-1830-х гг.: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.А. Яшина. – Саратов, 2007. – 20 с.